947
B86

947
B86

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

482-10/XII 40

Колич. предыд. выдач.

Зак. 1653

ПРОВЕРКА 34 г.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

В. Н. БОЧКАРЕВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

XV—XVII вв.

56614
49

ПО СКАЗАНІЯМЪ

СОВРЕМЕННИКОВЪ-ИНОСТРАНЦЕВЪ.

947
Б 86

Московская Центральная
Публичная библиотека

Книгоиздательство типо-литографіи „ЭНЕРГІЯ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП., 17. 1914.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ „ЭНЕРГІЯ“,
СПБ., ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП., 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Сказанія иностранцевъ о Россіи XV—XVII вв. какъ историческій источникъ. *Очеркъ В. Н. Бочкарева* . . . . . 1—15

Территорія и населеніе.

1) Границы и пространство . . . . . 16—17
2) Природа страны и ея особенности 17
3) Климатъ и его вліяніе на населеніе . . . . . 17—19
4) Населеніе . . . . . 19—20

Экономическій строй.

1) Природныя богатства . . . . . 20—22
2) Сельское хозяйство 22
3) Торговля . . . . . 23—26
4) Характерныя особенности и пріемы торговли . . . . . 26—27
5) Средства и пути сообщенія . . . . . 27—28
6) Промышленность . . . . . 28—30

Сословный строй.

1) Безправное положеніе населенія . . . . . 30—31
2) Высшія сословія 31
3) Крестьяне . . . . . 31—32
4) Холопы . . . . . 32—33

Государственный строй.

1) Характеръ правленія . . . . . 33—35
2) Верховная власть . . . . . 35—36
3) Пріемы и средства управленія . . . . . 36—37
4) Дума и приказы . . . . . 37—38
5) Областное правленіе . . . . . 38—39
6) Административные нравы . . . . . 39—40
7) Судъ и система наказаній . . . . . 40—44
8) Царскіе доходы . . . . . 44—46
9) Монеты . . . . . 46—48
10) Войско . . . . . 48—50
11) Стратегія и тактика . . . . . 50—53
12) Вооруженіе . . . . . 53—54
13) Борьба со степью и охрана границъ . . . . . 54—56

Иностранныя посольства.

1) Московская Русь и иноземныя государства 56
2) Встрѣча и въѣздъ посла . . . . . 56—62
3) Посольскій дворъ въ Москвѣ . . . . . 62—64
4) Пріемъ посла во дворцѣ . . . . . 64—69
5) Угощеніе послу отъ царя . . . . . 70—71
6) Отпускъ посла 71

Москва.

стр.

1) Общій видъ города и его подраздѣленія . . . . . 71—73
2) Мосты на Москвѣ-рѣкѣ 73
3) Торговые площади и ряды . . . . . 74—76
4) Городскіе извозчики и полицейская стража . . . . . 76—77
5) Пожары и мѣры противъ нихъ . . . . . 94—95
6) Подмосковныя слободы и загородные дворцы . . . . . 78—79

Религія и духовенство.

1) Религіозные догматы и обряды . . . . . 79—80
2) Иконопочитаніе . . . . . 80—81
3) Церкви . . . . . 81—82
4) Черное духовенство и церковная іерархія . . . . . 82—85
5) Бѣлое духовенство . . . . . 85—86
6) Юродивые . . . . . 86—87
7) Церковныя праздненства и крестные ходы . . . . . 87—89
8) Вѣнчаніе на царство . . . . . 89—93

Домашній и общественный бытъ.

1) Царскій дворецъ 94
2) Домашній бытъ царя . . . . . 94— 97
3) Царскіе обѣды . . . . . 97— 98
4) Дворцовое хозяйство и царскія сокровища . . . . . 98—100
5) Царскіе выѣзды . . . . . 100—101
6) Царскія развлеченія . . . . . 101—105
7) Христосованіе царя съ боярами . . . . . 105—106
8) Царскія похороны 106
9) Выборъ невѣсты 106
10) Домашній бытъ царицы . . . . . 106—107
11) Выѣзды царицы 107
12) Воспитаніе царскихъ дѣтей 108
13) Дома знатныхъ и простыхъ людей . . . . . 108—110
14) Домовыя церкви у бояръ 110
15) Жилые покои и ихъ убранство . . . . . 111—112
16) Ѣда и питье . . . . . 112—114
17) Домашній бытъ знатныхъ и простыхъ людей . . . . . 114—115
18) Одежда русскихъ людей . . . . . 115—118
19) Экипажи и сбруя . . . . . 118—119
20) Пріемъ и угощеніе гостей . . . . . 119—122
21) Похоронные обряды . . . . . 122—123

Древне-русская семья.

1) Положеніе женщины . . . . . 123—124
2) Боярскій теремъ и его нравы . . . . . 124—125
3) Выѣзды знатныхъ женщинъ 125
4) Сватовство и свадьба . . . . . 125—132
5) Вдовы 132
6) Разводы и мужеубійство . . . . . 132—133

Нравы и обычаи.

1) Основныя черты народнаго характера . . . . . 133—135
2) Праздничные обычаи . . . . . 135—137
3) Народное пьянство . . . . . 137—139
4) Развлеченія . . . . . 139—140

Просвѣщеніе.

1) Невѣжество населенія . . . . . 140—141
2) Вражда къ иностранцамъ . . . . . 142—143
3) Воспитаніе дѣтей 143
3) Сближеніе съ иностранной культурой . . . . . 143—144

Сказанія иностранцевъ о Россіи XV—XVII вв.,

какъ историческій источникъ.

Въ каждомъ народѣ, даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на него, можно подмѣтить нѣчто „свое“, одному лишь ему присущее. Его племенной и національный обликъ формируется подъ вліяніемъ цѣлаго ряда сложныхъ явленій. Прежде всего на него отлагаетъ свой глубокій отпечатокъ природа страны, въ тѣсной связи съ которой вырабатывается его физическій типъ. Но то же вліяніе природы сказывается довольно сильно и на матеріальной и на духовной культурѣ народа. Его образъ жизни, его нравы и обычаи, его умственные интересы и даже религіозныя вѣрованія вытекаютъ непосредственно изъ того же источника. Въ теченіе многихъ столѣтій вырабатывается строй его жизни и накапливаются его физическія и психическія силы. Чѣмъ замкнутѣе живетъ данный народъ, тѣмъ въ болѣе своеобразныя и подчасъ причудливыя формы отливается его національный обликъ.

Къ концу XV в. на развалинахъ удѣльной старины образуется единое московское государство и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно вырабатывается національный типъ его населенія, которое почти все цѣликомъ принадлежитъ къ одному великорусскому племени. Государство и народъ такъ тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, что образуютъ одну неразрывную, органическую ткань. Широко раздвинувъ свои предѣлы, московская Русь XV—XVII в. должна была вести и на западной и на южной своей границѣ нескончаемыя войны не только оборонительнаго, но и наступательнаго характера. Надо было, съ одной стороны, обезпечить себя отъ степныхъ кочевниковъ, а съ другой—довершить процессъ объединенія присоединеніемъ къ Москвѣ чисто русскихъ областей, принадлежавшихъ въ то время польско-литовскому государству. Зародилась и еще одна завѣтная мечта—проникнуть къ берегамъ какого-нибудь моря, или Чернаго, или Балтійскаго, чтобы такимъ путемъ завязать прочныя связи съ

торговыми и промышленными странами Западной Европы. Эта упорная, нескончаемая борьба на два, а нерѣдко даже на три фронта, ставила все въ московскомъ государствѣ на военную ногу. Великій князь, превратившійся съ 1547 г. въ боговѣнчаннаго царя самодержца, былъ своего рода военнымъ диктаторомъ, отъ воли котораго зависѣла жизнь и смерть каждаго изъ его подданныхъ. А эти подданные, безъ различія происхожденія, представляли изъ себя громадную массу безправнаго люда, прикрѣпленнаго къ службѣ и тяглу. Одни служили мечомъ и копьемъ, являясь въ то же время совѣтниками великаго государя, администраторами и судьями, другіе должны были содержать служилыхъ людей, отбывая вмѣстѣ съ тѣмъ государевы подати и повинности, наконецъ, третьи, сидѣвшіе не на землѣ, а занимавшіеся торгами и промыслами, несли на своихъ плечахъ львиную долю финансовыхъ тягостей и завѣдывали сборомъ, какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ налоговъ. А надъ всей этой массой служилыхъ, крестьянъ и посадскихъ стояло черное и бѣлое духовенства, такъ называемые „государевы богомольцы“. Они также служили государству, стоя на стражѣ его правовѣрія и обезпечивая своими молитвами его успѣхи въ сферѣ внѣшней и внутренней политики. Внѣ этихъ сословныхъ группъ, члены которыхъ связаны были не столько правами, сколько обязанностями, находилась значительная по своему численному составу масса частновладѣльческихъ холоповъ, которые не несли никакихъ государственныхъ обязанностей, а цѣликомъ принадлежали своимъ господамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ. Такимъ образомъ, населеніе московскаго государства, недавно только освободившееся отъ ненавистнаго татарскаго ига, не избавилось отъ своего приниженнаго рабскаго положенія. Воля великаго государя для всѣхъ была закономъ, а его отношенія къ подданнымъ какъ нельзя лучше характеризуются слѣдующими словами Ивана Грознаго: „жаловать мы своихъ холоповъ вольны, да и казнить ихъ вольны же“.

Возлагая всю свою надежду на великаго государя, русскіе люди XVI в. источникъ его власти видѣли въ Божественномъ промыслѣ. Царь въ ихъ глазахъ былъ намѣстникомъ Бога на землѣ и всѣ его дѣла отмѣчены были печатью Божьяго благословенія. Свои быстрые внѣшніе успѣхи и самъ московскій государь и его подданные ставили въ тѣсную, неразрывную связь съ торжествомъ православія на Руси. Въ то время какъ Византія измѣняла свято-отческимъ преданіямъ на Руси православіе „паче солнца возсіяло“. Византію поработили агарянскіе внуки, безбожные мусульмане, а Москва почти въ то же самое время упро-

чиваетъ свою независимость и освобождаетъ себя отъ татаръ, которые были такими же мусульманами, какъ и турки, разгромившіе Византію. Москва уже не только стольный городъ великаго князя, а третій Римъ, средоточіе всего православія. А государство русское это — святая Русь, страна несмолкаемаго колокольнаго звона и безконечныхъ церковныхъ службъ. Все „свое“, по мнѣнію русскихъ, было много выше и лучше „чужого“ и они презрительно относились ко всему иноземному, откуда бы оно ни шло—съ Балканскаго ли Востока, или съ Европейскаго Запада.

А какъ разъ въ это время московское государство становится лицомъ къ лицу съ западной Европой, съ которой она завязываетъ сначала слабыя и часто порывающіяся, потомъ все болѣе крѣпнущія связи. Москва нуждалась и въ иноземныхъ знаніяхъ и въ иноземныхъ капиталахъ, а предпріимчивыхъ иностранцевъ манили въ Московію не только ея природныя богатства, но и близость ея къ тѣмъ азіатскимъ государствамъ, которые своей сказочной роскошью издавна приковывали къ себѣ вниманіе предпріимчивыхъ европейскихъ торговцевъ и промышленниковъ.

Заброшенному судьбой въ отдаленную Московію иностранцу все въ ней казалось страннымъ и необычнымъ. Его поражала своими особенностями и природа страны, и обиліе ея естественныхъ богатствъ, и деспотическій характеръ власти, и безправное положеніе населенія, но, конечно, больше всего онъ долженъ былъ останавливаться въ недоумѣніи передъ явленіями бытового характера, передъ нравами, обычаями и религіозными вѣрованіями. И въ этомъ не было ничего удивительнаго: вѣдь, именно, съ этой стороны Россія XV—XVII вв. всего больше отличалась отъ Западной Европы. Ея бытовой укладъ жизни формировался преимущественно подъ восточными вліяніями—Византіи и Золотой Орды, въ европейскихъ же государствахъ слишкомъ сильно сказывались начала, заимствованныя изъ романо-германской старины. „Нравственный бытъ и характеръ русскихъ людей того времени“, говоритъ В. О. Ключевскій, „долженъ былъ казаться иностранному наблюдателю слишкомъ страннымъ, слишкомъ несходнымъ съ основными его понятіями и привычками, чтобы онъ могъ отнестись къ нему съ полнымъ спокойствіемъ, взглянуть на него не съ своей личной точки зрѣнія, а со стороны тѣхъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагался этотъ бытъ и характеръ“ [1]). Попадая изъ Лондона

[1]) Сказанія иностранцевъ о Россіи, 9 стр. Москва, 1865 г.

или Вѣны въ столицу московскаго государства съ ея почти что азіатской внѣшностью, иностранный путешественникъ,—кто бы онъ ни былъ—торговый ли агентъ или полномочный посолъ, былъ прямо ошеломляемъ развертывающейся передъ его глазами яркой и причудливой картиной. Все, что поражало его вниманіе, онъ или старался запомнить или немедленно заносилъ въ свою записную книжку и затѣмъ на досугѣ, вернувшись на родину, составлялъ по этимъ воспоминаніямъ и бѣглымъ замѣткамъ разсказъ о томъ, какъ живутъ московиты, которыми такъ сильно интересовались въ западной Европѣ XV—XVII стол.

„Незнакомый или мало знакомый съ исторіей народа, чуждый ему по понятіямъ и привычкамъ, иностранецъ не могъ дать вѣрнаго объясненія многихъ явленій русской жизни, часто не могъ даже безпристрастно оцѣнить ихъ; но описать ихъ, выставить наиболѣе замѣтныя черты, наконецъ, высказать непосредственное впечатлѣніе, производимое ими на непривыкшаго къ нимъ человѣка, онъ могъ лучше и полнѣе, нежели люди, которые приглядѣлись къ подобнымъ явленіямъ и смотрѣли на нихъ со своей домашней, условной точки зрѣнія“ [1]). Не зная русской рѣчи, будучи „нѣмымъ“ среди чуждаго ему народа, онъ пользовался иногда довольно мутными источниками для своихъ описаній, которыя имѣли тѣмъ большій успѣхъ у европейскаго читателя, чѣмъ больше въ нихъ было чудеснаго и фантастическаго. И недаромъ говорилъ одинъ иноземный писатель XVIII в., что русскій народъ въ продолженіе многихъ вѣковъ имѣлъ то несчастіе, что каждый свободно могъ распускать о немъ по свѣту всевозможныя нелѣпости, не опасаясь встрѣтить возраженія. Можно представить, какія ни съ чѣмъ несообразныя свѣдѣнія распространялись о московскомъ государствѣ въ Западной Европѣ XV и первой половины XVI в., если даже въ XVIII стол. русскій резидентъ при одномъ изъ западно-европейскихъ дворовъ, подыскивая для Петра Великаго знающихъ и опытныхъ людей, жаловался на то, что эти люди боятся ѣхать въ Россію, считая „ее краемъ свѣта“ и полагая, что „эта страна съ Индіями граничитъ“.

Хотя современники иностранцы упорно не хотѣли признавать московитовъ европейцами и презрительно называли ихъ „сущими варварами“, но въ запискахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ подмѣтилъ еще В. О. Ключевскій, „изрѣдка встрѣчаются намеки на то, что они чувствовали въ древне-русскомъ обществѣ, подъ его азіатскою формой присутствіе началъ, родственныхъ съ

---

[1]) В. О. Ключевскій. Назв. соч. 8 стр.

тѣми, которыми жила Западная Европа, и среди множества явленій, непріятно поражавшихъ европейца, умѣли подмѣтить и такія, къ которымъ послѣ строгой оцѣнки не могли не отнестись съ сочувствіемъ“ [1]). Ихъ подчасъ поражала та физическая и нравственная мощь, которую таилъ въ себѣ русскій народъ и это жуткое чувство кое-гдѣ мелькаетъ на страницахъ ихъ сказаній. „Если бы русскіе знали свою силу, — говоритъ Ричардъ Ченслеръ: — никто не могъ бы бороться съ ними, а отъ ихъ сосѣдей остались бы только кое-какіе остатки. Но думаю, что это не угодно Богу; могу сравнить ихъ съ молодою лошадью, не знающей своей силы: малый ребенокъ управляетъ ею и водитъ ее на уздѣ, не взирая на всю ея великую силу; но если бы она сознавала ее, не только дитя, но и никакой мужъ не могъ бы править ею“ [2]).

Несмотря, однако, на нѣкоторую тенденціозность, а подчасъ даже и неосвѣдомленность, иностранцы, писавшіе о Россіи XV—XVII столѣтій, собрали въ своихъ сочиненіяхъ обильный и въ высшей степени интересный матеріалъ. Не будь у насъ ихъ записокъ и дневниковъ, мы принуждены были бы для характеристики домашняго и общественнаго быта древней Руси пользоваться только такими памятниками, какъ Домострой XVI в. и сочиненіе о Россіи XVII в. Котошихина. Вѣдь, актовый матеріалъ, хранящійся въ нашихъ архивахъ и лишь отчасти изданный въ различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ сборникахъ, характеризуетъ преимущественно хозяйственную и юридическую сторону русскаго историческаго прошлаго. Но культурно-бытовой укладъ древне-русской жизни можетъ быть возстановленъ только по запискамъ современниковъ, а авторами такихъ записокъ были преимущественно иностранные путешественники, пріѣзжавшіе въ московское государство съ различными цѣлями. Дополняя одного иностранца другимъ, сопоставляя то, что говорили объ одномъ и томъ же предметѣ сочиненія различныхъ современниковъ—иностранцевъ, мы можемъ довольно ясно представить, какъ жили наши предки и на какомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ они стояли.

---

[1]) В. О. Ключевскій. Назв. соч. 6 стр.

[2]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1884 г. № 10—12, 8 стр.

Московское государство долго не обращало на себя вниманія Западной Европы, не имѣвшей съ нимъ никакихъ общихъ интересовъ. Только съ конца XV в., когда завершился процессъ его образованія, въ Европѣ начинаютъ болѣе внимательно относиться къ тому, что происходило на ея восточной окраинѣ. „Отъ XV в. мы имѣемъ немногія краткія замѣтки о Московіи отъ иностранцевъ, случайно попавшихъ въ Россію и остававшихся въ ней очень недолго. Но скоро разныя историческія обстоятельства подали поводъ къ болѣе близкимъ и частымъ сношеніямъ между Москвой и нѣкоторыми западно-европейскими дворами—и начиная со времени княженія Василія Ивановича идетъ длинный рядъ болѣе или менѣе подробныхъ описаній московскаго государства, составленныхъ или по непосредственнымъ наблюденіямъ людьми, пріѣзжавшими на Русь съ разными цѣлями, преимущественно въ качествѣ пословъ, или по разсказамъ другихъ путешественниковъ“ [1]).

Въ XV в. европейская торговля сосредоточивалась преимущественно вокругъ Средиземнаго моря. Ея нити держали въ своихъ рукахъ Генуя и Венеція, стремившіяся захватить какъ можно больше торговыхъ рынковъ. Ихъ торговые агенты прочно осѣдаютъ по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей и проникаютъ даже въ Золотую Орду и во владѣнія персидскаго шаха. Повсюду, на Востокѣ, гдѣ только происходила оживленная торговля, они встрѣчались съ русскими купцами. Отъ нихъ они старались вывѣдать интересующія ихъ подробности о далекихъ сѣверныхъ странахъ, признававшихъ власть московскаго великаго князя. Эти случайно собранныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе, отличались иногда довольно цѣнными подробностями. Такъ, напр., одинъ венеціанскій дворянинъ, Іосафатъ Барбаро, описавшій свое путешествіе въ Тану (нынѣшій Азовъ) въ 30-хъ—40-хъ гг. XV в. даетъ о Московіи много любопытныхъ извѣстій, преимущественно географическаго и экономическаго характера. Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія удалось собрать другому венеціанцу Амвросію Контарини, котораго судьба совершенно случайно забросила на Русь въ 1476 г. Онъ былъ отправленъ полномочнымъ посломъ ко двору персидскаго шаха и обратный путь совершилъ не по Черному морю, гдѣ въ то время производили свои завоеванія турки, а по Волгѣ и Окѣ, черезъ владѣнія московскаго великаго князя. Контарини писалъ уже, какъ очевидецъ, и въ его разсказъ включено много интересныхъ фактическихъ подробностей.

---

[1]) В. О. Ключевскій. Назв. соч. 10 стр.

Если для правительства венеціанской республики интересно было ознакомиться съ отдаленною Московіей въ цѣляхъ чисто торговыхъ и промышленныхъ, то папскій престолъ, стремившійся къ широкой пропагандѣ католицизма, смотрѣлъ на дѣло съ иной точки зрѣнія. Ему хотѣлось, во что бы то ни стало, подчинить своему церковному авторитету недавно открытое для Западной Европы государство, и высшіе представители католическаго духовенства съ папой во главѣ начинаютъ обнаруживать довольно большой интересъ къ быту, нравамъ и религіозной жизни московитовъ. Къ 20-мъ гг. XVI ст. относятся два описанія московскаго государства, составленныя, по всему вѣроятію, по порученію римской куріи. Одно изъ нихъ принадлежитъ перу Павла Іовія Новокомскаго, а авторомъ другого былъ Альбертъ Кампензе. Оба они были лица духовнаго званія и писали со словъ людей, хорошо знавшихъ бытъ и нравы московскаго государства; такъ, напр., Кампензе не разъ ссылается на своего братца и отца, живших ъ довольно долго на Руси. Неизвѣстно, какими цѣлями руководился Михалонъ Литвинъ, составившій приблизительно въ то же время обширное описаніе на латинскомъ языкѣ быта и нравовъ народовъ, обитавшихъ въ восточной Европѣ, но, быть можетъ, онъ также хотѣлъ освѣтить вопросъ, именно, съ той стороны, на которую обращали наибольшее вниманіе представители господствующей въ западной Европѣ церкви.

Однако, московская Русь XVI в. являлась уже настолько значительной политической единицей, что съ ней приходилось считаться многимъ европейскимъ государствамъ. Такъ какъ во внѣшней политикѣ восточной Европы первенствующее положеніе занимала Священно-Римская Имперія, то вполнѣ понятно, что первыя дипломатическія сношенія съ Москвою завязалъ вѣнскій дворъ. Въ результатѣ этихъ сношеній и появляется въ свѣтъ знаменитый трудъ барона Сигизмунда Герберштейна, два раза побывавшаго во владѣніяхъ московскаго великаго князя Василія Ивановича въ качествѣ посла въ 1516 и 1526 гг. Его „Записки о московитскихъ дѣлахъ“ были первымъ по времени всесторонним ъ и подробнымъ описаніемъ московскаго государства, чему не мало способствовало то обстоятельство, что Герберштейнъ довольно хорошо зналъ русскій языкъ и имѣлъ, кромѣ того, подъ руками нѣкоторые лѣтописные списки и Судебникъ 1497 г. Положеніе дѣлъ въ Польшѣ, гдѣ въ 1572 г. прекратилась династія Ягеллоновъ, а отчасти затянувшаяся на много лѣтъ война Россіи съ Ливоніей заставили императоровъ Максимиліана и Рудольфа II въ 1576 и 1578 гг. снарядить въ Москву два посольства, въ которыхъ принималъ участіе Даніилъ, принцъ изъ Бухова. По

возвращеніи изъ Москвы онъ составилъ для императора Максимиліана краткую записку о Московіи, которую затѣмъ издалъ въ свѣтъ его внукъ подъ заглавіемъ: „Начало и возвышеніе Московіи“. Съ дипломатическими же порученіями отправляемъ былъ въ Москву другой посолъ римскаго императора, Николай Варкочъ. Ему пришлось быть въ Московіи цѣлыхъ три раза въ въ 1589, 1593 и 1594 гг. при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, что дало ему возможность довольно внимательно присмотрѣться къ внѣшнему и внутреннему укладу русской жизни того времени и затѣмъ выпустить въ свѣтъ описаніе своего путешествія.

Если турецкія и польскія дѣла заставляли московское государство пересылаться съ вѣнскимъ дворомъ, то балтійскій вопросъ, довольно остро поставленный при Иванѣ Грозномъ, приводилъ къ дипломатическимъ сношеніямъ съ государствами, расположенными по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Такъ, напр., въ 70-хъ гг. XVI в. въ Москвѣ два раза былъ датскій посолъ Яковъ Ульфельдъ, на котораго возложено было порученіе уладить недоразумѣнія, возникшія между Даніей и московскимъ государствомъ во время Ливонской войны. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ переговорахъ, Ульфельдъ, вѣроятно, въ цѣляхъ самооправданія издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ даетъ весьма отрицательную характеристику Московіи и ея жителей.

Но центральнымъ узломъ въ сношеніяхъ Россіи съ Западной Европой въ XVI в. являются тѣ прочныя связи, которыя установились съ Англіей, начиная съ 1553 г. Англійская торговая компанія въ поискахъ, съ одной стороны, болѣе краткаго пути въ Индію, а съ другой—новыхъ странъ для своей промышленной дѣятельности, снарядила, какъ извѣстно, въ 50-хъ гг. XVI в. морскую экспедицію въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Одинъ изъ трехъ кораблей, почти затертый льдами, случайно былъ занесенъ въ устье Сѣверной Двины. Капитанъ его, Ричардъ Ченслеръ, былъ весьма милостиво принятъ при дворѣ Ивана Грознаго, и англійской торговой компаніи скоро удалось добиться права безпошлинной торговли въ предѣлахъ московскаго государства. Англичане появляются и въ самой Москвѣ, и въ Вологдѣ, и въ Ярославлѣ, и въ новомъ городѣ—Архангельскѣ. Однако, вскорѣ они встрѣчаютъ довольно опасныхъ конкурентовъ въ лицѣ голландцевъ, получившихъ также значительныя льготы. Обѣ торговыя компаніи вели между собою упорную борьбу. Для защиты своихъ торговыхъ интересовъ англичане почти постоянно держали въ Москвѣ довѣренныхъ лицъ. Когда же ихъ привиллегированному положенію угрожала какая-нибудь серьезная опасность, англій-

ское правительство снаряжало въ Москву чрезвычайныя посольства для улаженія споровъ и разногласій. До насъ дошли описанія нѣкоторыхъ изъ этихъ посольствъ: Томаса Рандольфа въ 1568—69 гг., Ер. Боуса въ 1583—84 гг. и Джильса Флетчера въ 1588—89 гг. Наибольшій интересъ представляетъ сочиненіе Флетчера, обладавшаго большимъ юридическимъ и богословскимъ образованіемъ. Его трактатъ „О государствѣ русскомъ“ отличается весьма крупными достоинствами и наряду съ „Записками“ Герберштейна является лучшимъ пособіемъ для изученія быта и нравовъ московскаго государства XVI в. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ много вниманія удѣлено вопросамъ экономическимъ, которые наиболѣе интересовали предпріимчивыхъ англичанъ. Но, пожалуй, еще подробнѣе явленія русской, хозяйственной жизни освѣщены въ запискахъ торговыхъ агентовъ англійской компаніи, какими были самъ Ченслеръ, какой-то неизвѣстный англичанинъ, проведшій въ Москвѣ зиму 1557—58 гг., Дженкинсонъ, совершившій въ Россію большое путешествіе въ 1557 г. и затѣмъ проѣхавшій далѣе на востокъ, и Горсей, который оставался въ Москвѣ почти 20 лѣтъ съ 1572 г. по 1591 г. Такимъ образомъ, извѣстія англичанъ о Россіи второй половины XVI в. представляютъ историческій матеріалъ значительной научной цѣнности.

Но наряду съ полномочными послами и торговыми коммиссіонерами въ Россію эпохи Грознаго и царя Ѳеодора продолжали заѣзжать случайные иностранные путешественники, подобно тому, какъ это бывало еще въ XV в. Такъ въ 1565 г. мы встрѣчаемъ въ ней какого-то итальянца Рафаэля Барберини, прибывшаго, можетъ быть, съ тайной мыслью подготовить сближеніе московской Руси съ папской куріей, которая все еще не оставляла надежды подчинить ее своему церковному авторитету. Вѣдь, какъ разъ нѣсколько лѣтъ спустя въ Москвѣ появился знаменитый Антоній Поссевинъ, который будетъ даже вести продолжительный диспутъ съ царемъ Иваномъ Грознымъ по вопросамъ религіознаго характера. Такимъ образомъ, въ теченіе XVI в. сношенія Россіи съ Западной Европой пріобрѣтаютъ прочный, вполнѣ постоянный характеръ. Иностранцы съ различныхъ точекъ зрѣнія могли изучать московскую Русь и каждый старательно записывалъ то, на чемъ преимущественно было сосредоточено его вниманіе.

Но особенно усилился притокъ иноземцевъ на Русь въ эпоху Смуты и въ годы, непосредственно за нею слѣдовавшіе. Въ водоворотѣ разнообразныхъ событій, совершавшихся въ московскомъ государствѣ въ это время, иноземные наблюдатели жадно ловили то, что могло, по ихъ мнѣнію, имѣть интересъ новизны и занима-

тельности. Ихъ вниманіе приковывали къ себѣ, главнымъ образомъ, факты и лица, иногда совершенно неожиданно появлявшіеся на поверхности историческаго потока. Представители самыхъ разнообразныхъ національностей и вѣроисповѣданій толпились въ это время вокругъ законныхъ и самозванныхъ царей, иногда на много лѣтъ оставаясь на житье въ предѣлахъ московскаго государства. Большая часть изъ нихъ старательно записывала все видѣнное и слышанное, мало заботясь о томъ, чтобы придать своему повѣствованію литературную внѣшность. Изъ иностранныхъ сочиненій о Россіи эпохи Смуты особенно цѣннымъ является объемистый трудъ капитана Якова Маржерета, француза по происхожденію, бывшаго начальникомъ тѣлохранителей при царѣ Борисѣ и Названомъ Дмитріи. Онъ не заполняетъ своего „Описанія Россійской Державы“ фактическими подробностями первыхъ лѣтъ Смуты, подобно другимъ составителямъ записокъ и хроникъ того времени, а даетъ въ немъ превосходную характеристику какъ внѣшняго положенія московскаго государства, такъ и различныхъ сторонъ его внутренняго быта.

Но какъ только въ странѣ наступило успокоеніе, сношенія Россіи съ Европой начинаютъ пріобрѣтать регулярный характеръ, Наиболѣе промышленныя изъ европейскихъ государствъ смотрятъ въ это время на Московію не только, какъ на арену приложенія своей хозяйственной дѣятельности, но и какъ на страну, черезъ которую удобнѣе всего можно поддерживать торговлю съ азіатскими народами. Персія и Индія въ это время приковываютъ къ себѣ вниманіе представителей западно-европейскаго индустріализма. Кромѣ англичанъ и голландцевъ, торговыя выгоды побуждаютъ правительства другихъ государствъ Западной Европы отправлять посольства или въ Россію или черезъ нее въ сосѣднія азіатскія страны. Еще въ 1602—1603 гг. черезъ Московію проѣхали два посла императора Рудольфа II, Степанъ Какашъ и Георгъ Тектандеръ во владѣнія персидскаго шаха Аббаса. Они побывали и въ Москвѣ и въ Казани, гдѣ имъ даже пришлось зимовать, и въ Астрахани,—и свои дорожныя впечатлѣнія старательно заносили на бумагу. Но особенно большое значеніе для русской исторической науки имѣетъ капитальный трудъ Адама Олеарія, котораго судьба три раза забрасывала въ Россію въ 1634, 1636 и 1639 гг. Онъ былъ секретаремъ голштинскаго посольства, отправленнаго къ московскому и персидскому дворамъ. Его перу принадлежитъ превосходное описаніе, какъ географическихъ достопримѣчательностей, встрѣчавшихся посольству на пути его слѣдованія изъ Западной Европы въ Персію, такъ и подробныя характеристики всѣхъ сторонъ русской жизни той эпохи.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Россія уже почти входитъ въ семью европейскихъ государствъ, т. к. продолжительныя войны съ Польшей, Швеціей и Турціей заставляютъ ее вступать въ довольно близкія дипломатическія сношенія съ Западной Европой. При нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ появляются постоянные русскіе резиденты, а въ Москвѣ уже встрѣчаются полномочные министры западныхъ государствъ въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ. Священно-Римская Имперія, заинтересованная, можно сказать, во всѣхъ вопросахъ русской внѣшней политики, старалась время отъ времени черезъ своихъ пословъ давать желательное направленіе отношеніямъ Москвы къ Польшѣ и Швеціи и регулировать сношенія царя съ Оттоманской портой и Крымомъ. Какъ разъ въ разгаръ войнъ царя Алексѣя со Швеціей и Польшей въ 1661—63 гг. прибыли въ Москву отъ императора Леопольда Августинъ Майербергъ и Горацій Гуліельмъ Кальвуцій. Пробывъ въ Россіи болѣе года они составили пространное донесеніе о своемъ посольствѣ для императора, а Майербергъ, сверхъ того, еще напечаталъ весьма замѣчательное описаніе своего путешествія въ Москву. Оно написано чрезвычайно живымъ и литературнымъ языкомъ и наряду съ трудомъ Олеарія даетъ превосходный матеріалъ для изученія домашняго и общественнаго быта той эпохи. Почти въ то же время былъ въ Россіи и архидіаконъ Павелъ Алеппскій. Ему пришлось сопровождать въ Москву своего отца антохійскаго патріарха Макарія, ѣздившаго къ царю Алексѣю, подобно другимъ высшимъ іерархамъ восточной православной церкви за милостынею, которою тамъ, обычно, ихъ щедро надѣляли. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ съ 1654 по 1656 гг. онъ внимательно наблюдалъ русскую жизнь, какъ въ малороссійской Украйнѣ, такъ и въ различныхъ мѣстностяхъ Великороссіи, гдѣ ему пришлось проѣзжать и останавливаться. Конечно, наибольшее количество страницъ въ своемъ трудѣ Павелъ Алеппскій отводитъ вопросамъ религіознаго быта—описанію церквей и монастырей, церковныхъ службъ и процессій, вѣрованій и обрядовъ. Особенно интересно сопоставить наблюденія этого иноземца, пріѣхавшаго съ православнаго востока съ тѣми сужденіями о русской вѣрѣ, нравахъ и обычаяхъ, которые высказывали иностранцы западноевропейскаго происхожденія, католики и протестанты.

По мѣрѣ того, какъ вліяніе европейской культуры сказывалось все сильнѣе въ русской жизни, въ Москвѣ все чаще можно было встрѣтить иностранцевъ, самыхъ разнообразныхъ профессій, пріѣзжавшихъ сюда или по собственной иниціативѣ или по приглашенію царскаго правительства. Живя или при дворѣ москов-

скаго государя или въ Нѣмецкой слободѣ, недалеко отъ Москвы, эти иноземные наблюдатели могли почерпнуть изъ собственныхъ впечатлѣній и изъ разговоровъ съ освѣдомленными лицами много цѣнныхъ и любопытныхъ свѣдѣній. По возвращеніи на родину, иногда послѣ долговременнаго пребыванія въ Россіи, они издавали свои записки, въ которыхъ помѣщали все то, что могло, по ихъ мнѣнію, представить извѣстный интересъ для европейскаго общества. Такъ, Самуилъ Коллинсъ, занимавшій съ 1659 г. по 1666 г. должность царскаго врача, составилъ довольно любопытную характеристику современнаго ему состоянія Россіи въ видѣ письма къ другу, живущему въ Лондонѣ. А племянникъ другого царскаго врача, Яковъ Рейтенфельсъ, жившій въ Россіи два года 1670—72-й, напечаталъ очень цѣнный и систематически составленный трудъ, посвятивъ его своему покровителю герцогу Тосканскому, Козьмѣ III.

Послѣднія двадцать пять лѣтъ XVII в. являются какъ бы преддверіемъ къ преобразовательной эпохѣ Петра Великаго. Борьба старины съ новизною въ это время особенно сильно сказывается въ русской жизни. На старой корѣ появляются новые побѣги, въ отцовскій и дѣдовскій житейскій обиходъ все сильнѣе просачивается вліяніе европейской культуры. За это время, конечно, не мало иностранцевъ пріѣзжало на Русь и при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и при царевнѣ Софьѣ и въ первые годы самостоятельнаго правленія Петра Великаго. Благодаря той широкой внѣшней политикѣ, которую въ эти годы вела Россія въ союзѣ съ цѣлымъ рядомъ европейскихъ государствъ, эти иностранцы пріѣзжали, главнымъ образомъ, для разрѣшенія задачъ чисто дипломатическаго характера. Въ 1678 г. въ Москву прибыло торжественное посольство изъ Польши во главѣ съ княземъ Чарторійскимъ и Сапѣгой. Цѣлыхъ три мѣсяца велись дипломатическіе переговоры, а одинъ изъ дворянъ, находившійся въ посольской свитѣ, Бернгардъ Таннеръ, чехъ по происхожденію, изучалъ въ это время причудливыя очертанія русской жизни и составлялъ описаніе своего путешествія. Въ исходѣ правленія царевны Софьи за нѣсколько мѣсяцевъ до ея паденія въ 1689 г. въ Москвѣ появляется французскій дипломатическій агентъ Невилль, котораго отправили по настоянію французскаго посла при польскомъ дворѣ, маркиза де-Ботюна, съ цѣлью вывѣдать, въ чемъ будутъ состоять переговоры отправленныхъ въ Москву шведскаго и бранденбургскаго посланниковъ. За пять мѣсяцевъ своего пребыванія въ московскомъ государствѣ Невилль получилъ довольно много впечатлѣній, связанныхъ, главнымъ образомъ, съ личностью такого крупнаго реформатора, какъ кн. В. В. Голицынъ, и съ его широкими преобразователь-

ными планами. Въ составленномъ имъ любопытномъ описаніи можно встрѣтить много цѣнныхъ характеристикъ и живыхъ бытовыхъ картинъ. Въ самомъ концѣ XVII в. въ 1698 г., какъ разъ въ то время, когда Петръ былъ за границей и затѣмъ тотчасъ по своемъ возвращеніи принялся за кровавую расправу со стрѣльцами, въ Москву прибылъ отъ цесаря Леопольда I чрезвычайный посолъ де-Гваріентъ Ралль, секретарь котораго Іоганнъ Корбъ составилъ дневникъ путешествія, заключающій въ себѣ правдивое, изо дня въ день составляемое описаніе всего видѣннаго и слышаннаго. Въ этомъ дневникѣ передъ нами уже выступаютъ блѣдные абрисы преобразованной Россіи и быть можетъ Корбъ былъ первымъ, кто повѣдалъ европейскому обществу о началѣ тѣхъ реформъ, которыя должны были ввести Россію въ семью культурныхъ западно-европейскихъ государствъ.

Итакъ, за продолжительный, болѣе, чѣмъ въ 2 вѣка, періодъ времени московское государство посѣтило не мало иностранцевъ. Почти каждый изъ нихъ отмѣтилъ въ своихъ запискахъ какую-нибудь новую черту или въ его государственномъ и общественномъ строѣ, или въ его культурно-бытовомъ укладѣ жизни. Если въ первое время сочиненія иностранныхъ путешественниковъ о Россіи похожи на бѣглыя замѣтки случайныхъ туристовъ, то, позднѣе, особенно послѣ Смуты они все болѣе пріобрѣтаютъ характеръ вполнѣ литературныхъ произведеній съ подробнымъ, иногда даже довольно достовѣрнымъ содержаніемъ. Мы уже отмѣчали, что для XVI в. наиболѣе цѣнными являются описанія путешествій Герберштейна и Флетчера, что же касается XVII стол., то самый значительный историческій интересъ представляютъ изъ себя сочиненія Олеарія, Майерберга и Рейтенфельса.

Конечно, изъ большого количества иностранныхъ сочиненій о Россіи XV—XVII вв. для настоящаго сборника приходилось выбирать почти исключительно такія, въ которыхъ больше всего мѣста отведено описаніямъ и характеристикамъ различныхъ сторонъ русской жизни. Всѣ тѣ записки и дневники, въ которыхъ вниманіе автора преимущественно сосредоточено на фактической сторонѣ разсказа, въ которыхъ на первый планъ выступаютъ событія изъ личной жизни мемуариста или разсказъ испещренъ историческими подробностями, приходилось оставлять въ сторонѣ, не включая въ настоящее изданіе.

Для лицъ, заинтересовавшихся тѣми первоисточниками, изъ которыхъ извлечены помѣщаемые въ настоящей книгѣ отрывки,

мы сочли не лишнимъ привести подробный перечень всѣхъ тѣхъ иностранныхъ сочиненій о Россіи XV—XVII вв., которыми намъ пришлось воспользоваться. Въ дальнѣйшемъ, подъ каждымъ отрывкомъ читатель найдетъ только лишь указаніе на автора съ глухой ссылкой на страницы его сочиненія.

XV вѣкъ.

1. Путешествіе въ Тану Іосафата Барбаро, венеціанскаго дворянина. — Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. В. Семенова, т. I, 1836 г. Спб.

2. Путешествіе Амвросія Контарини, посла свѣтлѣйшей венеціанской республики, къ знаменитому персидскому государю Узунъ-Гассану, совершенное въ 1473 г.; напечатано тамъ же.

XVI вѣкъ.

3. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о Московитскихъ дѣлахъ. — Переводъ Малеина; изданіе Суворина. 1908 г. Спб.

4. Павелъ Іовій Новокомскій. Книга о Московитскомъ посольствѣ.—Переводъ Малеина, изданіе то же.

5. Письмо Альберта Кампензе къ Его святѣйшеству папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московитскихъ. — Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. В. Семенова, т. I. 1836 г. Спб.

6. Михалонъ Литвинъ. О нравахъ татаръ, литовцевъ и московитянъ. Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній о Россіи. М. 1854 г. 2 кн. 2-ая полов.

7. Ричардъ Ченслеръ. Книга о великомъ и могущественномъ царѣ Русскомъ и великомъ кн. Московскомъ и о владѣніяхъ, порядкахъ и произведеніяхъ сюда относящихся.

8. Описаніе Россіи неизвѣстнаго англичанина, служившаго зиму 1557—58 гг. при царскомъ дворѣ.

9. Путешествіе м. Антона Дженкинсона.

10. Путешествіе Томаса Рандольфа.

11. Посольство Ер. Боуса.

Напечатаны въ „Извѣстіяхъ англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI в.“ — Чтенія въ Имп. Обществѣ Ист. и Древн. Росс. 1884 г. Октябрь—Декабрь.

12. Путешествія въ Московію Рафаэля Барберини въ 1565 г. съ италіанскаго. — Сказаніе иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII вв. Спб. 1843 г.

13. Путешествіе въ Россію датскаго посланника Якова Ульфельда въ XVI в.—Переводъ Ел. Барсова. Москва. 1889 г.

14. Начало и возвышеніе Московіи, — сочиненіе Даніила, принца изъ Бухова. — Съ латинскаго перевелъ Ив. А. Тихомировъ.—Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. Москва. 1877 г.

15. Записки о Московіи XVI в. сэра Джерома Горсея. — Переводъ Н. А. Бѣлозерской.

16. О Государствѣ Русскомъ.—Сочиненіе Флетчера, изд. Суворина. Спб. 1906 г. изданіе третье.

17. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча. 1593 г.

XVII вѣкъ.

18. Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго.—Сочиненіе капитана Маржерета. — Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, перевелъ Н. Устряловъ, ч. I. Спб. 1859 г.

19. Какашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг., переводъ А. Станкевича.

20. Адамъ Олеарій.—Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, переводъ Павла Барсова. Москва. 1870 г.

21. Павелъ Алеппскій. Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, переводъ съ арабскаго Г. Муркоса, вып. II, III и IV. Москва 1897—1898 гг.

22. Самуилъ Коллинсъ. Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ, переводъ Петра Кирѣевскаго.—Москва. 1846 г.

23. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга въ 1661 г.—Чтенія Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1873 г. № 3.

24. Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Козьмѣ третьему Тосканскому о Московіи. Падуя. 1680 г., переводъ Алексѣя Станкевича. Москва. 1905 г.

25. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1878 г., пер. съ латинскаго И. Иванина. Москва. 1891 г.

26. Невилль. Записки о Московіи. 1689 г. — Русская Старина. 1891 г. 71 т.

27. Корбъ, Іог. Георгъ. Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора Гваріента, посла императора Леопольда I въ 1698 г., переводъ Б. Женева и М. Семевскаго. Москва, 1867.

Территорія и населеніе.

1) Границы и пространство.

Россія или, какъ нѣкоторые называютъ ее, Бѣлая Россія, или же, какъ вообще, также называютъ ее, по главному, стольному городу ея, Москвѣ, лежащему въ серединѣ страны, Московія составляетъ одну изъ самыхъ крайнихъ частей Европы, граничащую съ Азіей и обнимающую собой весьма значительное пространство. Такъ, въ длину она простирается на 30 градусовъ, или 450 нѣмецкихъ миль, а въ ширину на 16⁰ или 140 нѣмецкихъ миль. Границы ея, особенно если принимать въ соображеніе земли, нынѣ находящіяся подъ владычествомъ Царя, или Великаго Князя, Московскаго, простираются: на сѣверъ или полночь черезъ полуночный кругъ до Ледовитаго моря, на востокъ или утро до великой рѣки Оби, протекающей черезъ земли Ногайскихъ Татаръ, на югъ или полдень до владѣнія Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и на западъ или вечеръ до сосѣдственныхъ земель: Литвы, Польши, Ливоніи и Швеціи. (Олеарій, 103 ст.).

Вся страна занимаетъ большое пространство въ длину и ширину. Отъ сѣвера къ югу (если мѣрить отъ Колы до Астрахани, что будетъ нѣсколько по направленію къ востоку) она простирается въ длину на 4260 вер. или миль. Кромѣ того, Русскій Царь имѣетъ много владѣній къ сѣверу, далеко за Колу, до рѣки «Fromschua», которая протекаетъ 1000 верстъ, гораздо за Пешенгу, къ Вардгузу, но они не принадлежатъ ему исключительно и границы ихъ не опредѣлены еще ясно, потому что короли Шведскій и Датскій имѣютъ тамъ, такъ точно, какъ и русскіе, нѣсколько городовъ, которые между собою перемѣшаны; почему каждый изъ нихъ объявляетъ свое притязаніе на всѣ эти сѣверныя области. Широта (если идти отъ той части, которая лежитъ далѣе на западъ со стороны Нарвы и до тѣхъ мѣстъ Сибири на востокѣ, гдѣ находится Царская пограничная стража) простирается на 4400 верстъ, или около того. Верста (по ихъ счисленію) содержитъ въ себѣ 1000 шаговъ, четвертью менѣе англійской мили. Если бы всѣ владѣнія Русскаго Царя были обитаемы и заселены такъ, какъ заселены нѣкоторыя мѣста, то едва-ли бы могъ онъ удержать ихъ подъ своей властью, или же пересилилъ бы всѣхъ сосѣдственныхъ Государей. (Флетчеръ, 7 стр.).

Россія есть страна очень обширная, покрытая даже въ областяхъ, наиболѣе обитаемыхъ, дремучими лѣсами, а на предѣлахъ Литовскихъ и Ливонскихъ, пространными болотами, ограждающими ее отъ непріятелей. Она довольно заселена отъ Нарвы, крѣпости и пристани на границахъ Ливонскихъ, принадлежащей королевству Шведскому, до Архангельска или Св. Николая, другого приморскаго города, въ разстояніи отъ Нарвы на

2800 верстъ, или на семьсотъ льё, и отъ Смоленска (города близъ предѣловъ Литовскихъ, обнесеннаго каменною стѣною при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Борисомъ Ѳеодоровичемъ, тогдашнимъ правителемъ государства) до Казани, на 1300 верстъ. (Маржеретъ, 249 стр.).

Московія, несмотря на обширность свою, весьма хорошо населена и такъ тщательно защищена на границахъ, что не только никто изъ служителей или рабовъ, но даже поселяне и вольные люди не могутъ выйти за предѣлы государства, или войти въ оныя, безъ особенной Великокняжеской грамоты. Сему весьма много способствуютъ обширные лѣса и болота, которые заграждая повсюду сообщенія вынуждаютъ каждаго держаться большихъ дорогъ, весьма бдительно охраняемыхъ княжескою стражею. Если-жъ кто-нибудь вздумаетъ уклониться отъ сего общаго пути и избрать окольную дорогу, то неминуемо погибнетъ въ непроходимыхъ болотахъ. (А. Камензе, 31—32 стр.).

2) Природа страны и ея особенности.

Страна здѣсь очень красивая: ровная, пріятная, густо населенная, пашни, пастбища, много луговъ, рѣкъ, красивыхъ и большихъ лѣсовъ. (Томасъ Рандольфъ, 93 стр.).

Хотя область Московская ни обширна, ни плодородна по случаю часто перемежающихся чрезвычайныхъ холодовъ и жаровъ въ воздухѣ, легко убивающемъ въ ея песчаной почвѣ посѣвы переходами отъ необыкновенной засухи къ дождямъ, но, съ позволенія писателей, утверждавшихъ будто въ ней не водится никакихъ дикихъ звѣрей, кромѣ зайцевъ, и ни одна пчела не приноситъ меда, я не согласенъ съ ними. Потому что, какъ бы ни было это въ старину, а нынѣ въ ней несомнѣнное изобиліе лисицъ, волковъ, медвѣдей, пчелъ и меда. Какъ очевидецъ противнаго отвергаю, со множествомъ другихъ басенъ, также и тѣ, будто бы животныя въ ней, по случаю холодовъ, безрогія, и кобылы не носятъ жеребятъ. Однако же, нельзя допустить и увѣренія тѣхъ, которые пишутъ о такомъ здоровомъ ея климатѣ, что никогда тамъ не понадобился бы диктаторъ, какъ часто бывало въ древнемъ Римѣ, для вбиванія гвоздя противъ заразительной болѣзни, потому что тамъ никогда не свирѣпствовала никакая зараза. (Майербергъ, 120—121 стр.).

56619

3) Климатъ и его вліяніе на населеніе.

Отъ одного взгляда на зиму въ Россіи можно почувствовать холодъ. Въ это время морозы бываютъ такъ велики, что вода, выливаемая по каплямъ или вдругъ, превращается въ ледъ, не достигнувъ еще земли. Въ самый большой холодъ, если возьмете въ руки оловянное, или другое какое металлическое блюдо, или кувшинъ (разумѣется, не въ комнатѣ, гдѣ устроены печи), пальцы ваши тотчасъ примерзнутъ, и, отнимая ихъ, вы сдерете кожу. Когда вы выходите изъ теплой комнаты на морозъ, дыханіе ваше спирается, холодный воздухъ душитъ васъ. Не одни путешествующіе, но и люди на рынкахъ и на улицахъ, въ городахъ, испытываютъ надъ собою дѣйствіе мороза, одни совсѣмъ замерзаютъ, другіе падаютъ на улицахъ; многихъ привозятъ въ города сидящими въ саняхъ и замерзшими въ такомъ положеніи; иные отмораживаютъ себѣ носъ, уши, щеки, пальцы, ноги и прочее. Часто случается, что медвѣди и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодомъ, стаями выходятъ изъ лѣсовъ, нападаютъ

Московская Центральная Публичная библиотека

на селенія, и опустошаютъ ихъ: тогда жители принуждены бываютъ спасаться бѣгствомъ. Напротивъ, лѣтомъ все принимаетъ совершенно другой видъ: лѣса (большею частью сосновые и березовые) такъ свѣжи, луга и нивы такъ зелены (и это выше юга), такое множество разнообразныхъ цвѣтовъ и птицъ (по большей части соловьевъ, которые здѣсь, кажется, голосистѣе и разнообразнѣе, нежели гдѣ-либо), что трудно отыскать другую страну, гдѣ бы можно было путешествовать съ большимъ удовольствіемъ. (Флетчеръ, 8—9 стр.).

Воздухъ, климатъ и качество земли въ Великомъ Княжествѣ, по множеству различныхъ областей, лежащихъ не далеко другъ отъ друга и въ различныхъ климатахъ, не одинаковы. Что касается до самаго Московскаго Княжества и пограничныхъ съ нимъ мѣстностей, то вообще тамъ свѣжій, здоровый воздухъ и, какъ пишутъ и говорятъ сами Русскіе, тамъ рѣдко слышатъ о какихъ нибудь заразительныхъ болѣзняхъ, или большой смертности, а также и люди тамъ доживаютъ вообще до глубокой старости.

Зимою вообще по всей Россіи такая сильная стужа, что едва можно укрыться отъ нея, и тамъ не рѣдко отмораживаютъ себѣ носъ, уши, руки и ноги. Въ бытность нашу въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1634 году, была такая суровая зима, что на рынкѣ передъ Кремлемъ отъ мороза образовалась въ землѣ трещина, длиною до 20 саженъ и шириною въ четверть локтя: никто изъ насъ не могъ пройти по улицѣ съ открытымъ лицомъ и 50 шаговъ безъ того, чтобы ему не показалось, что онъ отморозилъ себѣ носъ и уши. Я нашелъ также справедливымъ, какъ нѣкоторые писали, и то, что капля воды, или слюна, выплюнутая изъ рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на землю.

Какъ сильны морозы зимою, такъ, напротивъ, велики бываютъ жары лѣтомъ, которые весьма тягостны для путешественниковъ, не только палящими лучами солнца во время дня, но и множествомъ комаровъ, порождаемыхъ солнечною теплотою изъ болотъ, лежащихъ почти по всей Россіи, отъ которыхъ нельзя ни на мгновенье оставаться въ покоѣ ни днемъ, ни ночью. Поэтому ночью ложатся спать либо по близости къ разложенному огню, либо же подъ сѣткою отъ комаровъ. (Олеарій, 115—116—117 стр.).

Въ Россіи господствуютъ: холодъ почти постоянный, зной—кратковременный, дожди—нерѣдко проливные, снѣга поистинѣ глубочайшіе, и только грозы бываютъ очень рѣдко. И хотя, благодаря обилію лѣсовъ, озеръ и болотъ, большое количество паровъ часто заволакиваетъ по утрамъ ясное небо, однако, сѣверный вѣтеръ легко снова расчищаетъ его и это обстоятельство такъ хорошо защищаетъ эту страну отъ заразныхъ болѣзней, что, насколько припоминаютъ, болѣзнь чума за много вѣковъ только разъ господствовала въ ней. По этой же причинѣ москвы, сохраняя внутреннюю теплоту, долговѣчны, и обладаютъ тѣломъ плотнымъ, бѣлымъ, сильнымъ и здоровымъ. (Рейтенфельсъ, 182 стр.).

Климатъ страны до такой степени здоровый, что тамъ, за истоками Танаида [1]), въ особенности въ направленіи къ сѣверу, а также по большой части къ востоку, люди не запомнятъ, чтобы свирѣпствовала какая-нибудь зараза. Однако, у нихъ бываетъ по временамъ какая то болѣзнь въ кишкахъ и головѣ, очень похожая на заразу; они называютъ эту болѣзнь жаромъ и тѣ, кто подвергается ей, умираютъ въ теченіе немногихъ дней. Хотя они живутъ въ такой здоровой мѣстности, они все же боятся заразы, всякій разъ

---

[1]) Дона.

какъ она свирѣпствуетъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ и Псковѣ и всѣхъ, пріѣзжающихъ оттуда къ нимъ не допускаютъ въ свою страну. (Герберштейнъ, 101 стр.).

4) Населеніе.

Въ Московіи многіе доживаютъ до глубокой старости, не испытавъ никогда никакой болѣзни. Тамъ можно видѣть сохранившихъ всю силу семидесятилѣтнихъ стариковъ, съ такою крѣпостью въ мускулистыхъ рукахъ, что выносятъ работу вовсе не подъ силу нашимъ молодымъ людямъ. Надо думать, что здоровый воздухъ много помогаетъ такому крѣпкому здоровью, не разстроенному ни у кого изъ нихъ ученьемъ, какъ у насъ. Московитяне говорятъ, однако жъ, будто бы это больше отъ того, что они пренебрегаютъ врачебнымъ искусствомъ. Во всей Московіи нѣтъ ни одного врача, ни аптекаря, и хотя въ мое время Царь давалъ при своемъ дворцѣ довольно щедрое содержаніе 3-мъ врачамъ, но это надобно приписать только его подражанію иноземнымъ государямъ, потому что ни самъ онъ никогда не пользуется ихъ трудами, ниже кто-либо другой изъ Москвитянъ. Захворавшіе презираютъ всѣ правильныя средства Иппократа, едва дозволяя прикладывать себѣ наружныя лѣкарства. Скорѣе прибѣгнутъ къ заговорамъ старухъ и Татаръ. А при отвращеніи отъ пищи и для утоленія жара употребляютъ водку и чеснокъ. (Майербергъ, 85—86 стр.).

Многіе изъ Русскихъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ, и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только царь и нѣкоторые важнѣйшіе вельможи; а простолюдины считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ очень неохотно, промывательное же мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ. Чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣютъ часа два или три. Такъ лѣчится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ. (Маржеретъ, 270 стр.).

Москіи весьма способны переносить всякаго рода трудности, такъ какъ ихъ тѣла закалены отъ рожденія холодомъ. Они спокойно переносятъ суровость климата и нисколько не страшатся выходить съ открытою головою подъ снѣгъ или дождь, равно какъ и на зной, словомъ, въ какую бы то ни было погоду. Дѣти трехъ-четырехъ лѣтъ отъ роду, зачастую, въ жестокіе даже морозы, ходятъ босыя, еле прикрытыя полотняною одеждою и играютъ на дворѣ, бѣгая взапуски. Послѣдствіемъ сего являются знаменитыя, закаленныя тѣла, и мужчины, хоть и не великаны по росту, но хорошо и крѣпко сложенные, изъ которыхъ иные, совершенно безоружные, иногда вступаютъ въ борьбу съ медвѣдями и, схвативъ за уши, держатъ ихъ, пока тѣ не выбьются изъ силъ; тогда они имъ, вполнѣ подчиненнымъ и лежащимъ у ногъ, надѣваютъ намордникъ. Калѣкъ или, возбуждающихъ жалость, несчастныхъ, обладающихъ какимъ-либо природнымъ недостаткомъ, межъ нихъ встрѣчается крайне мало. Волоса у нихъ, по большей части, русые или рыжіе, и они чаще стригутъ ихъ, нежели расчесываютъ. Глаза у нихъ большей частью голубые, но особенно цѣпятъ они сѣрые, съ нѣкіимъ огненно-красноватымъ блескомъ; большая часть ихъ смотритъ исподлобья и дико. Голова у нихъ большая, грудь широкая, руки весьма длинны, животъ, благодаря, стягивающему его внизу, поясу, выдается сильно впередъ, бедра же и голени очень малы; вообще же все тѣло у нихъ

весьма полно, такъ какъ, дѣйствительно, и одежда ихъ не стѣсняетъ и ѣдятъ они просто, но обильно, а также и много спятъ. Цвѣтъ лица у нихъ такой же, какъ и у европейцевъ, благодаря холодному климату, исправившему первоначальный темный, азіатскій. (Рейтенфельсъ, 140 стр.).

Мужчины вообще великорослые, плотные и крѣпкіе люди, кожею и естественнымъ цвѣтомъ похожіе на остальныхъ Европейцевъ. Они придаютъ большое значеніе длиннымъ, окладистымъ бородамъ и толстымъ брюхамъ, и потому обладающіе ими пользуются большимъ почетомъ отъ другихъ. Даже Его Царское Величество наряжаетъ такихъ людей, обыкновенно бывающихъ между купечествомъ, на службу при торжественныхъ представленіяхъ, даваемыхъ Посламъ, чѣмъ Его Величество думаетъ придать большее уваженіе къ своей особѣ. Усы Русскіе отпускаютъ длинные, висящіе черезъ уста.

Волосы на головѣ только одни ихъ попы или священники носятъ длинные, распущенные по плечамъ, всѣ же остальные коротко подстриженные. Знатные Бояре подбриваютъ ихъ даже бритвою и считаютъ это украшеніемъ. (Олеарій, 159 стр.).

Женщины въ Россіи средняго роста, вообще стройны, нѣжны лицомъ и сложеніемъ, но въ городахъ всѣ румянятся, и такъ грубо и замѣтно, что, глядя на нихъ, подумаешь, будто кто вымазалъ ихъ рукою, полною муки, и потомъ кисточкой намазывалъ имъ щеки красной краской. Брови и рѣсницы опѣ также подкрашиваютъ черною, а иногда коричневою краскою.

Навѣщая сосѣдей, или появляясь въ обществѣ гдѣ-нибудь въ гостяхъ, женщина, чтобы быть угодною для всѣхъ, непремѣнно должна раскраситься сказаннымъ образомъ, хотя отъ природы она и была бы красивѣе, чѣмъ нарумяненная и дѣлается это для того, чтобы природная красота не выдавала безобразія тѣхъ, которыя имѣли нужду въ искусственной прикрасѣ. (Олеарій, 159—160 стр.).

Экономическій строй.

1) Природныя богатства.

По пнямъ большихъ деревьевъ, существующимъ еще и понынѣ, очевидно, что вся страна еще не такъ давно была очень лѣсистой; хотя она и достаточно воздѣлана усердіемъ и трудами замледѣльцевъ, однако, за исключеніемъ того, что произрастаетъ на поляхъ, все остальное привозится туда изъ окрестъ лежащихъ областей. Именно, если она и изобилуетъ хлѣбомъ и обыкновенными овощами, то во всей странѣ нельзя найти болѣе сладкихъ сортовъ вишенъ и орѣховъ (за исключеніемъ, однако, лѣсныхъ). Плоды другихъ деревьевъ у нихъ, правда, имѣются, но не вкусные. Дыни же они сѣютъ съ особой заботливостью и усердіемъ. Въ московской области нѣтъ меду и звѣрей (за исключеніемъ, однако же, зайцевъ). Животныя гораздо мельче нашихъ. (Герберштейнъ, 98, 99 стр.).

Хотя обширная страна Русская тамъ и сямъ покрыта кустарникомъ, обильна лѣсомъ, большею частью еловымъ, березовымъ и орѣшникомъ, хотя она довольно пустынна и болотиста, тѣмъ не менѣе, по причинѣ добраго качества почвы, земля въ ней, при небольшой обработкѣ, чрезвычайно плодородна (за исключеніемъ немногихъ миль около города Москвы, гдѣ почва песчаная), и родитъ рожь и пшеницу въ громадномъ изобиліи. Сами Голландцы признаютъ это и разсказываютъ, что во время бывшей у нихъ

нѣсколько лѣтъ тому назадъ дороговизны хлѣба, Россія помогла имъ самымъ лучшимъ образомъ. Рѣдко услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, гдѣ нѣтъ никакого сбыта хлѣба, земля не обрабатывается вовсе, хотя бы и была удобна къ тому, и лишняго запаса хлѣба не дѣлаютъ, довольствуясь тѣмъ, что нужно на годовой запасъ: ибо каждый знаетъ, что всякій годъ соберетъ свою богатую жатву. Отъ этого бездна прекрасной, плодоносной земли оставляется безъ воздѣлыванія, какъ это видѣлъ я самъ, когда мы проѣзжали нѣкоторыя мѣстности черноземной, жирной почвы, поросшей такою высокою травою, которая достигала по самое брюхо лошадей, и траву эту, такъ какъ она тамъ въ изобиліи, никто не собираетъ и не употребляетъ для корма скота. (Олеарій, 117—118 стр.).

Въ Россіи повсюду находятся богатыя пастбища; тамъ во множествѣ разводятъ домашній скотъ: коровъ, быковъ и овецъ, которые продаются тамъ весьма дешево.

Однажды, во время перваго нашего путешествія, мы купили въ Ладогѣ жирнаго, хотя и не крупнаго быка (въ Россіи вообще скотъ рогатый не крупенъ), за 2 талера, а овцу за 10 копѣекъ или пять Мишенскихъ грошей.

Текущія рѣки и стоячія воды въ озерахъ, которыхъ въ Россіи множество, изобилуютъ до чрезвычайности всякаго рода рыбою, за исключеніемъ карповъ, которыхъ нѣтъ и въ Ливоніи. Въ Астрахани, впрочемъ, мы видѣли карповъ много и необыкновенной величины, и покупали тамъ ихъ по шиллингу за штуку; они ловятся тамъ въ Волгѣ, но имѣютъ грубое, жесткое мясо и на вкусъ не особенно пріятное.

Изъ добываемаго въ нѣдрахъ земли, самое замѣчательнѣйшее произведеніе составляетъ слюда, которую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ находятъ въ каменоломняхъ и во всей Россіи употребляютъ вмѣсто стеколъ. (Олеарій, 123 стр.).

Московія очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякаго присмотра. Нерѣдко въ лѣсахъ попадаются цѣлые рои сихъ полезныхъ насѣкомыхъ, сражающихся между собою и преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ и передаютъ въ видѣ наслѣдства изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ. Сообразивъ это обиліе меду и лѣсовъ не удивительно, что все то количество воска и жидкой и твердой смолы, которое потребляется въ Европѣ, равно какъ и драгоцѣнные мѣха привозятся къ намъ черезъ Ливонію изъ Московскихъ владѣній. На берегахъ Дона и Волги растетъ сверхъ того во множествѣ ревень и аиръ. (Альбертъ Кампензе, 30—31 стр.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и особенно въ Москвѣ, есть также и превосходныя садовыя произрастенія, яблони, груши, вишни, сливы и смородина. Между прочими хорошими родами яблокъ, въ Россіи есть еще одинъ такой нѣжный и бѣлый, что если такое яблоко держать на свѣтъ противъ солнца, то внутри его можно видѣть зерна. Но хотя на видъ и вкусъ яблоко это очень хорошо, за то, отъ чрезвычайной сочности и нѣжности, оно не можетъ сохраниться такъ долго, какъ яблоки въ Германіи.

Есть тамъ и разнаго рода овощи, въ особенности спаржа, толщиною въ большой палецъ, также хорошіе огурцы, лукъ и чеснокъ въ огромномъ количествѣ. Лактука и другого салата Русскіе никогда не разводятъ, и тѣмъ болѣе не ѣдятъ, но еще смѣются надъ Нѣмцами, когда видятъ, что они ѣдятъ салатъ, говоря, что они ѣдятъ траву; въ настоящее время, впро-

чемъ, нѣкоторые изъ Русскихъ также начинаютъ ѣсть и салатъ. Дыни вездѣ сажаютъ въ большомъ количествѣ и разведеніемъ ихъ многіе занимаются для торговли и для доставленія пищи. Тамошнія дыни не только растутъ въ большомъ количествѣ, но и громадныхъ размѣровъ, чрезвычайно вкусны и сладки, такъ что ихъ можно ѣсть безъ сахара. Такую дыню, вѣсомъ въ пудъ, т. е. 40 фун., подарилъ мнѣ на дорогу одинъ мой хорошій пріятель въ 1643 г., когда я уѣзжалъ изъ Москвы. (Олеарій, 119 стр.).

2) Сельское хозяйство.

Хлѣбъ также не дорогъ; собираютъ его много, а за границу не вывозятъ; почва же такъ тучна и такъ плодородна, что ее удабриваютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мальчикъ 12 или 15 лѣтъ съ небольшею лошадью обрабатываетъ десятину или двѣ ежедневно.

Не взирая на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется очень немногимъ: иначе онъ не могъ бы удовлетворить издержкамъ, ибо не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ нельзя болѣе. (Маржеретъ, 253 стр.).

Для боронъбы полей сколачиваютъ сучья и ими разбиваютъ комья. Сжатый во время хлѣбъ они или складываютъ въ копна, или кладутъ въ видѣ шалашей, растянутыхъ рядомъ въ формѣ лѣстницы, чтобы онъ просохъ отъ воздуха и вѣтра. Способъ молотьбы слѣдующій: хлѣбъ сушатъ въ какихъ то маленькихъ шалашахъ, своды которыхъ нагрѣваются; пользу этого они доказываютъ тѣмъ, что если хлѣбъ, такимъ образомъ, и затвердѣетъ отъ дыма, то онъ безъ всякаго поврежденія можетъ сохраняться многія лѣта въ хлѣбныхъ амбарахъ, хотя бы никогда не трогался, какъ обыкновенно бываетъ у насъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ устроены для молотьбы гумна; но люди простого званія поливаютъ водой какое-либо ровное мѣсто передъ тѣми шалашами, о которыхъ мы сказали, и на немъ, послѣ того, какъ оно отвердѣетъ ото льда выбиваютъ зерна хлѣба. Мучныхъ мельницъ у рѣкъ, хотя ихъ можно было бы очень удобно устроить, у нихъ очень мало; потому что всякій хозяинъ, пользуясь трудомъ служанокъ, двумя не очень большими круглыми камнями, растираютъ зерна въ своемъ домѣ и приготовляютъ столько муки, сколько можетъ быть достаточно для него и его семейства. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 71—72 стр.).

Соломы здѣсь во всей странѣ не знаютъ, ибо у нихъ нѣтъ такихъ гумнъ для молотьбы, какъ въ нашей странѣ, но они ставятъ посреди длинное бревно, вокругъ котораго кладутъ сжатый хлѣбъ; привязавъ къ бревну за поводъ лошадей, покрикиваютъ на нихъ и они бѣгаютъ кругомъ, сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, и такимъ образомъ обмолачивается весь хлѣбъ на гумнѣ. Они молотятъ только прежній хлѣбъ, сжатый года за два. Мы видѣли, какъ они въ эту пору связывали сжатый хлѣбъ въ связки (которыя складывали крестъ на крестъ), потомъ отвозятъ его на телѣгахъ домой, гдѣ кладутъ рядами другъ на друга, составляя нѣчто въ родѣ избъ съ горбообразною крышей—при чемъ колосья бываютъ обращены внутрь,—и покрываютъ досками. Онъ остается въ такомъ видѣ зиму и лѣто. (Павелъ Алеппскій, 126 стр., вып. II).

3) Торговля.

Эрдиль [1]) есть одна изъ самыхъ величайшихъ и широкихъ рѣкъ. Она впадаетъ въ 25 миляхъ отъ Цитрахани въ Бакинское море и изобилуетъ вся-

[1]) Волга.

каго рода рыбою, преимущественно Харіусами и Муреною. По берегу моря встрѣчается весьма много солончаковъ.

Вверхъ по Эрдилю легко можно въ трое сутокъ доплыть до Москвы, столицы Россіи. Оттого-то Москвитяне каждый годъ отправляютъ суда свои въ Цитрахань за солью. Путь сей весьма удобенъ; ибо рѣка Москва впадаетъ въ Оку, а сія послѣдняя въ Эрдиль. На Эрдилѣ находится множество острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до 30 миль въ окружности. Они покрыты лѣсами, въ коихъ растутъ столь огромной величины липы, что изъ одного кряжа можно выдолбить лодку, на которой помѣстятся 8 или 10 лошадей и столько же людей. Переѣхавъ черезъ Эрдиль, по направленію къ западу, на разстояніи 15 дней пути, встрѣчаются по берегу рѣки безчисленныя племена Татаръ. Они простираются до самыхъ предѣловъ Россіи, на границѣ коей находится городъ Рязань, подвластный одному изъ родственниковъ Іоанна, Великаго Князя Россійскаго. Жители Рязанской земли всѣ до одного христіане и исповѣдуютъ вѣру Греческую. Страна ихъ, изобилующая хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и другими сельскими продуктами, вообще лѣсиста и довольно населена. Въ Рязани приготовляютъ особенный напитокъ, въ родѣ нашего пива, именуемый бузою. Нѣсколько далѣе встрѣчается городъ Коломна, укрѣпленный подобно Рязани деревянными стѣнами. Въ обоихъ этихъ городахъ всѣ строенія деревянныя, по недостатку каменнаго матеріала. За Коломною, въ разстояніи трехъ дней пути течетъ значительная рѣка Москва, на которой стоитъ городъ того же имени, гдѣ имѣетъ жительство вышеупомянутый Іоаннъ, Великій Князь Россійскій. На этой рѣкѣ, протекающей внутри самаго города, построено нѣсколько мостовъ. Замокъ расположенъ на холмѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощами. Изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ такъ здѣсь велико, что говядину продаютъ не на вѣсъ, а по глазомѣру. За одну марку вы можете получить 4 фунта мяса, 70 курицъ стоятъ червонецъ, а гусь не болѣе трехъ марокъ. Стужа здѣсь такъ сильна, что самыя даже рѣки замерзаютъ отъ оной. Зимой привозятъ въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно купить до двухъ сотъ штукъ; но рѣзать ихъ нельзя, не разогрѣвъ прежде въ печи; ибо они тверды, какъ камень. Зато плодовъ здѣсь никакихъ нѣтъ, кромѣ небольшого количества яблокъ, орѣховъ и лѣсныхъ орѣшковъ.

Жители, для поѣздокъ своихъ, въ особенности продолжительныхъ, избираютъ преимущественно зимнее время, когда дорога отъ морозовъ сдѣлается ровною и не представляетъ въ пути никакихъ неудобствъ, кромѣ одной только стужи. Поклажу свою они перевозятъ весьма легко на саняхъ, которые служатъ у нихъ вмѣсто повозокъ и называются возами. Лѣтомъ же никто не отваживается въ дальній путь, по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми. (Барбаро, 56—58 стр.).

Въ произведеніяхъ земли, составляющихъ необходимыя потребности жизни, вообще въ Россіи нѣтъ недостатка. Пенька и ленъ воздѣлываются тамъ въ огромномъ количествѣ, почему и полотно въ Россіи чрезвычайно дешево.

Медъ и воскъ, находимые вездѣ въ лѣсахъ, тамъ въ такомъ изобиліи, что Русскіе, кромѣ того, что потребляютъ сами первый на варку напитка медоваго, а второй на восковыя свѣчи, для домашняго обихода и при Богослуженіяхъ (послѣднее употребленіе весьма значительно), но излишекъ

огромными частями продаютъ въ другія земли. Товаръ этотъ, главнымъ образомъ, ѣдетъ черезъ Псковъ.

Вся Россія, равно какъ и Ливонія, повсемѣстно, за исключеніемъ пространствъ, выжженныхъ подъ хлѣбныя поля, покрыта кустарникомъ и лѣсами; отъ того тамъ бездна всякой лѣсной дичи, птицъ и звѣрей. (Олеарій, 121—122 стр.).

Страна ихъ весьма холодна, такъ что жители въ продолженіи девяти мѣсяцевъ должны топить въ домахъ своихъ печи. Впрочемъ, этимъ временемъ года пользуются они для заготовленія запасовъ своихъ на лѣто, ибо въ морозы, на Русскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, весьма легко перевозить всякія тяжести, тогда какъ лѣтомъ, по причинѣ тающаго льда и большихъ лѣсовъ, дорога отъ грязи почти вовсе непроходима. Въ концѣ октября рѣка, протекающая посреди Москвы, покрывается крѣпкимъ льдомъ, на которомъ купцы ставятъ лавки свои съ разными товарами и устроивъ, такимъ образомъ, цѣлый рынокъ, прекращаютъ почти совсѣмъ торговлю свою въ городѣ. Они полагаютъ, что это мѣсто, будучи съ обѣихъ сторонъ защищено строеніями, менѣе подвержено вліянію стужи и вѣтра. На таковой рынокъ ежедневно, въ продолженіи всей зимы, привозятъ хлѣбъ, мясо, свиней, дрова, сѣно и прочіе нужные припасы; въ концѣ же ноября всѣ окрестные жители убиваютъ своихъ коровъ и свиней, и вывозятъ ихъ въ городъ на продажу. Любо смотрѣть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной, и стоящей на льду на заднихъ погахъ. Такимъ образомъ, Русскіе употребляютъ въ пищу своихъ животныхъ, убитыхъ за три мѣсяца и болѣе. То же самое дѣлаютъ они съ рыбою, птицей и всякаго рода живностью. (Контарини, 108—110 стр.).

Россія государство очень богатое. Не высылая денегъ за границу, но ежегодно скопляя ихъ, Русскіе платятъ иноземцамъ обыкновенно товарами: мягкою рухлядью, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и оленьими, сафьяномъ, льномъ, пенькою, всякого рода веревками, икрою (которой очень много отправляется въ Италію), соленою семгою, ворванью и другими произведеніями, хлѣба же не смѣютъ вывозить за границу со стороны Ливоніи, не взирая на чрезвычайное изобиліе его. Сверхъ того Русскіе промѣниваютъ иностранцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги; даже самъ царь серебромъ платитъ тогда, когда сумма не превышаетъ 4 и 5.000 рублей; обыкновенно же пушнымъ товаромъ, или воскомъ. (Маржеретъ, 272—273 стр.).

Россія страна богатая землей и населеніемъ, въ изобиліи имѣющемъ находящіяся тамъ произведенія. Между жителями очень много рыбаковъ, ловящихъ семгу и треску; у нихъ также много масла, ворвани, наибольшее количество котораго добывается около р. Двины; добывается оно также и въ другихъ мѣстахъ, но не въ такомъ количествѣ; жители также много промышляютъ выварокой соленой воды. Въ сѣверныхъ частяхъ этой страны есть мѣсто, гдѣ ловятъ пушныхъ звѣрей, соболей, куницъ, сѣрыхъ медвѣдей, лисицъ бѣлыхъ, черныхъ и красныхъ, выдру, горностаевъ, бѣлокъ и оленей; тамъ же добываютъ клыки отъ рыбы, называемой моржъ. Охотники за этими звѣрями живутъ у г. Пустозерска; на оленяхъ они привозятъ свою добычу въ Лампожню для продажи, а оттуда ее везутъ въ Холмогоры, гдѣ въ Николинъ день бываетъ большая ярмарка. Къ западу отъ Холмогоръ находится городъ Новгородъ, около котораго растетъ прекрасный ленъ, конопля, много также воску и меду. Голландскіе купцы имѣютъ въ Новгородѣ свой складочный домъ; очень много въ Новгородѣ

и кожи, равно какъ и въ городѣ Псковѣ, въ окрестностяхъ котораго тоже великое изобиліе льна, конопли, воску и меду. Новгородъ отстоитъ отъ Холмогоръ на 120 миль. Находится здѣсь еще г. Вологда, его предметы торговли: сало, воскъ и ленъ, но не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ въ Новгородѣ. Отъ Вологды до Холмогоръ течетъ рѣка Двина, впадающая затѣмъ въ море. Холмогоры снабжаютъ Новгородъ, Вологду и Москву со всѣми окрестностными областями солью и соленой рыбой. Отъ Вологды до Ярославля 200 миль. Послѣдній—очень большой городъ. Здѣсь находятся: кожи, сало, хлѣбъ, въ очень большомъ количествѣ, есть и воскъ, но его не такъ много, какъ въ другихъ мѣстахъ. Отъ Ярославля до Москвы 200 миль. Между ними область усѣяна деревушками, замѣчательно переполненными народомъ. Земля эта изобилуетъ хлѣбомъ, который обитатели возятъ въ громадномъ количествѣ въ Москву. Утромъ можно встрѣтить 700 и 800 саней, везущихъ хлѣбъ, а нѣкоторыя рыбу. Попадаются везущіе хлѣбъ въ Москву, а также и оттуда—это живущіе, по крайней мѣрѣ, за 1000 миль, весь ихъ обозъ на саняхъ. Они живутъ въ сѣверныхъ частяхъ владѣній княжескихъ, гдѣ холодъ не позволяетъ хлѣбу расти; такой же-стокій тамъ холодъ. Они привозятъ сюда рыбу, мѣха, шкуры. Въ этихъ мѣстахъ и скота немного. (Ченслеръ, 1—2 стр.).

Въ Москву, во время зимы съѣзжаются множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки различныхъ мѣховъ, какъ-то: соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и отчасти рысей. Мѣха эти добываются не въ самой Москвѣ, а гораздо далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ; но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу. Ими производитъ также значительный торгъ еще другой городъ, называемый Новгородомъ и граничащій почти съ Франціею и Верхнею Германіею. (Контарини, 111—112 стр.).

Астрахань отдаленнѣйшій пунктъ царскихъ завоеваній отъ Татаръ по направленію къ Каспійскому морю. Царь охраняетъ Астрахань очень строго: ежегодно посылаетъ сюда людей, припасы и дерево для постройки Кремля.

Ведется здѣсь торговля, но въ такихъ малыхъ и ничтожныхъ размѣрахъ, что не стоитъ и упоминать, всетаки, впрочемъ, сюда съѣзжаются купцы изъ разныхъ мѣстностей. Главнѣйшіе товары, привозимые сюда русскими: красныя кожи, бараньи шкуры, деревянная посуда; уздечки, сѣдла, кожи и т. под. бездѣлушки, хлѣбъ, свинина и проч. припасы. Татары привозятъ сюда различные товары, выдѣланные изъ хлопка, шерсти и шелка; изъ Персіи, именно изъ Шемахи, привозятъ шелковыя нитки, употребительнѣйшія въ Россіи, краски, пестрые шелка для поясовъ, кольчуги, луки, мечи и т. п., иногда хлѣбъ, грецкіе орѣхи; но все это въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что торговля здѣшняя ничтожна и бѣдна. (Дженкинсонъ, 40 стр.).

Русскіе привозятъ въ Бухару: красныя кожи, бараньи шкуры, разную шерсть, деревянную посуду, узды, сѣдла и т. п.; а вывозятъ отсюда различныя издѣлія изъ хлопчатой бумаги, шелка, краски и т. п., но въ небольшомъ количествѣ. (Дженкинсонъ, 52 стр.).

Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей, необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хотя бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами, или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей. Потому что хоть она лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но, благодаря множеству рѣкъ, имѣетъ

торговыя сношенія съ самыми отдаленными областями. (Майербергъ, 122 стр.).

4) Характерныя особенности и пріемы торговли.

Царь чуть-ли не одинъ ведетъ всѣ наиболѣе важныя торговыя дѣла въ государствѣ, или, иногда, входитъ въ товарищество со своими подданными или съ чужестранцами, ради обоюдной выгоды. Мало того, если москвн заключатъ, какъ нибудь, съ чужестранцами какой-либо договоръ, то царь, какъ бы постоянный опекунъ ихъ, по желанію можетъ все нарушить и все утвердить. Не имѣютъ подданные также права продать что-либо раньше, чѣмъ будутъ разобраны царскіе товары развѣ, что онъ кому нибудь даруетъ преимущественное особое право свободной продажи. Благодаря этому они не могутъ спокойно заниматься безпрепятственной наживой, а тѣ, къ которымъ счастье было болѣе благосклонно, тѣ принуждены наслаждаться своимъ богатствомъ лишь въ тайникахъ, среди сундуковъ, ибо въ Московіи подданнымъ можно безопасно хвастаться всѣмъ инымъ, кромѣ богатства. Что касается торговли драгоцѣннѣйшими собольими мѣхами, то сами русскіе обязаны покупать ихъ не иначе, какъ у царя изъ Сибирскаго приказа по цѣнѣ, какую будетъ ему угодно назначить. Иностранцамъ, впрочемъ, предоставлены кой-какія незначительныя преимущества: они покупаютъ товаръ у продавцовъ изъ первыхъ рукъ, какъ кредиторы, они предпочитаются русскимъ, изъ которыхъ приходится долги выколачивать, и пользуются разными льготами отъ царя при уплачиваніи пошлинъ и таможенныхъ сборовъ. Могутъ, однако, и русскіе купцы выѣзжать за предѣлы отечества, но непремѣнно съ разрѣшенія царя и съ обязательствомъ вернуться обратно. Они имѣютъ даже, внѣ своего отечества, нѣсколько складочныхъ мѣстъ, пользующихся необычайною свободою, какъ напримѣръ, въ Гольмѣ, въ Швеціи, въ Вильнѣ, въ Литвѣ, въ Ревелѣ и Ригѣ въ Ливоніи и другихъ сосѣднихъ городахъ, куда они свозятъ товары, и продаютъ ихъ безъ всякаго стѣсненія. Для вывоза въ разныя мѣста морскимъ путемъ своихъ товаровъ, они обыкновенно нанимаютъ за большую цѣну иностранныя суда, такъ какъ у нихъ судовъ, сдѣланныхъ у себя, немного, да и тѣ непрочны. (Рейтенфельсъ, 133 стр.).

Они очень наклонны ко злу. Даже всѣ вообще большіе плуты, чуть только могутъ какъ-нибудь скрытно сплутовать; и поэтому, чрезвычайно, какъ надо остерегаться въ своихъ сдѣлкахъ съ ними. Кто ведетъ съ ними торговыя дѣла, долженъ быть всегда осторожень и весьма бдителенъ, въ особенности же не довѣрять имъ слѣпо; потому что на словахъ они довольно хороши, за то на дѣлѣ предурные и какъ нельзя ловче умѣютъ, добродушной личиной и самыми вкрадчивыми словами, прикрывать свои лукавѣйшія намѣренія. При томъ, они большіе мастера на обманъ и поддѣлку товаровъ и съ особеннымъ искусствомъ умѣютъ подкрашивать соболей, чтобы продавать за самые лучшіе, или покажутъ вамъ одну вещь на продажу, а станете съ ними торговаться о цѣнѣ, они тутъ будто уйдутъ и слышать не хотятъ объ уступкѣ за предложенную имъ цѣну; а между тѣмъ и не замѣтите, какъ уже обмѣняютъ вещь и возвращаются къ вамъ, уступая ее. (Барберини, 33—34 стр.).

Торговля московитовъ деспотичная, торговля сытыхъ людей, ибо отъ нихъ не требуется издержекъ, не взимается съ нихъ ни податей, ни какихъ-либо поборовъ. Говорятъ они мало, какъ франки. Бывало, когда мы

торговали какую-нибудь вещь и торговецъ скажетъ ей цѣну, если мы давали ту цѣну, которую онъ назначалъ, случалось, что онъ дѣлалъ скидку, а если мы начинали съ нимъ торговаться и давали меньше назначенной имъ цѣны, онъ сердился и не уступалъ за назначенную имъ цѣну; если же мы возвращались къ нему, то бывало еще хуже. Удивительнѣе всего то, что у нихъ въ устахъ одинъ языкъ, ибо, если станешь прицѣняться къ какой-нибудь вещи отъ начала ряда до конца, всѣ говорятъ одну цѣну, и это приводило насъ въ изумленіе. Такъ дѣйствуютъ всѣ. Въ большей части лавокъ есть маленькіе мальчики, въ которыхъ мы замѣчали поразительную проницательность, ловкость, расторопность, и умѣнье купить и продать, ибо при продажѣ они надували насъ хуже, чѣмъ ихъ старшіе. Большинство этихъ мальчиковъ—невольники, турки и татары изъ тѣхъ, которыхъ берутъ въ плѣнъ донскіе казаки; мы узнавали ихъ по ихъ глазамъ, лицамъ и волосамъ. (Павелъ Алеппскій, 4 стр., вып. IV).

5) Средства и пути сообщенія.

Суда, называемыя насадами, длинны, широки, замкнуты, плоскодонны, сидятъ не выше 4 футовъ надъ водой, могутъ возить до 200 тоннъ; на нихъ нѣтъ никакихъ принадлежностей изъ желѣза, но все изъ дерева; при попутномъ вѣтрѣ они плывутъ на парусахъ, въ противномъ же случаѣ для ихъ движенія требуется много людей: одни тащутъ судно, обвязавъ вокругъ шеи длинные канаты, прикрѣпленные къ баркѣ, другіе на самой баркѣ двигаютъ ее длинными шестами. На Двинѣ много такихъ барокъ, большая часть ихъ принадлежитъ г. Вологдѣ, потому что здѣсь живетъ много купцовъ, занимающихся перевозкой соли отъ моря въ Вологду. (Джекинсонъ, 31 стр.).

Для поѣздокъ по сушѣ, которыя они зимою совершаютъ, какъ нельзя болѣе краткимъ путемъ и быстро, служатъ, главнымъ образомъ, рѣзвыя, наемныя лошади, разставленныя по всему пути, по всѣмъ большимъ дорогамъ. Ими то и пользуются для совершенія чрезвычайно быстрыхъ поѣздокъ не только одни купцы, внося за это небольшую плату, но и гонцы, развозящіе царскіе указы. Благодаря этой быстрой ѣздѣ, гонцы съ самыхъ отдаленныхъ границъ государства въ хорошее время поспѣваютъ въ столицу, что весьма удобно для царя. Стоянки этихъ пегасовъ, называемыя ямами, находятся въ разстояніи семи или десяти германскихъ миль другъ отъ друга. Крестьяне или ямщики, несущіе этотъ родъ службы, освобождены навсегда отъ всякихъ другихъ повинностей. Подъѣзжая къ которой нибудь изъ этихъ стоянокъ, они издаютъ при помощи зубовъ пронзительный свистъ, услыхавъ который ямщики ближайшей деревни тотчасъ приводятъ свѣжихъ лошадей, дабы проѣзжіе могли, не теряя времени, продолжать путь, если пожелаютъ. (Рейтенфельсъ, 133, 134 стр.).

Государь имѣетъ ѣздовыхъ во всѣхъ частяхъ своей державы, въ различныхъ мѣстахъ, съ надлежащимъ количествомъ лошадей, такъ чтобы, когда куда нибудь будетъ посланъ царскій гонецъ, у него безъ замедленія наготовѣ была лошадь. При этомъ гонцу предоставляется полная свобода выбрать лошадь, какую онъ пожелаетъ. Когда я ѣхалъ наскоро изъ Великаго Новгорода въ Москву, то начальникъ почтъ, который на ихъ языкѣ называется ямщикомъ, заботился, чтобы раннимъ утромъ мнѣ приводили, когда тридцать лошадей, а иной разъ 40 и 50, хотя мнѣ нужно было не болѣе двѣнадцати. Поэтому каждый изъ насъ бралъ такого коня, который казался ему подходящимъ. Потомъ, когда эти лошади уставали и мы

пріѣзжали на пути къ другой гостиницѣ, которая у нихъ называется ямъ, то немедленно мѣняли лошадей, оставляя прежнее сѣдло и уздечку. Каждый можетъ ѣхать весьма быстро, и если случайно какая нибудь лошадь упадетъ, или не сможетъ вынести, то можно, и притомъ безнаказанно похитить изъ перваго попавшагося дома другую лошадь, или также взять ее у всякаго случайнаго встрѣчнаго, за исключеніемъ только гонца государева. А лошадь, выбившуюся во время пути изъ силъ и оставленную, обыкновенно, отыскиваетъ ямщикъ, точно также онъ обычно возвращаетъ хозяину и ту лошадь, которая была у кого-нибудь отнята, при чемъ уплачиваетъ по разсчету стоимость пути. По большей части за 10 или 20 верстъ отсчитываютъ по шести денегъ. (Герберштейнъ, 87, 88 стр.).

Весь этотъ путь совершается на почтовыхъ лошадяхъ, которыя бѣгутъ чрезвычайно шибко; почтовыя станціи предлинныя и лошади небольшія, правда, но зато пресильныя и прекрасивыя. Такія же почты учреждены государемъ и по всему его краю, гдѣ на каждой держится лошадей обыкновенно человѣкъ на тридцать и на сорокъ. Но лошади не стоятъ всѣ въ одной конюшнѣ, какъ это водится въ другихъ земляхъ, а содержатъ ихъ поселяне и чуть кому понадобится лошадей, тотчасъ всякій поселянинъ выводитъ свою для пріѣзжаго и тутъ уже пойдутъ обыкновенно споры между ними, потому что каждому хочется свою скорѣе подсунуть; но при этомъ, надобно самому запастись сѣдломъ и уздечкой, потому что лошадей они даютъ безъ ничего. Всякій же разъ, когда случится московскому государю затѣять войну, онъ повелѣваетъ, чтобы были въ дорогѣ всѣми поселянами выставлены ихъ лошади для почтовой ѣзды и, такимъ образомъ, отъ шести до восьми тысячъ людей по пятисотъ человѣкъ разомъ пролетаютъ въ нѣсколько часовъ изъ одного мѣста въ другое, такъ что войско его вторгается въ непріятельскую землю внезапно и грабитъ, хватаетъ въ плѣнъ и опустошаетъ земли, прежде нежели непріятель успѣетъ узнать о его вторженіи. Такъ дѣлалъ онъ всегда и теперь еще дѣлаетъ, дѣйствуя въ подобныхъ случаяхъ съ невѣроятною быстротою. (Барберини, 10—11 стр.).

6) Промышленность.

Только въ одной столицѣ Московіи живутъ болѣе искусные мастера, которые, однако, по большей части Нѣмцы; въ другихъ же мѣстахъ, кромѣ портныхъ и сапожниковъ, почти нѣтъ никакихъ. По тому остальной народъ занимается либо торговлей, либо же земледѣліемъ. Торговцы, скупивши отовсюду мѣха, воскъ и другіе предметы, которыхъ дома имѣютъ въ изобиліи, мѣняютъ ихъ на сукна и ароматы, и эти товары продаютъ уже своимъ согражданамъ на деньги. Остальные почти всѣ занимаются земледѣліемъ. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 71 стр.).

Такъ какъ Москвитяне воздерживаются отъ пьянства, то города ихъ изобилуютъ прилежными въ разныхъ родахъ мастерами, которые, посылая намъ деревянныя чаши и палки для опора слабымъ, старымъ и пьянымъ, сѣдла, копья, украшенія, и различныя оружія, грабятъ у насъ золото. (Михалонъ Литвинъ, 33 стр.).

Люди эти очень способны къ разнымъ ремесламъ, легко перенимаютъ все, что увидятъ у Нѣмцевъ, и въ немного лѣтъ они научились и переняли у послѣднихъ много такого, чего прежде совсѣмъ и не знали. Поэтому, въ настоящее время они улучшенныя издѣлія свои продаютъ уже за гораздо высшую цѣну. въ сравненіи съ прежними цѣнами. Особенно удивили меня

Русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ теперь серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ искусствомъ и изяществомъ, что не уступаютъ въ томъ нисколько Нѣмцамъ. (Олеарій, 199 стр.).

Число искусныхъ мастеровъ, нѣкогда весьма небольшое въ Московіи, въ наше время сильно увеличилось и самыя мастерства въ высокой степени усовершенствовались. Этого русскіе достигли благодаря становящемуся съ каждымъ днемъ все болѣе свободнымъ обращенію съ иностранцами, а также и природной понятливости и способности ихъ ума. И, дѣйствительно, они не только радушно принимаютъ иностранныхъ мастеровъ, европейскихъ и азіатскихъ, являющихся къ нимъ по собственному желанію, но и приглашаютъ ихъ къ себѣ, предлагая чрезъ пословъ и письменно, большое вознагражденіе, при чемъ такъ успѣшно подражаютъ имъ, что нерѣдко превосходятъ ихъ новыми изобрѣтеніями. Въ кузнечномъ мастерствѣ, въ искусствѣ приготовлять порохъ, и ткаиьѣ сукна, они уже стали весьма опытны. Въ болѣе сложныхъ же и требующихъ знанія и опытности дѣлахъ, какъ-то, добываніе металловъ и приготовленіе ихъ на дѣло, они болѣе полагаются на знаніе и опытность французовъ и нѣмцевъ, чѣмъ на свои собственныя.

Послѣдніе добываютъ въ округѣ г. Тулы, расположеннаго близъ источниковъ р. Волги и въ иныхъ мѣстахъ желѣзо, а близъ Новгорода мѣдь съ большою выгодою для государства. Не такъ давно царь послалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за Казань по направленію къ Сибири, откуда незадолго передъ этимъ были доставлены въ Москву прекрасные образцы скрытыхъ тамъ сокровищъ, для обстоятельнаго изслѣдованія нѣдръ тѣхъ горъ, что отстояли недалеко отъ Рифейскихъ и заключаютъ въ себѣ серебряную и золотую руду. Я полагаю, что безъ сомнѣнія изъ глубины холодной московской земли можно вырыть обильнѣйшія богатства, если только для этого будутъ призваны нѣсколько опытныхъ иностранцевъ, и сами русскіе отнесутся къ этому дѣлу съ большимъ рвеніемъ. Что касается прочихъ ремеслъ, то москвн обладаютъ особенно имъ свойственнымъ наслѣдственнымъ умѣньемъ строить чрезвычайно изящные деревянные дома, вытачивать изъ дерева разнаго рода утварь, искусно ткать полотно, идущее на исподнее платье, и нѣкоторыми другими, требующими усидчивости. Не буду здѣсь говорить о мастерствахъ, требующихъ постояннаго сидѣнія, но живопись у нихъ совершенно своеобразна, обращена на священные предметы, ибо, кромѣ нѣкоторыхъ цвѣточковъ и животныхъ, они пишутъ исключительно однихъ, давно умершихъ святыхъ, по греческимъ образцамъ. Мало того, считается поступкомъ, не только не благочестивымъ, но заслуживающимъ наказанія, если торговецъ изображеніями блаженныхъ небожителей выставитъ на продажу рядомъ съ ними картины свѣтскаго содержанія. Въ случаѣ желанія имѣть изображенія свѣтскихъ лицъ, они поручаютъ иностраннымъ художникамъ написать таковыя (зато этимъ послѣднимъ строго запрещено писать изображенія святыхъ), хотя москвн, не знаю почему, кромѣ изображеній святыхъ, не любятъ изображеній человѣческихъ лицъ и иныхъ картинъ.

Цирульники (дабы не подумали, что я умолчалъ объ нихъ изъ презрѣнія, ибо я много разъ видѣлъ ихъ въ Москвѣ не безъ ощущенія тошноты) сидятъ на рынкахъ старыми вещами и потому называемомъ Вшивымъ, въ низенькихъ лавочкахъ, крытыхъ древесною корою, и обрѣзываютъ простому народу волоса на головѣ тѣми же ножами, которыми разрѣзаютъ хлѣбъ и прочую пищу. (Рейтенфельсъ, 135, 137 стр.):

Въ числѣ прочихъ заведеній нѣмцевъ есть въ одной милѣ отсюда большой стеклянный заводъ да желѣзный, а близъ р. Яузы, впадающей за городомъ въ Москву, бумажная фабрика. Еще и понынѣ есть слѣды, что они когда то искали золотой и серебряной руды, но напрасно; все золото и серебро, какое только у нихъ есть, ввозится изъ другихъ странъ.

Разныхъ драгоцѣнностей у Москвитянъ много — жемчугу, смарагдовъ, бирюзы, сапфировъ, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ съ Персіянами. По крайней мѣрѣ, мелкіе граненые рубины до того у нихъ дешевы, что продаются на фунты,—по 20 московскихъ или 6 нѣмецкихъ флориновъ за фунтъ. (Таннеръ, 70 стр.).

Во всей Россіи прежде не было ни одной рудокопни, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ на татарской границѣ у Тулы, въ 26 миляхъ отъ Москвы, начали тамъ разработку одного рудника. Нѣсколько нѣмецкихъ горныхъ мастеровъ, присланныхъ по просьбѣ Его Царскаго Величества, Его Свѣтлостію, Курфирстомъ Саксонскимъ, начали разработку этого рудника, устроили дѣло, и теперь онъ дастъ хорошую добычу, или выручку, хотя добывается въ немъ больше желѣза.

Въ 7 верстахъ, или въ полуторѣ милѣ отъ этой рудокопни, между двумя горами, въ пріятной долинѣ, при удобной рѣчкѣ, построенъ желѣзный заводъ, гдѣ изготовляется желѣзо, въ полосахъ выдѣлываемое, и выливаются также всякаго рода другія вещи. (Олеарій, 124 стр.).

Сословный строй.

1) Безправное положеніе населенія.

Весь московскій народъ болѣе подверженъ рабству, чѣмъ пользуется свободой; всѣ Москвитяне, какого бы они ни были званія, безъ малѣйшаго уваженія къ ихъ личности, находятся подъ гнетомъ жесточайшаго рабства. Тѣ изъ нихъ, которые занимаютъ почетное мѣсто въ Тайномъ Совѣтѣ и, имѣя величавое названіе вельможи, справедливо присвоиваютъ себѣ первое въ государствѣ достоинство, самою знатностью своею являютъ еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ свое рабское состояніе: они носятъ золотыя цѣпи, тѣмъ тягостнѣйшія, чѣмъ большей пышностью ослѣпляютъ глаза; самый даже блескъ этихъ холоповъ упрекаетъ ихъ въ низости судьбы. Если бы кто въ прошеніи, или въ письмѣ, къ Царю подписалъ свое имя въ положительной степени, тотъ непремѣнно получилъ бы возмездіе за нарушеніе закона касательно оскорбленія Величества. Необходимо присвоивать себѣ уменьшительныя имена, напримѣръ: Яковъ долженъ подписываться Якушкой, а не Яковомъ; ибо Москвитяне полагаютъ, что было бы неуваженіемъ со стороны просителей къ Высочайшему сану особы, облеченной Царскимъ достоинствомъ, не засвидѣтельствовать прилично Государю своего почтенія, именуясь покорно уменьшительнымъ именемъ. (Корбъ, 277—278 стр.).

Такъ какъ русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для рабства, то ихъ и держатъ всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняютъ ихъ палками, или плетью, къ каковому обращенію они довольно терпѣливы, потому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе и они привыкли къ этому. Молодые и подростки парни сходятся иногда въ извѣстные дни, бьются на кулачки, для того, чтобы пріобрѣсти къ вынесенію побоевъ привычку, эту вторую природу, и

черезъ то легче сносить тѣлесныя наказанія, которымъ они могутъ въ послѣдствіи подвергнуться. Всѣ русскіе суть рабы и крѣпостные. У нихъ ужъ такой обычай и образъ унижаться передъ другими и выказывать свое рабское униженіе: когда имѣютъ дѣло съ какимъ-нибудь знатнымъ господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняютъ низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ, и такимъ образомъ благодарятъ даже за побои и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. (Олеарій, 184 стр.).

2) Высшія сословія.

Вслѣдствіе того, что царь пользуется высшей и снисходительной властью надъ подчиненными, права дворянъ и народа почти одинаковы. Всѣ зовутъ себя его рабами и смиренно прикрѣпощенными къ землѣ. Длинныя родословныя записи не выставляются ими ни въ домахъ, ни снаружи; имъ даже не дозволяется иначе, какъ по особой милости, имѣть у себя дома изображеніе царя. Съ пользою для себя никто въ Московіи не выставляетъ заботливо древность своего происхожденія, ибо самый послѣдній въ родѣ легко можетъ достигнуть высшихъ, какихъ только пожелаетъ почестей, если проявитъ особыя достоинства, по одному, исключительно, рѣшенію царя, не прибѣгая къ происхожденію или покровителямъ. Впрочемъ, въ частномъ кругу, а особенно, въ глубинѣ души, они гордятся длиннымъ рядомъ знатныхъ предковъ, если таковой у нихъ есть, усердно справляются о томъ даже у иностранцевъ и превозносятъ ихъ хвалами. Поэтому занятіе торговлею или какими-либо иными пристойными ремеслами дворяне почитаютъ ниже своего достоинства. (Рейтенфельсъ, 121, 122 стр.).

Ежегодныя подати и налоги платятъ всѣ дворяне одинаково, всѣ одинаково поставляютъ для войны, каждый смотря по своему состоянію, солдатъ, иногда даже и сами бываютъ обязаны двинуться въ походъ. Царь представилъ имъ только право завѣщанія, дабы они не умирали совсѣмъ какъ безправные, и право суда, въ такъ называемыхъ гражданскихъ дѣлахъ надъ своими рабами, но, впрочемъ, до извѣстной степени, ограниченное. Право ловить рыбу и охотиться на дичь дано немногимъ, но преслѣдовать хищныхъ звѣрей могутъ одинаково всѣ. Въ остальномъ дворяне не пользуются никакими, хотя бы малѣйшими преимуществами, кромѣ, развѣ того, что держатъ многочисленную прислугу, носятъ болѣе пышную одежду, нежели прочіе граждане, да еще то, что слуга, когда они ѣдутъ верхомъ по городу, несетъ впереди кожаный чапракъ, или когда они ѣдутъ въ саняхъ, то кругомъ нихъ стоятъ, торжественности ради, нѣсколько слугъ. (Рейтенфельсъ, 122 стр.).

3) Крестьяне.

Поселяне шесть дней въ недѣлю работаютъ на своего господина, а седьмой день предоставляется имъ для собственной работы. Они имѣютъ нѣсколько собственныхъ, назначенныхъ имъ ихъ господами полей и луговъ, которыми они и живутъ; все остальное принадлежитъ господамъ. Кромѣ того, положеніе ихъ весьма плачевно и потому, что ихъ имущество предоставлено хищенію знатныхъ лицъ и вонновъ, которые въ знакъ презрѣнія называютъ ихъ крестьянами, или черными людишками. (Герберштейнъ, 85—86 стр.).

Положеніе крестьянъ самое жалкое: ихъ принуждаютъ платить по нѣсколько денегъ каждую недѣлю Великому Князю и своимъ господамъ; они имѣютъ скотъ, плоды и, кромѣ того, что-нибудь изъ сельскихъ вещей; отказывая себѣ во всемъ, они продаютъ ихъ сосѣднимъ гражданамъ, а сами, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, довольствуются чернымъ хлѣбомъ, живутъ очень бѣдно, одѣваются въ толстѣйшее сукно, и сами себѣ дѣлаютъ обувь изъ древесной коры, чтобы только не нуждаться въ работѣ сапожниковъ. И такъ, находясь въ такомъ рабствѣ, они заботятся только о томъ, чтобы прожить настоящій день, не прилагая большого старанія къ обрабатыванію полей. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 71 стр.).

Строгое соблюденіе постовъ очень полезно въ Россіи, иначе бы государство скоро разорилось; потому что русскіе крестьяне находятся въ совершенномъ рабствѣ, заботятся только о томъ, что наполняетъ желудокъ, а все, что они пріобрѣтаютъ сверхъ ежедневныхъ потребностей, отбираютъ помѣщики, или ихъ управители. (Коллинсъ, 5 стр.).

Будучи обречены на тяжкую работу и прикрѣпощены къ землѣ, крестьяне безнаказанно оскверняютъ праздничные дни, благодаря снисхожденію законовъ, работою на самихъ себя, дабы не пропасть, такъ какъ въ теченіе всей недѣли они обязаны въ потѣ лица трудиться на своихъ господъ. Тяжелыми податями они доведены до такой бѣдности, что ничего не имѣютъ, кромѣ изорванной одежды и коровы съ подойникомъ. Мужчины по большей части работаютъ лѣтомъ въ полѣ на быкахъ, хотя, мѣстами, вслѣдствіе мягкой почвы, они пашутъ плугами въ одну лишь лошадь, но во время жатвы и сѣнокоса женщины трудятся въ поляхъ гораздо болѣе, нежели мужчины. Зимою же обыкновенно они занимаются рубкою лѣса, плетеніемъ обуви изъ липовой коры и рыбною ловлею, а иногда бываютъ вынуждены, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было средствъ, таскаться толпами по городамъ и просить милостыни. Вслѣдствіе дороговизны хлѣба чрезмѣрнаго постояннаго холода и голода, это, конечно, случается чуть не изъ года въ годъ. (Рейтенфельсъ, 137, 138 стр.).

4) Холопы.

Кромѣ земледѣльцевъ, въ Московіи есть также и рабы—рѣдкое и несправедливое явленіе между христіанами—изъ которыхъ нѣкоторые несутъ рабское иго до самой смерти, а нѣкоторые—въ теченіе извѣстнаго срока. Дѣло въ томъ, что многіе добровольно продаютъ самихъ себя въ рабство, многіе дѣлаются таковыми или изъ за долговъ, или по какой-либо другой причинѣ. Мало того, отцы имѣютъ право, полное и законное, продавать своихъ сыновей четыре раза на извѣстный срокъ, а мужья—женъ (это называется кабалою), при чемъ, сыновья освобождаются изъ подъ родительской власти и становятся сами полноправными лишь послѣ четвертой продажи. Но вышеупомянутые (продающіеся въ кабалу и должники) и многіе иные, будучи отпущены на волю, по заявленію ихъ владѣльца, или другимъ какимъ-либо способомъ, снова отдаютъ себя во власть новыхъ господъ, такъ что, переходя постоянно изъ одной рабской зависимости въ другую, не становятся свободными никогда. Такимъ образомъ, у знатныхъ и, нѣсколько зажиточныхъ, людей кормятся по домамъ цѣлыя полчища рабовъ обоего пола, у конхъ нарождаются дѣти, имѣющія быть также подъ властью хозяина; они служатъ посыльными, управляющими, надсмотрщиками за работами всякаго рода. Они же поочередно караулятъ, въ то

время, когда господа ихъ крѣпко спятъ, извѣщаютъ ударами дубины, который часъ ночи и высматриваютъ съ домовыхъ вышекъ, нѣтъ ли гдѣ пожара. Кормятъ же ихъ обыкновенно пищею, до того гнусною, что въ издѣвательство о нихъ говорятъ, что они питаются похлебкою изъ яичныхъ скорлупъ. Если же они, въ свою очередь, позволяютъ себѣ что-либо дурное, то ихъ господа съ разрѣшенія закона могутъ назначить имъ какой угодно родъ наказанія, за исключеніемъ только смертной казни. (Рейтенфельсъ, 139 стр.).

Что касается рабовъ и холоповъ, принадлежащихъ великимъ и другимъ знатнымъ господамъ, то ихъ безчисленное множество, у иныхъ болѣе 50, а у другихъ даже по сотнямъ и болѣе въ имѣніи и дворѣ. Живущіе въ Москвѣ не имѣютъ обыкновенно обѣда при дворахъ господъ своихъ, а получаютъ на прокормъ деньги, столь, впрочемъ, ничтожныя, что на нихъ едва могутъ поддерживать свое существованіе, отъ чего въ Москвѣ такая бездна воровъ и разбойниковъ. Во время нашего тамъ пребыванія не проходило почти ни одной ночи, чтобы воры не проникали въ дома нашихъ людей и не утащили чего нибудь. Часто случается, что воры, забравшись въ домъ, запираютъ въ немъ въ какой ни есть комнатѣ хозяина, и берутъ себѣ, что хотятъ, и если хозяинъ не имѣетъ достаточно силы для сопротивленія, то, видя все это, долженъ сидѣть молча, буде не хочетъ подвергать опасности свою жизнь, или не желаетъ, чтобы домъ его былъ сожженъ. По этому-то при дворахъ знатныхъ господъ приставляется особая стража, которая ночью должна постукивать какъ бы въ барабанъ, въ повѣшенную доску палкой съ набалдашникомъ и бить часы. Но такъ какъ не рѣдко случалось, что такая стража, или караульные, не столько оберегали господъ, сколько воровъ, указывая имъ болѣе безопасные пути къ воровству и помогая воровать, а затѣмъ скрывались, то теперь постановлено, что никто не можетъ быть взятъ въ караульные, или въ слуги (кромѣ рабовъ, слуги могутъ быть и наемные) безъ того, чтобы онъ не представилъ ручательство за себя какого-нибудь извѣстнаго и почтеннаго гражданина. Сказанные выше рабы дѣлаютъ самыя улицы въ Москвѣ, особенно по ночамъ, небезопасными, такъ что безъ хорошаго оружія, или безъ проводниковъ, того и гляди, что подвергнешься нападенію. (Олеарій, 186—187 стр.).

Государственный строй.

1) Характеръ правленія.

Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать, сколько возможно, по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ дѣлахъ политическихъ.

Правленіе у нихъ чисто тираническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного Царя и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Это видно изъ Sophismata или тайнъ ихъ образа правленія и угнетенія дворянства и простого народа, безъ всякаго притомъ соображенія ихъ различныхъ отношеній и степеней, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія, какъ на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ. Впрочемъ, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелѣвать простымъ или низшимъ классомъ народа и угнетать его во всемъ государствѣ, куда бы лица этого сословія ни пришли, но въ осо-

бенности тамъ, гдѣ они имѣютъ свои помѣстья, или гдѣ опредѣлены Царемъ для управленія. Простолюдинамъ сдѣлана также нѣкоторая маловажная уступка тѣмъ, что они могутъ передавать свои земли по наслѣдству любому изъ сыновей, и располагать имуществомъ своимъ произвольно, имѣя право дарить и завѣщать его по собственному желанію. Несмотря, однако, на это оба класса, и дворяне и простолюдины, въ отношеніи къ своему имуществу, суть не что иное, какъ хранители царскихъ доходовъ, потому что все нажитое ими рано или поздно переходитъ въ царскіе сундуки.

Что касается до главныхъ пунктовъ или статей, входящихъ въ составъ самодержавнаго правленія (какъ-то: изданія и уничтоженія законовъ, опредѣленія правительственныхъ лицъ, права объявлять войну и заключать союзы съ иностранными державами, и права казнить и миловать, съ правомъ измѣнять рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ), то всѣ они такъ безусловно принадлежатъ Царю и состоящей подъ нимъ Думѣ, что его можно назвать какъ верховнымъ правителемъ, такъ и самымъ исполнителемъ въ отношеніи ко всѣмъ исчисленнымъ предметамъ. Всякій новый законъ или постановленіе, касающіеся до государства, опредѣляются всегда прежде, нежели созывается по этому случаю какое-либо общее собраніе или совѣтъ. Кромѣ своей Думы, Царю не съ кѣмъ совѣтоваться о предметахъ, по которымъ уже предварительно сдѣлано было постановленіе, за исключеніемъ немногихъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, и то для того только, чтобы воспользоваться суевѣріемъ народа (при томъ всегда къ его вреду), который считаетъ святымъ и справедливымъ все, что ни сдѣлано съ согласія ихъ епископовъ и духовенства. Вотъ почему Цари, пользуясь для своихъ выгодъ теперешнимъ упадкомъ церкви, потворствуютъ ему чрезвычайными милостями и привилегіями, дарованными епископіямъ и монастырямъ, ибо они знаютъ, что суевѣріе и лжевѣріе лучше всего согласуется съ тираническимъ образомъ правленія и особенно необходимы для поддержанія и охраненія его.

Во-вторыхъ, что касается до общественныхъ и правительственныхъ должностей въ государствѣ, то здѣсь нѣтъ ни одного наслѣдственнаго званія, какъ бы ни было оно высоко или низко, и, напротивъ, опредѣленіе къ той или другой должности зависитъ непосредственно отъ самого Царя, такъ что даже дьяки въ каждомъ главномъ городѣ, большею частію, назначаются имъ самимъ.

Въ-третьихъ, то-же можно сказать о завѣдываніи дѣлами судебными, въ особенности касающимися до жизни и смерти. Здѣсь нѣтъ ни одного, кто бы имѣлъ судебную должность или власть переходящую по наслѣдству, или основанную на грамотѣ, но всѣ опредѣляются по назначенію и волѣ Царя, и судьи такъ стѣснены въ отправленіи своей должности, что не смѣютъ рѣшить ни одного особеннаго дѣла сами собою, но должны пересылать его вполнѣ въ Москву, въ Царскую Думу.

Въ четвертыхъ, что касается до верховной апелляціи и прощенія обличенныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, то это совершенно зависитъ отъ воли и милости царской. (Флетчеръ, 25—27 стр.).

Ни дворянство, ни простой народъ не имѣютъ возможности отважиться на какое-нибудь нововведеніе до тѣхъ поръ, пока войско (котораго число простирается, по крайней мѣрѣ, до 80.000 человѣкъ, получающихъ постоянное жалованье) будетъ единодушно и безпрекословно подчинено Царю и настоящему порядку вещей, а оно, очевидно, должно быть усердно къ

своей должности, какъ по самымъ свойствамъ солдатъ, такъ и потому, что они пользуются всюду полною свободою обижать и грабить простой народъ по своему произволу, что имъ нарочно дозволено для того, чтобъ имъ нравилось настоящее положеніе дѣлъ. Заговора между войскомъ и простымъ народомъ опасаться также нельзя, потому что цѣли ихъ слишкомъ между собою различны и противоположны. Это безнадежное состояніе вещей внутри государства заставляетъ народъ большею частію желать вторженія какой-нибудь внѣшней державы, которое (по мнѣнію его) одно только можетъ его избавить отъ тяжкаго ига такого тиранскаго правленія. (Флетчеръ, 41 стр.).

2) Верховная власть.

Москвитяне, прученные многими примѣрами, такъ боятся своего князя, что потребованные имъ, они не спокойно приходятъ къ нему, но прибѣгаютъ сколь возможно съ большою скоростью, и во всемъ, чтобы ни налагалось на нихъ, оказываютъ ему послушаніе и повинуются безъ всякой отговорки и съ великою душевною готовностью. Если ты кому нибудь пожелаешь здоровья, то онъ отвѣтитъ тебѣ: «Пошли, Боже, здравія Великому Государю нашему, а затѣмъ и намъ его поддашнымъ!». Если ты спросишь кого-нибудь о чьихъ-либо владѣніяхъ, то тотъ скажетъ: «Все это Великаго Князя и мое». Обыкновенно говорятъ, что они не знаютъ, что должно думать о своемъ князѣ: «Богъ и не Богъ, человѣкъ, но больше человѣка». Если кто-нибудь при дворѣ его дружески разговариваетъ съ пріятелемъ, того тотчасъ схватываютъ, особенно, если возбудится какое-либо подозрѣніе, и батогами до того наказываютъ его, что онъ принужденъ бываетъ пересказать свои рѣчи. И такъ они живутъ въ самомъ крайнемъ рабствѣ, больше котораго едва-ли можетъ быть; это бремя они по тому переносятъ очень легко, что совершенно не знаютъ, какое устройство другихъ царствъ и государствъ. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 29, 30 стр.).

Царь имѣетъ не только полнѣйшее право издавать и отмѣнять законы, заключать и нарушать союзы и мирные договоры, назначать и удалять чиновниковъ, уменьшать и увеличивать налоги, но располагаетъ вполнѣ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и ихъ имуществомъ, такъ что можетъ, если захочетъ, отнять у нихъ все состояніе и жизнь, не объясняя причинъ сихъ дѣйствій. Если онъ иногда совѣщается о чемъ-либо съ боярами, то онъ не проситъ ихъ о согласіи, а пользуется ихъ опытностью и покорностью. Поэтому всѣ его подданные открыто признаютъ, что всѣ они цѣликомъ и все ихъ имущество принадлежитъ Богу и Царю и прячутъ все, что у нихъ есть дорогого и цѣннаго, въ сундуки и подземелья, дабы другіе, увидавъ, не позавидовали бы, правитель не заподозрилъ бы, и дабы не привлечь на себя чьей-либо жадности или иную какую опасность. Они не позволяютъ своимъ подданнымъ ни путешествовать, ни вступать въ бракъ съ чужеземцами, ни, наконецъ, заниматься науками и искусствами, ради умственнаго развитія и нравственнаго совершенства; въ довершеніе къ сему запрещается еще, кому бы то ни было, спорить о вѣрѣ или обращаться съ рѣчами къ народу въ церкви. Итакъ, священники держатъ въ Московіи народъ въ убѣжденіи, что царь ничего не дѣлаетъ помимо воли Божіей и что повинующійся до конца жизни своей приказаніямъ царя непремѣнно будетъ угоденъ Богу. (Рейтенфельсъ, 101, 102 стр.).

Этотъ царь обращается свободно, какъ съ своими знатными и подданными, такъ же точно и съ иностранцами, которые служатъ ему въ

войнахъ, или какихъ-нибудь другихъ дѣлахъ; для его удовольствія они должны довольно часто въ году обѣдать у него; кромѣ того онъ часто выходитъ изъ дому въ церковь, или куда-либо въ другое мѣсто и прогуливается со своими придворными. Благодаря чему его не только обожаютъ знатные и простой народъ, но и такъ боятся его во всѣхъ его владѣніяхъ, что я думаю, что нѣтъ христіанскаго государя, котораго бы больше боялись и больше любили, чѣмъ этого. Если приказываетъ кому-нибудь изъ бояръ итти, тотъ бѣжитъ; если онъ скажетъ одному изъ нихъ дурное или бранное слово, то виноватый не можетъ являться предъ его лицо, если за нимъ не пошлютъ; но онъ долженъ притворяться больнымъ, отпускастъ себѣ длиннѣйшіе волосы на головѣ, не подрѣзая ихъ, что и есть очевидный признакъ, что онъ въ немилости у Государя, потому что бояре въ счастьи считаютъ позорнымъ носить длинные волосы, вслѣдствіе чего волосы у нихъ, обыкновенно, коротко обстрижены. Его Величество выслушиваетъ самъ всѣ жалобы и самъ же устно произноситъ приговоры по всѣмъ дѣламъ и безъ замедленія, только въ духовныя дѣла не вмѣшивается, но представляетъ ихъ цѣликомъ митрополиту. Его Величество принимаетъ и хорошо вознаграждаетъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ къ нему на службу, особенно военныхъ. Царь немного забавляется соколиной охотой, травлей звѣрей, музыкой или чѣмъ-нибудь подобнымъ, но все свое удовольствіе онъ полагаетъ въ двухъ вещахъ: въ служеніи Богу, такъ какъ онъ безъ сомнѣнія очень преданъ своей религіи, и въ планахъ, какъ бы ему подчинить и завоевать своихъ враговъ. У царя чрезвычайно много золота и серебра въ его казнѣ; но большая часть его подданныхъ не различитъ жестянки отъ кроны, золота отъ мѣди; они такъ угнетены, что имѣющій 2—4 гроша уже богачъ. (Неизвѣстный англичанинъ, 22 стр.).

Воля Великаго Князя для всѣхъ законъ; если онъ зоветъ въ военный походъ, то ему повинуются безъ всякой отговорки. Русскіе обнаруживаютъ это повиновеніе во всемъ; въ городахъ нѣтъ никакихъ ни Консуловъ, ни Сенаторовъ, которыхъ даже имена имъ совершенно неизвѣстны. По большей части начальниками надъ гражданами поставляются бояре, которые свирѣпствуютъ надъ несчастнымъ простымъ народомъ съ величайшею жестокостью и очень часто за самые легкіе проступки бьютъ батогами, бросаютъ въ темницы или наказываютъ денежными пенями. Невозможно сказать, какъ они обдираютъ несчастныхъ людей и лишаютъ почти всего имущества, кои среди всякихъ несправедливостей не смѣютъ даже пикнуть. Надъ крѣпостями, особенно пограничными, ставятся два, иногда даже три, начальника, которые называются воеводами съ тѣмъ, чтобы одинъ другого держалъ въ повиновеніи. Но и ихъ для того, чтобы преградить всякій случай къ переворотамъ, посылаютъ иногда въ другое мѣсто. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 65 стр.).

3) Пріемы и средства управленія.

О правленіи Русскаго Царя, гдѣ бы то ни было, въ странахъ ли наслѣдственныхъ, или завоеванныхъ, можно сказать слѣдующее. Во-первыхъ, у народа отнимаютъ оружіе и другія средства къ защитѣ и не позволяютъ никому имѣть ихъ, кромѣ бояръ. Во-вторыхъ, безпрестанно отнимаютъ у него деньги, товары и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не оставляютъ ничего, кромѣ тѣла и жизни. Въ-третьихъ, Царь раздаетъ и раздѣляетъ свои владѣнія на многія мелкія части, учреждая въ нихъ отдѣльныя управленія, такъ что нѣтъ ни у кого довольно владѣній для того, чтобы усилиться, хотя

бы даже имѣлъ другія средства. Въ-четвертыхъ, области управляются людьми незначащими, не имѣющими сами по себѣ силы и совершенно чуждыми жителямъ тѣхъ мѣстъ, коими завѣдываютъ. Въ-пятыхъ, Царь смѣняетъ обыкновенно своихъ правителей одинъ разъ въ годъ, дабы они не могли слишкомъ сблизиться съ народомъ или войти въ сношенія съ непріятелемъ, если завѣдываютъ пограничными областями. Въ-шестыхъ, въ одно и то же мѣсто онъ назначаетъ правителей, непріязненныхъ другъ другу, дабы одинъ былъ какъ-бы контролеромъ надъ другимъ, какъ-то, князеи и дьяковъ, отчего (вслѣдствіе ихъ взаимной зависти и соперничества) здѣсь меньше повода опасаться тѣсныхъ между ними сношеній; кромѣ того Царь узнаетъ этимъ путемъ обо всѣхъ злоупотребленіяхъ. Въ-седьмыхъ, часто посылаетъ онъ тайно въ каждую область нарочныхъ, пользующихся особеннымъ его довѣріемъ, для развѣдыванія обо всемъ, тамъ происходящемъ, и обо всѣхъ тамошнихъ безпорядкахъ. Это очень обыкновенное дѣло, хотя такія лица посылаются невзначай и никому неизвѣстно, въ какое время ихъ должно ожидать. (Флетчеръ, 74 стр.).

4) Дума и приказы.

Великіе Князья всегда имѣютъ при себѣ Думу, но многіе изъ нихъ обыкновенно спрашивали ея мнѣнія только для вида, чтобы свалить съ себя на нее ненависть за сдѣланную ими несправедливость. Алексѣй превосходно идетъ по слѣдамъ ихъ, распоряжаясь всѣмъ по своему произволу, или лучше, думая распоряжаться, потому что, осаждаемый и проводимый своими любимцами, либо совсѣмъ не знаетъ положенія дѣлъ, либо видитъ его подъ прикрытіемъ обмана тѣхъ же любимцевъ. Въ мою бытность въ Москвѣ Думу составляли около 13 Бояръ, 30 Окольничьихъ, 7 Думныхъ Дворянъ: всѣ они, принадлежа къ знатному сословію, сидѣли въ этой Думѣ, а трое Думныхъ Дьяковъ изъ простого званія должны были стоять. По произвольному распоряженію Царя, между этими совѣтниками раздѣлены всѣ заботы о какихъ бы то ни было дѣлахъ Царства, относящихся какъ къ общественному, такъ и къ частному положенію подданныхъ. Потому что, такъ какъ въ Москвѣ учреждено 33 главныхъ правительственныхъ мѣста, называемыхъ Приказами, то къ нимъ, какъ первостепеннымъ учрежденіямъ, по предписанному распоряженію принадлежатъ всѣ дѣла, касающіяся правосудія, казны или войны. Въ каждомъ изъ нихъ, а иногда и во многихъ, предсѣдательствуетъ одинъ изъ этихъ совѣтниковъ: онъ завѣдуетъ съ полной властію дѣлами, подлежащими его судопроизводству, и даетъ окончательные приговоры, съ большей или меньшей прибавкою къ своему родовому имуществу, такъ что самъ бываетъ оцѣнщикомъ степени своей благосклонности. Такъ Царь, сохраняя за собой всю полноту Царской власти, дѣлаетъ видъ, что нѣкоторую часть ея передаетъ своей Думѣ, отсылая просьбы народа на разсмотрѣніе ея членовъ. Въ каждомъ Приказѣ должность Секретарей исправляютъ особенные Дьяки: каждаго изъ нихъ Великій Князь всегда обыкновенно наряжаетъ въ товарищи своимъ Посламъ къ иноземнымъ государямъ. (Майербергъ, 166—167 стр.).

Главный Канцлеръ и его помощникъ приняли меня весьма благосклонно и дали по дѣлу желаемое рѣшеніе. Въ присутственномъ покоѣ окно и столъ были покрыты прекраснымъ ковромъ, а на столѣ, передъ Канцлеромъ, стояла большая серебряная, изящная чернильница, только пустая, безъ чернилъ. Мнѣ сообщили за тайну, что ковры были положены

и чернильница поставлена только при моемъ прибытіи и по уходѣ моемъ тотчасъ же опять убраны; вообще Канцеляріи русскія не отличаются особенною чистотою. Можетъ быть, это-то и было причиною, что меня заставляли ждать въ передней. (Олеарій, 95 стр.).

Во всѣхъ Приказахъ, какъ Царскихъ, такъ и Патріаршихъ, находится бездна писцовъ, которые, кромѣ того, что хорошо пишутъ, довольно искусны и в ъвычисленіяхъ, своимъ особымъ способомъ, при чемъ они употребляютъ не жетоны (счетныя марки), но зерна (косточки) сливъ, которыя каждый носитъ всегда при себѣ въ небольшомъ кошелѣ.

Хотя брать взятки всѣмъ строго запрещается, подъ опасеніемъ наказанія за то кнутомъ, но ихъ тайно берутъ, особенно писцы, которые вообще охотно принимаютъ посулы или подарки, и за подарки эти часто можно узнать о самыхъ тайныхъ дѣлахъ, которыя находятся у нихъ въ производствѣ. Иногда они сами забѣгаютъ къ тѣмъ, кому это нужно, съ предложеніемъ, за извѣстную плату, открыть имъ ходъ дѣла. При томъ, впрочемъ, иногда и сильно обманываютъ, когда писцы, напримѣръ, изъ страха наказанья, которое можетъ постигнуть ихъ, если обнаружится, что они сообщили то, чего не должны были сообщать, или же, по незнанію самаго дѣла, сообщаютъ свѣдѣнія вымышленныя, вмѣсто истинныхъ. (Олеарій, 295—296 стр.).

5) Областное управленіе.

Въ Литвѣ одинъ чиновникъ занимаетъ десять должностей, а прочіе удалены отъ правительственныхъ дѣлъ. Москвитяне же соблюдаютъ равенство между своими, и не даютъ одному многихъ должностей: управленіе одною крѣпостью на годъ или много на два поручаютъ они двумъ начальникамъ вмѣстѣ и двумъ нотаріямъ (дьякамъ). Отъ этого придворные, въ надеждѣ получить начальство, ревностнѣе служатъ своему Князю, и начальники лучше обращаются съ подчиненными, зная, что они должны отдать отчетъ и подвергнуться суду, ибо осужденный за взятки бываетъ принужденъ драться на дуэли съ обиженнымъ, даже если сей послѣдній принадлежитъ къ низшему сословію. И хотя обвиненный можетъ на поединокъ подставить вмѣсто себя другого, однако, если онъ будетъ побѣжденъ, то самъ осужденный платитъ штрафъ. Отъ этого не такъ часто слышатся во дворцѣ жалобы на притѣсненія. (Михалонъ Литвинъ, 71 стр.).

Царства, области и города, подвластные Московскому владычеству, управляются намѣстниками, называемыми у Москвитянъ Воеводами, которыхъ управленіе, однако же, продолжается рѣдко больше 3 лѣтъ. Они управляютъ во всемъ согласно съ постановленіями, которыя въ 1647 году Алексѣй велѣлъ составить по древнимъ неписанымъ обычаямъ и, напечатавъ, хотѣлъ сдѣлать общимъ закономъ; а такъ какъ лица, пользующіяся расположеніемъ Государя, получаютъ даромъ его милости, точно водопроводныя трубы воду, но никому не отводятъ ее даромъ, то необходимо нужно располагать этихъ любимцевъ къ себѣ множествомъ подарковъ для полученія должности. А чтобы воротить съ лихвою свои убытки на это, Воеводы, не уважая предписаній закона, не довольствуются стрижкою народнаго стада, имъ ввѣреннаго, но не боятся сдирать съ него еще и шкуру, въ той увѣренности, что жалобы его имѣютъ такой сиплый голосъ, что не дойти ему до царскаго слуха, только бы стало добычи съ ограбленныхъ, какъ для собственной жадности, такъ и на пріобрѣтеніе расположенія къ себѣ тѣхъ любимцевъ, для новой безнаказанности. Дѣло не стоитъ

у нихъ и за остроумной выдумкой для обиранія въ-тихомолку своихъ овечекъ, которыя пожирнѣе: они задаютъ пиры и съ каждымъ годомъ чаще зовутъ на нихъ областныхъ дворянъ и купцовъ, позажиточнѣе, чтобы, удостоившись такой необыкновенной почести, эти лица приносили имъ щедрые подарки по отеческому обычаю. Приговоры продаютъ съ торга; рѣшаютъ въ пользу той стороны тяжущихся, которая принесетъ больше. Преступники покупаютъ себѣ безнаказанность; злодѣи притупляютъ лезвіе меча правосудія, подставляя подъ удары его золотые щиты. Да и сами судьи для затрудненія улики себѣ въ несправедливости своихъ приговоровъ закрываютъ на судѣ глаза, чтобы подкупленные свидѣтели тѣмъ сильнѣе дѣлали свои ложныя показанія, или для оправданія правдиваго обвиненія, или для подтвержденія несказанной клеветы, чѣмъ богаче награду получаютъ за свою ложь.

Всѣ Бояре безъ исключенія, даже и сами Великокняжескіе Послы у иностранныхъ Государей открыто занимаются торговлей. Продаютъ, покупаютъ, промѣниваютъ безъ личины и прикрытія: сами продавцы, сами маклеры заставляютъ почетный Посольскій санъ служить низкому промыслу. (Майербергъ, 91—92 стр.).

Изъ числа знатныхъ должностныхъ лицъ, воеводы или намѣстники, получаютъ въ управленіе ту или другую область, приблизительно, на три года. Они, хотя и являются представителями и подражателями Царя, очень ограничены въ своей власти. Они обязаны наиболѣе важныя дѣла представлять на разбирательство Царю и не могутъ лишить кого-либо жизни, не донеся сперва объ этомъ въ Москву. Въ остальномъ они отправляютъ правосудіе болѣе свободно, но такъ однако, что никогда не забываютъ себя, измѣннически выговаривая себѣ за разборъ дѣла, такъ какъ они не получаютъ отъ Царя никакого годового жалованья, кромѣ взысканной съ преступниковъ пени. При отъѣздѣ на воеводство, Царь обыкновенно вручаетъ имъ жезлъ въ знакъ власти, а, можетъ быть, и въ видѣ напоминанія о предстоящемъ наказаніи, ибо они легко лишаются не только своего сана и свободы, но въ видѣ роковой отместки, и жизни, какъ только возникаетъ малѣйшее подозрѣніе или жалоба на дурное веденіе ими дѣлъ. Раньше они должны были оставлять женъ и дѣтей въ Москвѣ, дабы Царь могъ оказывать имъ большее довѣріе, нынѣ же вмѣстѣ съ ними отправляются въ области, въ качествѣ спутниковъ, послы и дьяки, дабы взаимный страхъ и дѣятельное соревнованіе могущественнѣе удерживали каждаго изъ нихъ отъ несправедливыхъ поступковъ. (Рейтенфельсъ, 111 стр.).

6) Административные нравы.

Корыстолюбіе ихъ простирается до такой степени, что если не подарить имъ чего-нибудь, нельзя ничего отъ нихъ получить, ни совершить никакой съ ними сдѣлки. Вельможи, какъ и частные люди, не постыдятся нагло потребовать, чуть что увидятъ, перстни или другія вещицы, даже деньги, словомъ все, что бы то ни было. У самаго канцлера принято за правило, что если кто придетъ къ нему и объявитъ, что желалъ бы поцѣловать государеву руку за какое нибудь дѣло, (потому-что прежде всегда надо обратиться къ канцлеру) первое слово: «А принесъ-ли что-нибудь, чтобы удостоиться взглянуть на ясныя очи государя?». Это значитъ, что должно его задарить; и эта алчность къ подаркамъ такъ заразила честныхъ людей, что за ними водится множество дурного, хотя за это и достается имъ отъ государя, который нерѣдко велитъ сѣчь за это, растянувъ на

землѣ, даже знатнѣйшихъ изъ своихъ бояръ. Такимъ образомъ, нѣтъ почти ни одного тамъ изъ чиновниковъ, который хоть разъ на роду своемъ не былъ высѣченъ; но они не гонятся за честью и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что такое стыдъ. (Барберини, 32 стр.).

Должно замѣтить, что никто изъ судей, или сановниковъ, не смѣетъ принимать никакихъ подарковъ отъ просителей: если обвинятъ судью или собственные слуги, или подарившіе (которые доносятъ, нерѣдко, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или другіе люди: то уличенный въ лихоимствѣ теряетъ все свое имущество и, возвративъ дары, подвергается правежу, для заплаты въ пеню, по назначенію государя, пятисотъ, тысячи, или двухъ тысячъ рублей, болѣе или менѣе, по степени сана. Но виновнаго дьяка, не слишкомъ любимаго государемъ, наказываютъ всенародно кнутомъ, т. е. сѣкутъ плетью, а не розгами, привязавъ къ шеѣ лихоимца кошелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу, или другую вещь, взятую въ подарокъ; потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссылку, чтобы прекратить беззаконіе и на будущее время. При всемъ томъ, взятки не истребляются; выдумали слѣдующую хитрость: челобитчикъ приходитъ къ судьѣ и кладетъ дары передъ его иконами, которые въ простомъ народѣ называютъ Богомъ, а въ высшемъ кругу образомъ. Къ иконамъ, украшающимъ жилище каждаго въ очень большомъ количествѣ, привѣшиваютъ подарки. Впрочемъ, если принесенная вещь стоитъ дороже 7 или 8 рублей, и царь о томъ узнаетъ, судьи не освобождаются отъ наказанія. (Маржеретъ, стр. 266 стр.).

7) Судъ и система наказаній.

Письменныхъ законовъ у нихъ почти нѣтъ, кромѣ одной небольшой книги, въ коей опредѣляются время и образъ засѣданій въ судебныхъ мѣстахъ, порядокъ судопроизводства и другія тому подобныя судебныя формы и обстоятельства, но нѣтъ вовсе правилъ, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дѣло правымъ или неправымъ. Единственный у нихъ законъ есть законъ изустный, т. е. воля Царя, судей и другихъ должностныхъ лицъ. Все это показываетъ жалкое состояніе несчастнаго народа, который долженъ признавать источникомъ своихъ законовъ и блюстителями правосудія тѣхъ, противъ коихъ несправедливости и крайняго угнетенія ему бы необходимо было имѣть значительное количество хорошихъ и строгихъ законовъ. (Флетчеръ, 61 стр.).

Воры, прелюбодѣи и всѣ совершающія подобныя преступленіи, обыкновенно наказываются только по усмотрѣнію наказаніемъ, которое никогда почти не доходитъ до смерти. Блудъ считаютъ небольшимъ грѣхомъ. Человѣкоубійцы и совершившіе, кромѣ того, какое-нибудь преступленіе, лишаются жизни по римскому обычаю, т. е. топоромъ на плахѣ. Если кто-нибудь оскорбитъ величество Великаго Князя, того, по большей части, разсѣкаютъ въ кусочки и, нерѣдко, вся его семья въ корень истребляется. За болѣе легкіе проступки обнажаютъ до пояса и, выведши на улицу, бьютъ кнутомъ, въ то же время сильно ударяя двумя, или тремя батогами, какъ бы по наковальнѣ; этому наказанію нерѣдко подвергаются даже самые бояре и духовныя лица. Должникамъ, или даже ихъ поручителямъ, если они не заплатятъ извѣстныхъ денегъ въ назначенный срокъ, каждый день у крѣпости, или другого общественнаго мѣста отпускаютъ извѣстное число ударовъ по голени, или икрамъ ногъ, что продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока они не сдержатъ своего слова. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 66 стр.).

Не допускаютъ москви и того, чтобы ходатаи по дѣламъ (которыхъ они никакъ не терпятъ) обращались бы легкомысленно съ законными правами и имуществомъ гражданъ въ безконечныхъ тяжбахъ (что почти во всей Европѣ служитъ основаніемъ великаго бѣдствія). У москвовъ, дѣйствительно, безъ всякой лишней траты словъ и времени, такъ какъ никакіе споры законниковъ не допускаются, въ часъ времени разбираются запутаннѣйшія жалобы и тяжбы, которыя въ другой странѣ тянулись бы цѣлое столѣтіе. Самыя мѣста для судебнаго производства распредѣлены въ городахъ такъ, что менѣе важныя недоразумѣнія и споры представляются на судъ губныхъ и сотскихъ старостъ, стоящихъ во главѣ своихъ сотенъ, болѣе важныя—воеводамъ, наиважнѣйшія—царю. (Рейтенфельсъ, 114 стр.).

Каждый господинъ управляетъ и судитъ своихъ крестьянъ. Если же случится, что поссорятся слуги или крестьяне двухъ господъ, то оба господина, изслѣдовавъ дѣло, призываютъ къ себѣ стороны и произносятъ приговоръ. Если же вслѣдствіе противорѣчій господа не могутъ порѣшить дѣла, то оба они должны привести своихъ слугъ или крестьянъ предъ высокаго судью или судилище области и, представивъ ихъ, объяснить дѣло и обстоятельства. Скажетъ истецъ: «я прошу закона, который пожалованъ»; тогда приставъ арестуетъ отвѣтчика и поступаетъ съ нимъ не по англійскимъ законамъ. Заставляетъ нѣсколько человѣкъ бить его по ногамъ, пока отвѣтчикъ не представитъ порукъ. Если же онъ не найдетъ, то, привязавъ его руки у шеи, водятъ его по городу и бьютъ по ногамъ; употребляютъ и другія крайнія наказанія, пока не приведутъ его къ отвѣту.

И судья спроситъ (если дѣло о долгѣ): «Долженъ ли ты столько-то этому человѣку?». Отвѣтчикъ можетъ быть скажетъ: «нѣтъ». Судья: «можешь ли ты отрицать? говори, чтобы мы слышали какъ?». «Клятвою», отвѣтитъ. Тогда судья приказываетъ оставить его бить до дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла.

Русское судопроизводство въ одномъ отношеніи заслуживаетъ одобренія: у нихъ нѣтъ юристовъ, которые вели бы дѣла въ судѣ, но каждый самъ ведетъ свое дѣло и подаетъ челобитныя и отвѣты письменно, противно англійскому судопроизводству. Жалобы пишутся на манеръ просьбы къ милости князя и передаются ему въ собственныя руки съ просьбой назначить судъ, какъ проситъ жалоба.

Князь самъ произноситъ приговоръ по всѣмъ дѣламъ, согласно законамъ. Это очень похвально, что такой государь беретъ на себя трудъ смотрѣть за отправленіемъ правосудія. Впрочемъ, несмотря на это, здѣсь происходятъ удивительныя злоупотребленія, при чемъ князя часто обманываютъ. Если же случится, что начальники будутъ изобличены въ скрытіи правды, они получаютъ соразмѣрное наказаніе. Если истецъ не можетъ ничего доказать, то отвѣтчикъ долженъ дать клятву на крестѣ, правъ онъ или нѣтъ. Тогда спрашиваютъ истца, можетъ ли онъ что-либо дальше доказывать; если не можетъ, то онъ иногда говоритъ: «я могу доказать моимъ тѣломъ и руками, или тѣломъ моихъ бойцовъ,» т. е. онъ проситъ поля. Послѣ того, какъ другая сторона поклянется, поле дается обѣимъ сторонамъ. Передъ полемъ оба клянутся на крестѣ, что онъ заставитъ другого сознаться въ истинѣ, прежде чѣмъ они оставятъ поле, и выходятъ на борьбу, вооруженные обычнымъ здѣсь оружіемъ; бьются они всегда на ногахъ, и рѣдко сами стороны, за исключеніемъ дворянъ, которые, очень дорожа своею честью, станутъ биться только съ происходящимъ изъ такого же рода, какъ они сами. Если какая-нибудь сторона проситъ поля, оно

дается имъ; дѣло обходится безъ обмана, если нѣтъ бойцовъ; иное дѣло, если призываютъ бойцовъ—хотя послѣдніе и даютъ великія клятвы, что будутъ биться вѣрно, однако, противное наблюдается часто, потому что обычный боецъ не имѣетъ другихъ средствъ къ пропитанію. Какъ только одна сторона одержитъ побѣду, она требуетъ свой долгъ, а побѣжденнаго ведутъ въ тюрьму и тамъ обращаются съ нимъ самымъ позорнымъ образомъ, пока побѣдитель не дастъ приказаній. Существуетъ и другой порядокъ судопроизводства, именно въ нѣкоторыхъ тяжбахъ о долгахъ, истецъ можетъ давать клятву, если отвѣтчикъ бѣденъ, онъ помѣщается подъ крестомъ, истецъ же долженъ клясться надъ его головой; и если онъ поклянется, князь беретъ въ свой домъ отвѣтчика и употребляетъ его, какъ крѣпостного, назначаетъ на работы или отдаетъ его внаймы, желающимъ взять его, до тѣхъ поръ, пока друзья не соберутъ выкупа, иначе онъ останется въ кабалѣ всю жизнь. Съ другой стороны есть и такіе, которые сами продаются дворянамъ и купцамъ въ холопы, съ условіемъ получать отъ нихъ въ теченіе своей жизни пищу, питье и одежду, а при поступленіи и деньги; равнымъ образомъ находятся желающіе продавать своихъ женъ и дѣтей въ любовницы и рабы покупателю.

Русскіе законы о преступникахъ и ворахъ несогласны съ англійскими. По ихъ законамъ никто не можетъ быть повѣшенъ за свой первый проступокъ; но виновнаго долго держатъ въ тюрьмѣ и часто бьютъ плетьми и иначе наказываютъ, и онъ долженъ оставаться въ тюрьмѣ, пока друзья не поручатся за него. Если воръ или мошенникъ, которыхъ здѣсь очень много, попадутся вторично, ему отрѣзываютъ кусокъ носа и выжигаютъ клеймо на лбу и держатъ въ темницѣ, пока онъ не найдетъ поручителей въ своемъ добромъ поведеніи. Если же попадется третій разъ, его вѣшаютъ. Но и за первый разъ виновный наказывается очень строго, и его не выпускаютъ, развѣ у него есть добрые пріятели, или какой-нибудь дворянинъ попроситъ взять его на войну и при этомъ дастъ за него большія обязательства; благодаря этимъ мѣрамъ, въ странѣ поддерживается спокойствіе. Но этотъ народъ по природѣ склоненъ къ обману, только сильное битье обуздываетъ его. (Ченслеръ, 8—10 стр.).

Всякій, желающій обвинить другого въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, отправляется въ Москву и проситъ позвать такого-то на судъ. Ему дается недѣльщикъ, который назначаетъ срокъ виновному и привозитъ его въ Москву. Далѣе, представленный на судъ виновный, по большей части, отрицаетъ взводимое на него обвиненіе. Если истецъ приводитъ свидѣтелей, то спрашиваютъ объ стороны, желаютъ-ли онѣ положиться на ихъ слова. На это обыкновенно отвѣчаютъ: «Пусть свидѣтели будутъ выслушаны по справедливости и обычаю». Если они свидѣтельствуютъ противъ обвиняемаго, то обвиняемый немедленно вступается и возражаетъ противъ свидѣтельствъ и лицъ, говоря: «Требую назначить мнѣ присягу, вручаю себя правосудію Божію и требуя поля и поединка». И такимъ образомъ имъ, по отечественному обычаю, назначается поединокъ. Оба могутъ выставить, вмѣсто себя, на поединокъ какое угодно другое лицо, точно также оба могутъ запастись какимъ угодно оружіемъ, за исключеніемъ пищали и лука. Обыкновенно они имѣютъ продолговатыя латы, иногда двойныя, кольчугу, копье, наручи, шлемъ, топоръ, и какое-то желѣзо въ рукѣ на-подобіе кинжала, однако, заостренное съ того и другого края; они держатъ его одной рукой и употребляютъ такъ ловко, что при какомъ угодно столкновеніи оно не препятствуетъ и не выпадаетъ изъ руки. Но по большей части его упо-

требляютъ въ пѣшемъ бою. Бой они начинаютъ прежде всего копьемъ, а потомъ пускаютъ въ ходъ другое оружіе. Много лѣтъ московиты выходили на поединокъ съ иноземцами или германцами, или поляками, или литовцами и по большей части терпѣли пораженіе. Московиты вѣрнѣе обременяютъ себя множествомъ разнообразнаго оружія, чѣмъ вооружаются имъ, иноземцы же вступаютъ въ бой, будучи защищены болѣе хитрымъ умысломъ, чѣмъ оружіемъ. Они прежде всего остерегаются вступать въ рукопашный бой и, зная, что московиты весьма сильны руками и мышцами, они обычно побѣждаютъ ихъ, утомивъ подъ конецъ исключительно своею сосредоточенностью и ловкостью. Та и другая изъ сторонъ имѣетъ много друзей и покровителей, зрителей ея боя, но они лишены всякаго вооруженія, кромѣ кольевъ, которые иногда пускаютъ въ ходъ. Ибо если окажется, что одному изъ бьющихся причиняется какая-нибудь обида, то для защиты его отъ этой обиды сбѣгаются его покровители, а затѣмъ и покровители другого противника и, такимъ образомъ, между обѣими сторонами завязывается бой, пріятный для жителей, ибо борьба ведется потасовками за волосы, кулаками, палками и обожженными кольями. (Герберштейнъ, 84, 85 стр.).

Русскіе вовсе не терпятъ поединковъ, во первыхъ потому, что ходятъ всегда безоружные, исключая военнаго времени, или путешествія; во вторыхъ, потому, что оскорбленный словами или другимъ образомъ вѣдается судомъ, который опредѣляетъ виновному наказаніе, именуемое безчестіемъ. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго: иногда виновника сѣкутъ батожьемъ, т. е. обнаживъ спину до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ; два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями, толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: стой! Иногда уличенный въ оскорбленіи другого платитъ обиженному окладъ, получаемый тѣмъ послѣднимъ отъ государя, и сверхъ того женѣ его вдвое; кому даютъ отъ казны 15 рублей ежегодно, тому и безчестія 15 рублей, да женѣ его 30, слѣдовательно—всего 45 рублей. Такъ поступаютъ всегда, соразмѣрно жалованью. За иныя обиды, виновнаго сѣкутъ среди города кнутомъ, и взыскавъ означенную пеню, отправляютъ въ ссылку. Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я въ 6 лѣтъ однажды), кто ранитъ другого, вызвавшаго или вызваннаго, все равно, тотъ наказывается какъ преступникъ уголовный, и ничѣмъ оправдать себя не можетъ; еще болѣе: не взирая на жесточайшую брань, запрещено бить поносителя даже рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія; если же это случится, при чемъ другой и самъ ударитъ, а потомъ дѣло дойдетъ до жалобы: тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно, или денежною пенею въ казну, для того, чтобы оскорбленный, говорятъ русскіе, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которое одно имѣетъ право разбирать и преслѣдовать преступленія. И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ гораздо скорѣе и строже, нежели въ другихъ дѣлахъ. Такой обычай наблюдаютъ очень тщательно не только мирные жители городовъ, но и воины во время походовъ, разумѣя дворянство; за безчестіе простолюдина и гражданина платится не болѣе 2 рублей. (Маржеретъ, 295—296 стр.).

Между орудіями пытки, служащими, обыкновенно, для вывѣдыванія истины или для наказанія, кромѣ дыбы, употребляемой также и въ другихъ странахъ, необходимо упомянуть о знаменитомъ смертельномъ орудіи—кнутѣ, т. е. широкомъ ремнѣ, провареномъ въ молокѣ, дабы удары

имъ были бы люты. Палачъ бьетъ ими по обнаженной спинѣ наказуемаго, котораго его помощникъ держитъ за руки у себя за плечами въ висячемъ положеніи, при чемъ судья при каждомъ ударѣ восклицаетъ: «скажи», т. е. «признавайся». Бьютъ еще сихъ несчастныхъ нѣкими плетеными изъ гибкаго дерева жгутами, называемыми батогами (ими наказываютъ иногда и за незначительные проступки), по способу несомнѣнно заимствованному отъ евреевъ. Растянувъ преступника на землѣ и раздѣвъ его до рубашки, два заплечныхъ мастера садятся, одинъ въ головахъ, а другой на ноги, и поперемѣнно колотятъ его по спинѣ своими палками,—мало того, нѣкоторыхъ за болѣе тяжкія преступленія, они бьютъ этими же дубинками по животу, пока они не испустятъ духа. Это наказаніе, вызывая подкожное нагноеніе, несравненно болѣе жестоко, нежели кто-либо думаетъ. За симъ они подвергаютъ другихъ смертоносному кончанію, т. е. жгутъ ихъ на медленномъ огнѣ, другимъ, крайне мучительно, проводятъ по тѣлу, что крайне больно на ощущеніе, раскаленнымъ до бѣла желѣзомъ, иныхъ, наконецъ, посредствомъ ледяной воды, падающей каплями на бритое темя, приводятъ въ такое изступленіе, что они не вынеся невообразимой боли, лишаются жизни и разсудка, отрекаясь иногда даже отъ Бога. Примѣняютъ они различнаго рода наказанія и казни во многихъ случаяхъ также совершенно иначе, чѣмъ у насъ. Кнуть и дубины, о которыхъ я выше упомянулъ, общеупотребительны и знакомы даже боярамъ. У нихъ именно существуетъ торжественный обычай называть наказаніе, какъ-бы жестоко оно ни было, царской милостью, и, отбывъ его, они благодарятъ за него царя, судью и господина, кланяясь до земли. (Рейтенфельсъ, 117, 118 стр.

По русскимъ законамъ, каждый, кто найдетъ утерянную кѣмъ-либо вещь, долженъ принести ее въ приказъ, гдѣ записывается эта вещь и день, когда и кѣмъ она принесена. При этомъ вещи сберегаются въ приказѣ, а животныя отводятся въ царскія конюшни. Такимъ образомъ, кто потеряетъ вещь, тотъ обращается съ розысками о ней въ приказъ, въ случаѣ же пропажи животнаго, отправляется искать его въ царскую конюшню; доказавъ же права свои на отысканный предметъ, владѣлецъ за легкую и необременительную плату, можетъ его выручить. (Корбъ, 103, 104 стр.).

8) Царскіе доходы.

Доходы Великаго Князя Московскаго, не только, какъ и всѣхъ прочихъ государей въ мірѣ, состоятъ въ особенныхъ государственныхъ помѣстьяхъ и земляхъ, въ десятинахъ съ пахатныхъ полей, въ оброкахъ съ крестьянъ, въ пошлинахъ и торговыхъ сборахъ, также въ податяхъ съ соли и желѣзныхъ рудниковъ, въ налогахъ и подушныхъ, но даже и съ винныхъ погребовъ, въ которыхъ, по выдумкѣ Царя Годунова, выставляется на продажу, посредствомъ его служителей, пиво, медъ и водка, для общественнаго употребленія, подъ строжайшимъ запретомъ, чтобы никто другой не смѣлъ продавать эти напитки. Всѣ эти погреба, ведя широко распространенную торговлю по всѣмъ городамъ его Россіи, каждогодно приносятъ ему одному огромную прибыль отъ различныхъ напитковъ. Не мало также онъ получаетъ съ торговли, которую ведетъ покупкой и продажей товаровъ, черезъ своихъ повѣренныхъ и приказчиковъ по стародавнему обычаю Великихъ Князей. Въ казнѣ его выставлены открыто на продажу разные драгоцѣнные мѣха, которые ежегодно приносятъ ему сѣверныя области, да и почти всѣ другія, каждая въ положенномъ числѣ, подъ неопредѣленнымъ названіемъ дани. На народной площади мясники продаютъ говядину, бара-

нину и свинину, а торговки—яблоки, грецкіе орѣхи, и громко выкрикиваютъ, что этотъ явный торгъ ведутъ они для прибыли Великаго Князя, чтобы легче заманить такимъ припѣвомъ прохожихъ—купить Царскаго мяса, Царскихъ яблокъ, Царскаго полотна. А при продажѣ Великій князь пользуется гораздо высшею цѣной противъ дешевой цѣны другихъ продавцовъ, потому что всякій, привезшій въ Москву товары, обязанъ объявить о нихъ таможеннымъ Приставамъ для назначенія имъ цѣны, и никому не предлагать этихъ товаровъ на продажу, пока Царь не объявитъ о своемъ намѣреніи купить ихъ. А когда пожелаетъ купить что-нибудь, никто другой не допускается набивать цѣну. (Майербергъ, 173—174 стр.).

Источники доходовъ крайне разнообразны и почти безчисленны. Изъ наслѣдственныхъ дворцовыхъ помѣстьевъ, называемыхъ оброчными вотчинами, которыя занимаютъ около половины всего государства (другая половина распредѣлена между духовенствомъ и знатью), доставляется царю не только хлѣбъ, медъ, скотъ и многое другое въ этомъ же родѣ, но и громадное количество чеканной монеты. Изъ повинностей, которыя онъ единолично по желанію то увеличиваетъ, то уменьшаетъ, двѣ—въ особенности приносятъ царю доходъ—тягло, взимаемое по всему государству съ каждаго четверика муки, и подать, т. е. ежегодный взносъ, уплачиваемый всѣми подданными безъ исключенія, смотря по величинѣ состоянія, хотя въ столь обширномъ государствѣ гораздо болѣе денегъ собирается отъ пошлинъ торговыхъ и, такъ называемыхъ, конфискованныхъ товаровъ. Въ не малой степени замѣняютъ сокровища и дорогіе разнаго рода мѣха, которые, какъ бы по недостатку денегъ, одинаково служатъ вмѣсто денегъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней торговлѣ. Затѣмъ съ кабаковъ, т. е. питейныхъ домовъ, въ которыхъ по всему государству исключительно одинъ лишь царь продаетъ пиво медъ и водку, получается такой доходъ, что трудно даже сказать. Не меньшій ежедневный доходъ доставляютъ и общественныя бани, которыя также онъ одинъ повсюду содержитъ, такъ какъ частое купанье стало у москвовъ не только обычаемъ, но даже закономъ, такъ что каждый изъ нихъ посѣщаетъ баню, по крайней мѣрѣ, раза два-три въ недѣлю. Но еще болѣе барышей получается съ постояннаго преимущественнаго права торговать всякаго рода товаромъ и въ присущемъ царю правѣ первому покупать и продавать. То, что казна получаетъ, также и половину взысканій по уголовнымъ дѣламъ и десятую часть лошадей, изъ Татарій выведенныхъ, и, наконецъ, которымъ запрещается не ввозъ въ государство, а вывозъ изъ него денегъ—все это приноситъ громадный доходъ. Наконецъ, даже и имущество частныхъ лицъ царь, въ случаѣ крайней нужды, считаетъ себя болѣе, чѣмъ другіе властители, въ правѣ отдать на общественную пользу. (Рейтенфельсъ, 109, 110 стр.).

Въ каждомъ большомъ городѣ устроенъ кабакъ или питейный домъ, гдѣ продается водка (называемая здѣсь русскимъ виномъ), медъ, пиво и проч. Съ нихъ Царь получаетъ оброкъ, простирающійся на значительную сумму: одни, платятъ 800, другіе 900, третьи 1000, а нѣкоторые 2000 или 3000 рублей въ годъ. Тамъ, кромѣ низкихъ и безчестныхъ средствъ къ увеличенію казны, совершаются многія самыя низкія преступленія. Бѣдный работникъ и мастеровой часто проматываютъ все имущество жены и дѣтей своихъ. Нѣкоторые оставляютъ въ кабакѣ двадцать, тридцать, сорокъ рублей или болѣе, пьянствуя до тѣхъ поръ, пока всего не истратятъ. И это дѣлаютъ они (по словамъ ихъ) въ честь Господаря, или Царя. Вы нерѣдко увидите людей, которые пропили съ себя все и ходятъ голые (ихъ называютъ

нагими). Пока они сидятъ въ кабакѣ, никто и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣетъ вызвать ихъ оттуда, потому что этимъ можно помѣшать приращенію царскаго дохода. (Флетчеръ, 51—52 стр.).

Сумма, поступающая каждый годъ въ царскую казну одиѣми деньгами, такова:

1. Изъ Дворцоваго Приказа, за расходами для Дворца, 230000 руб.

2. Изъ четырехъ четвертей сошныхъ и подушныхъ денегъ 400000 рублей.

3. Изъ Приказа Большого Прихода пошлинъ и другихъ сборовъ на 800000 руб.

Итакъ, всего 1430000 рублей чистаго дохода, не включая сюда расходовъ на содержаніе дворца и постоянное жалованье войску, которые удовлетворяются другими способами.

Кромѣ дохода, вносимаго въ казну деньгами, Царь ежегодно получаетъ еще на значительную сумму изъ Сибири, Печоры, Перми и иныхъ мѣстъ мѣха и другія подати, которыя продаются или вымѣниваются для вывоза за границу, на разныя иноземныя произведенія купцамъ Турецкимъ, Персидскимъ, Армянскимъ, Грузинскимъ и Бухарскимъ, торгующимъ въ предѣлахъ этого государства, сверхъ купцовъ другихъ христіанскихъ державъ. Объ этомъ (хотя нельзя опредѣлить его въ точности по причинѣ зависимости его отъ случайныхъ обстоятельствъ, смотря по тому, какой получится барышъ) можно судить по прошлогоднему сбору царской подати въ Сибири, который заключался въ 466 сорокахъ соболей, пяти сорокахъ куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ, не считая другихъ произведеній.

Къ доходамъ можно присовокупить также конфискаціи имуществъ тѣхъ, которые подвергаются опалѣ, простирающіяся на большую сумму, кромѣ другихъ чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ съ должностныхъ лицъ, монастырей и проч., не для какой-нибудь видимой надобности, или потребности Царя и государства, но по одному произволу и обычаю, впрочемъ, подъ нѣкоторымъ предлогомъ скиѳской, т. е. грубой и варварской, политики, какъ показываютъ немногіе софизмы, или ложныя политическія мѣры, употребляемыя Русскими Царями съ цѣлью грабить свой народъ и обогащать свою казну. По этому случаю покойный Царь Иванъ Васильевичъ, обыкновенно, говаривалъ, что народъ сходенъ съ его бородою: чѣмъ чаще стричь ее, тѣмъ гуще она будетъ расти, или съ овцами, которыхъ необходимо стричь, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, чтобы не дать имъ совершенно обрости шерстью. (Флетчеръ, 47—48 стр.).

9) Монета.

Московія весьма богата монетою (добываемою болѣе черезъ попэчительность Государей, нежели черезъ посредство рудниковъ, въ которыхъ впрочемъ нѣтъ недостатка), ибо ежедневно привозится туда изъ всѣхъ концовъ Европы множество денегъ за товары, не имѣющіе для Московитянъ почти никакой цѣнности, но стоящіе весьма дорого въ нашихъ краяхъ. Къ тому же вывозъ золота и серебра за предѣлы Государства строжайше запрещенъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда самъ Великій Князь посылаетъ оныя на продовольствіе войска. (Кампензе, 32 стр.).

Въ этомъ краѣ нѣтъ ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни свинца, ни олова; но лѣтъ тому двѣнадцать, какъ Англичане, открывъ плаваніе позади Норвегіи, навезли Московитянамъ множество вещей, которыхъ имъ не

доставало и весьма для нихъ полезныхъ. Слышалъ я, однакожъ, стороною, будто бы этотъ Государь имѣетъ право чеканить или участвовать въ чеканеніи золотой монеты. Почему все золото, какое туда привозится купцами, поступаетъ тотчасъ къ нему, затѣмъ, что онъ у всякаго это скупаетъ и платитъ хорошо; потомъ кладетъ его въ сундукъ, и уже никто больше того не видитъ. Серебряной монеты у него довольно, а потому, что изъ Австріи и Польши когда нѣтъ войны, привозится чрезвычайное множество талеровъ монетою, для покупки у нихъ товаровъ, состоящихъ изъ всякаго рода мѣховъ, воску, льну, пеньки, сала, кожъ и кожаныхъ издѣлій и другихъ тамошнихъ произведеній. Эти же талеры, тотчасъ потомъ, чтобъ уже никогда не могли быть оттуда вывезены обратно за-границу, расплавливаются и перечеканиваются на ихъ монету, которыхъ идетъ больше пятидесяти штукъ на одинъ скудій; а походитъ она на турецкія астры и называется: деньга. Чеканятъ ее только на двухъ площадяхъ, а не въ другомъ гдѣ-нибудь мѣстѣ, именно же: въ Москвѣ, гдѣ изображается на этой монетѣ всадникъ, на конѣ съ мечемъ въ рукѣ; да въ Новгородѣ съ изображеніемъ на ней Святаго Георгія. Ходитъ же эта монета, какъ испанскіе реалы. Такимъ образомъ, все золото и серебро, которое чуть только завезено въ этотъ край, никогда уже болѣе не только не выходитъ оттуда, но, такъ сказать, все почти остается въ рукахъ самого Государя и никуда не расходится, развѣ обстоятельства принудятъ его къ тому, какъ, напримѣръ: безпрерывное веденіе большихъ войнъ, которыя, разумѣется, не могутъ обходиться безъ значительныхъ издержекъ. (Барберини, 34—35 стр.).

Царь имѣетъ собственныя свои деньги, которыя онъ приказываетъ чеканить изъ чистаго серебра, иногда изъ золота въ 4-хъ разныхъ городахъ: Москвѣ, Новгородѣ, Твери и Псковѣ; всѣ эти деньги небольшія, такія же маленькія, какъ датскія зекслинги, и поменьше нѣмецкихъ пфенинговъ, частью круглыя, частью же продолговатыя. На одной сторонѣ этихъ денегъ обыкновенно изображается всадникъ, поражающій копьемъ дракона,—гербъ принадлежавшій прежде одному только Новгороду; на другой сторонѣ русскими буквами означены имя Великаго Князя и того города, въ которомъ деньги вычеканены. Этотъ родъ денегъ называется деньгами и копѣйками, каждая равняется стоимости голландскому стюферу, почти въ половину мишпенскаго гроша или въ голштинскій шиллингъ, такъ что 50 такихъ монетъ составляютъ одинъ рейхсталеръ. У русскихъ есть еще болѣе мелкій родъ денегъ, половина и $^1/_4$ копѣйки, которыя они называютъ полушками и московками. Всѣ эти мелкія деньги, по своей мелкотѣ, весьма неудобны при обращеніи во время торга, и такъ какъ они легко падаютъ изъ рукъ сквозь пальцы, то русскіе, для отвращенія этого, сдѣлали привычку, осматривая или показывая товаръ и отмѣривая его, брать деньги въ ротъ, копѣекъ по 50 разомъ, при чемъ они продолжаютъ разговаривать и торговаться такъ, что и не замѣтишь, что они изо рта подѣлали, такъ сказать, карманы себѣ. Они ведутъ счетъ на алтыны, гривны и рубли, хотя подобнаго рода денегъ въ цѣлыхъ монетахъ не имѣютъ, а считаютъ ихъ извѣстнымъ числомъ копѣекъ; такъ, алтынъ заключаетъ въ себѣ 3 копѣйки, гривна 10 и рубль 100 копѣекъ. Наши рейхсталеры также въ ходу у русскихъ; они называютъ ихъ ефимками, охотно даютъ по 50 коп. за рейхсталеръ и тотчасъ же идутъ съ нимъ на монетный дворъ и обмѣниваютъ его тамъ съ выгодой для себя; ибо одинъ рубль или 100 коп. вѣсятъ на полъ лота меньше двухъ рейхсталеровъ. Золотыхъ монетъ встрѣчается тамъ немного: Великій Князь приказываетъ чеканить ихъ только по слу-

чаю какой-нибудь побѣды надъ врагомъ, чтобы награждать ими воиновъ или если иного, кого захочетъ онъ почтить этою своею милостью. (Олеарій, 222—223 стр.).

10) Войско.

Главнѣйшіе изъ дворянъ обязаны являться на службу въ кольчугѣ, шишакѣ, съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами, и приводить служителей хорошо вооруженныхъ; другіе могутъ имѣть только добрыхъ коней, лукъ, стрѣлы и саблю. Такимъ образомъ, царь собираетъ многочисленное войско изъ ратниковъ, худо вооруженныхъ, незнакомыхъ ни съ порядкомъ, ни съ искусствомъ, частью болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ во время войны. Къ нимъ присоединяются до 20,000 всадниковъ Казанскихъ и Черемисскихъ; до 7,000 или 8,000 наѣздниковъ Мордовскихъ и Татарскихъ, подвластныхъ Россіи, коимъ опредѣлено жалованья отъ 8 до 30 рублей; около 4,000 черкасовъ, до 2,500 Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (нѣкоторые капитаны ихъ получаютъ до 120 рублей, кромѣ земли отъ 600 до 1,000 четвертей). Наконецъ, патріархъ, епископы, игумны и другіе духовные владѣльцы помѣстьевъ высылаютъ людей даточныхъ, а именно: со 100 четвертей одного всадника и одного пѣхотинца; въ случаѣ надобности святители даютъ, вмѣсто ратниковъ, военные снаряды и множество лошадей для артиллеріи, стрѣльцовъ и разныхъ сановниковъ. Такова Русская кавалерія. (Маржеретъ, 281—282 стр.).

Лучшая пѣхота состоитъ изъ стрѣльцовъ и казаковъ. Первыхъ въ Москвѣ 10,000. Сверхъ того, въ каждомъ городѣ, отстоящемъ на 100 верстъ отъ предѣловъ Татаріи, смотря по величинѣ крѣпостей, находятся гарнизоны изъ 60, 80 и 150 стрѣльцовъ; въ городахъ же пограничныхъ содержится ихъ гораздо болѣе. Казаки бываютъ разные: одни оберегаютъ зимою города заокскіе, не имѣя постоянныхъ жилищъ и получая отъ казны стрѣлецкое жалованье, хлѣбъ, порохъ и свинецъ; другіе владѣютъ помѣстьями и стоятъ въ извѣстныхъ городахъ на стражѣ безсмѣнно; изъ нихъ не болѣе 5,000 или 6,000 употребляютъ оружіе. Настоящіе казаки обитаютъ въ степяхъ Татарскихъ, по берегамъ Волги, Дона и Днѣпра; часто они вредятъ Татарамъ болѣе нежели вся русская армія. Государь даетъ имъ небольшое содержаніе; за то они имѣютъ право своевольничать, какъ хотятъ; временемъ, могутъ приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи. Царь, намѣреваясь воспользоваться ихъ оружіемъ, посылаетъ имъ порохъ, свинецъ и отъ 7,000 до 10.000 рублей. Они всегда первые приводятъ Татарскихъ плѣнниковъ, отъ коихъ Русскій дворъ узнаетъ замыслы непріятеля. Тому, кто возьметъ и представитъ плѣнника, даютъ изъ казны обыкновенно конецъ хорошаго сукна и камки на два платья. (Маржеретъ, 283—284 стр.).

Этотъ князь—повелитель и Царь надъ многими странами, и его могущество изумительно велико. Онъ можетъ вывести въ поле 200 и 300 тысячъ людей; самъ онъ никогда не выступаетъ въ поле менѣе, чѣмъ съ 200,000 людей, и когда онъ выступаетъ въ походъ—еще оставляетъ на границахъ войска, численность которыхъ не мала. На Лифляндской границѣ онъ держитъ до 40 т. человѣкъ, на Литовской—до 60 т., противъ Ногайскихъ Татаръ—тоже 60 тыс. людей—просто удивительно слышать, къ тому же онъ не беретъ на войны ни крестьянъ, ни торговцевъ. Всѣ его военные—всадники, пѣхоты онъ не употребляетъ, за исключеніемъ служащихъ при артил-

леріи и прислужниковъ, которыхъ будетъ тысячъ 30. Всадники—стрѣлки, имѣютъ такіе же луки и ѣздятъ верхомъ, такъ же, какъ и Турки. Доспѣхи ихъ состоятъ изъ кольчуги и щита на головѣ. Нѣкоторые покрываютъ свои кольчуги бархатомъ или золотой или серебряной парчей; это ихъ страсть одѣваться роскошно въ походѣ, особенно между знатными и дворянами. Какъ я слышалъ—украшенія ихъ кольчуги очень дороги, отчасти это я и самъ видѣлъ, иначе едва ли бы повѣрилъ. Самъ князь одѣвается богато выше всякой мѣры. (Ченслеръ, 5 стр.).

Русское воинство раздѣляется на пять частей: авангардъ, который стоитъ подлѣ какого-нибудь города на границахъ Татарскихъ; правое крыло близъ другого города; лѣвое крыло, главное войско и аррьергардъ; всѣ эти отряды находятся въ разныхъ мѣстахъ; но воеводы по первому приказанію, должны соединиться съ главною арміею. Кромѣ воеводъ, другихъ чиновъ военныхъ не бываетъ; впрочемъ, и конница и пѣхота состоитъ подъ начальствомъ капитановъ; но при нихъ нѣтъ ни лейтенантовъ, ни прапорщиковъ, ни трубъ, ни барабановъ; только воеводы имѣютъ свое особенное знамя, съ ликомъ святого, освященное патріархомъ; держатъ его два или три человѣка; сверхъ того, за ними возятъ на лошадяхъ около 10 и 12 набатовъ, или мѣдныхъ барабановъ, столь же трубъ и нѣсколько гобоевъ. Бьютъ въ набаты только тогда, когда готовятся къ сраженію, или во время небольшой стычки; а одинъ употребляютъ ежедневно: имъ даютъ знакъ слѣзать съ коней или садиться на нихъ. (Маржеретъ, 278 стр.).

По Московскому обычаю, между военными начальниками принимаются въ уваженіе родъ, а не опытность, и хотя бы храбрость и благоразуміе провели кого-нибудь по всѣмъ степенямъ долговременной военной службы до самой высшей, хотя бы онъ прославился тысячью побѣдъ надъ непріятелями, все же долженъ уступить какому-нибудь навернувшемуся лѣнтяю и трусу, которому достались поименитѣе предки, и этотъ, чуть мерцающій собственнымъ свѣтомъ, затмеваетъ его славное имя, какъ ни сіяй оно ярко. (Майербергъ, 44 стр.).

Въ 1662 г. кромѣ двухъ полныхъ генераловъ и двухъ генералъ-майоровъ, я могъ бы прочитать записанныя въ моей памятной книжкѣ имена болѣе ста иностранныхъ полковниковъ, многихъ подполковниковъ и маіоровъ, и назвалъ бы почти безчисленное множество капитановъ и прапорщиковъ. Всѣмъ имъ Алексѣй не тяготился платить жалованіе даже и задаромъ, въ мирное время, чтобы имѣть ихъ всегда на лицо при неожиданно наставшей войнѣ. Впрочемъ, я зналъ между ними очень много такихъ, которые раскаиваются въ томъ, что забрались въ этотъ лабиринтъ, въ надеждѣ выгодъ, покинувъ отеческихъ боговъ и не подороживъ свободной службой среди своего народа. Потому что Царь жестоко издѣвается надъ условіями, которыми они обезпечили себѣ увольненіе на родину послѣ опредѣленнаго срока службы, положившись на нихъ, точно на Аріаднину нить: одного онъ останавливаетъ щедростью, другого просьбами, третьяго повышеніемъ, даже, если ему угодно, ссылкою въ излучистые закоулки безвыходныхъ трущобъ; проповѣдуетъ всѣмъ о неприличіи увольненія отъ службы для военныхъ людей въ такое время, когда война въ самомъ разгарѣ, или когда ея опасаются. Бѣдняки никогда и не отпускаются изъ-за этого опасенія, отъ котораго Алексѣй ни на минуту не можетъ освободиться, такъ какъ обширное Московское Государство почти отовсюду опоясано воинственными народами, не терпящими покоя, и окружено ихъ завистью и ненавистью. (Майербергъ, 177—178 стр.).

Въ старину Великіе Московскіе Князья обыкновенно вооружали на непріятеля одну только конницу, а нынѣ Алексѣй пользуется совсѣмъ другимъ способомъ: узнавши по опыту, что въ пѣхотѣ больше силы, вводитъ въ сраженіе великое число пѣшихъ солдатъ изъ стрѣльцовъ и набранныхъ вольноопредѣляющихся, вооруженныхъ ружьями, мечами или шпагами и серпообразными сѣкирами. Къ нимъ прибавляется гораздо меньшее число конницы, набранной изъ дворянъ, обязанныхъ служить за свои помѣстья, и немногихъ татаръ изъ Казанскаго и Астрахапскаго Царствъ, вооруженныхъ самопалами, пистолетами и кривыми саблями, а иныя изъ нихъ имѣютъ брони и шлемы. Въ этомъ войскѣ не бываетъ также недостатка и во множествѣ спѣшившихся конниковъ, подобныхъ «димихамъ» Александра Македонскаго, въ родѣ амфибій, называемыхъ у насъ обыкновенно драгунами; почти всѣ они состоятъ изъ самыхъ мелкихъ дворянъ, извѣстныхъ подъ именемъ дѣтей боярскихъ, также и въ большомъ нарядѣ военныхъ пушекъ, но употребленіе ихъ по неопытности Москвитянъ, воображающихъ себя артиллеристами, обыкновенно не много причиняетъ вреда непріятелю. Надъ войскомъ, хотя бы и большимъ, назначается вождь; но ему не придается никакихъ намѣстниковъ, а при немъ находится лишь нѣсколько лицъ для совѣщанія, а не для дѣйствованія. При самомъ началѣ похода онъ назначаетъ, какимъ полкамъ быть на правомъ крылѣ, какимъ на лѣвомъ, какимъ въ переднемъ и сторожевомъ; такъ и дѣлаетъ походъ, никогда не измѣняя этого порядка.

Пѣхотинцы, подъ начальствомъ храбраго вождя, дерутся превосходно, перестрѣливаясь на мѣстѣ, пока находятся за укрѣпленіемъ или плотно огорожены переноснымъ заборомъ изъ поперечныхъ брусьевъ, изъ котораго со всѣхъ сторонъ выставлены впередъ заостренныя бревна и пики, такъ что могутъ принять нападающаго непріятеля съ увѣренностью въ самихъ себѣ. Но если не видятъ безопаснаго убѣжища, въ испугѣ они трусливо бѣгутъ. А конники никогда не показываютъ опытовъ такой же военной храбрости, потому что дворянъ, не достойныхъ этого названія, никогда нельзя заставить, чтобы отважились напасть на непріятельскій строй, выстрѣливъ въ него разъ; когда же и выѣдутъ нѣкоторые изъ нихъ посмѣлѣе, подъ начальствомъ иностранца, то если непріятель тотчасъ же не обратится въ бѣгство, они сами бѣгутъ, безстыдно покидая пѣхоту на произволъ его и подвергая ее плѣну или смерти. (Майербергъ, 180—181 стр.).

11) Стратегія и тактика.

Въ сраженіяхъ они никогда не употребляли ни пѣхоты, ни пушекъ. Ибо все, что они ни дѣлаютъ, нападаютъ ли на врага, или преслѣдуютъ его, или бѣгутъ отъ него, они совершаютъ внезапно и быстро, и такимъ образомъ, ни пѣхота, ни пушки не могутъ слѣдовать за ними. При первомъ столкновеніи они нападаютъ на врага весьма храбро, но долго не выдерживаютъ, какъ будто желая намекнуть: «Бѣгите, или побѣжимъ мы». Теперь Государь имѣетъ пушечныхъ литейщиковъ нѣмцевъ и итальянцевъ, которые, кромѣ пищалей и воинскихъ орудій, льютъ также желѣзныя ядра, какими пользуются и наши Государи, но московиты не умѣютъ и не могутъ пользоваться этими ядрами въ сраженіи, такъ какъ у нихъ все основано на быстротѣ. Готовясь вступить въ сраженіе, они возлагаютъ болѣе надежды на численность и на то, со сколь великими полчищами нападутъ они на врага, а не на силу воиновъ и на возможно лучшее построеніе бой-

ска; они счастливѣе сражаются издали, чѣмъ вблизи, и потому особенно стараются обойти врага и напасть на него съ тылу.

Города они рѣдко завоевываютъ силою или болѣе жестокимъ нападеніемъ, но скорѣе у нихъ въ обычаѣ принуждать людей къ сдачѣ продолжительной осадой, голодомъ или измѣною. (Герберштейнъ, 75, 76, 77, 78, 79 стр.).

Хотя они, въ случаѣ нападенія, дѣйствуютъ горячо, какъ большинство народовъ скиѳскаго происхожденія, однако, не могутъ долго устоять въ сраженіи, и если бѣгство гдѣ-либо началось, то ихъ нельзя удержать никакою высшею властью. Поэтому они, скрывая свои намѣренія, охотно прибѣгаютъ къ сраженіямъ на разстояніи, притворнымъ отступленіямъ, раздѣленіямъ, разстройствамъ рядовъ, засадамъ, хитростямъ и обманамъ. Значки или военныя знамена они употребляютъ съ разными на нихъ изображеніями—орловъ, драконовъ, всадниковъ и креста. На томъ изъ нихъ, которое есть собственно царское знамя, находится изображеніе Іисуса Навина, останавливающаго своими молитвами бѣгъ солнца, какъ бы наложивъ на него руки. Главные начальники войскъ, въ знакъ своей власти, привѣшиваютъ конскіе хвосты и гривы, окрашенные въ красный цвѣтъ, къ копьямъ. Изъ средствъ, возбуждающихъ къ бою, главнымъ образомъ, употребляются многочисленные трубачи, которые, дуя по-азіатски въ роги и трубы, похожія на пастушескія, издаютъ для изнѣженнаго европейскаго слуха крайне нестройные звуки, преимущественно въ то время, когда солдаты съ дикими криками бросаются на непріятеля, дабы устрашить его. Употребляютъ они также и бубны, деревянные и металлическіе, обтянутые кожей, очень небольшого размѣра. Нѣкоторыя всадники возятъ ихъ за собой привязанные къ сѣдлу, какъ это дѣлаютъ татары. Разсѣявшись по лѣсу, они бьютъ по деревьямъ стрѣлами и тѣмъ подаютъ другъ другу вѣсть о себѣ. Съ собою они не берутъ никакой тяжелой поклажи и носятъ за плечами только на одинъ день разсчитанное пропитаніе—сухари, сушеную рыбу и толокно, т. е. овсяную муку, которую они смѣшиваютъ съ молокомъ или сырою водою въ густую кашу. Благодаря, однако, слишкомъ длинной и неудобной для ходьбы одеждѣ, они подвигаются впередъ только шагомъ. Отличившихся Царь, по большей части, награждаетъ золотой медалью съ своимъ изображеніемъ и какимъ-либо нарядnымъ платьемъ. (Рейтенфельсъ, 126, 127 стр.).

Въ сраженіи они безъ всякаго порядка бѣгаютъ поспѣшно кучами; почему они непріятелямъ не даютъ битвъ, большею частью, а если и даютъ, то украдкой, исподтишка. Я думаю, что подъ солнцемъ нѣтъ людей, способныхъ къ такой суровой жизни, какую ведутъ русскіе. Хотя они проводятъ въ полѣ 2 мѣсяца, когда промораживаетъ землю уже аршина на 2 вглубь, но простой солдатъ не имѣетъ ни палатки, ни чего-либо иного надъ своей головой; обычная ихъ защита противъ непогоды—войлокъ, выставленный противъ вѣтра и непогоды, когда навалитъ снѣгу, солдатъ сгребаетъ его, разведетъ себѣ огонь, около котораго и ложится спать. Такъ поступаетъ большая часть изъ нихъ, исключая дворянъ, доставляющихъ себѣ, на собственный счетъ, другіе припасы. Но и такая жизнь въ полѣ не такъ удивительна, какъ ихъ крѣпость: каждый долженъ добыть и привезти провизію для себя и своей лошади на мѣсяцъ или на два; самъ онъ питается водой и овсяной мукой, смѣшанными вмѣстѣ; лошадь его ѣстъ зелень и вѣтки и т. п. Несмотря на все это русскій работаетъ и служитъ очень хорошо. Не знаю ни одной страны около насъ, которая бы славилась такими

людьми и животными. Теперь, что могло бы быть совершено этими людьми, если бы они были выучены порядкамъ и познаніямъ цивилизованныхъ войскъ. Если бы этотъ князь имѣлъ въ своей странѣ людей, которые могли бы выучили ихъ вышесказаннымъ вещамъ, то я думаю, что два лучшихъ и сильнѣйшихъ христіанскихъ государя не могли бы соперничать съ ними, вслѣдствіе его могущества, суровости и выносливости его народа и лошадей и тѣхъ незначительныхъ издержекъ, которыхъ стоятъ ему войны. Исключая иностранцевъ, князь не платитъ никому жалованья; (иностранцы получаютъ ежегодное жалованье, но небольшое); воины изъ его областей служатъ на собственный счетъ, исключая, что стрѣльцамъ онъ даетъ жалованье на порохъ и пули, т. е. въ его земляхъ никто не получаетъ ни гроша жалованья. Если же кто-нибудь заслужитъ передъ нимъ, то князь жалуетъ ему помѣстье или кусокъ земли, за что получившій обязанъ быть всегда наготовѣ, явиться съ такимъ числомъ людей, какое укажетъ князь. (Ченслеръ, 6 стр.).

Въ войнѣ оборонительной, или въ случаѣ сильнаго нападенія Татаръ на Русскую границу, войско пускаютъ въ походную или подвижную крѣпость (называемую Вежа или Гуляй-городъ), которая возится при немъ подъ начальствомъ Воеводы Гулевого (или разъѣзднаго генерала). Эта походная или подвижная крѣпость такъ устроена, что (смотря по надобности) можетъ быть растянута въ длину на одну, двѣ, три, четыре, пять, шесть или семь миль, именно на сколько ея станетъ. Она заключается въ двойной деревянной стѣнѣ, защищающей солдатъ съ обѣихъ сторонъ, какъ съ тылу, такъ и спереди, съ пространствомъ около трехъ ярдовъ между той и другой стѣной, гдѣ они могутъ не только помѣщаться, но также имѣютъ довольно мѣста, чтобъ заряжать свои огнестрѣльныя орудія и производить изъ нихъ пальбу, равно какъ и дѣйствовать всякимъ другимъ оружіемъ. Стѣны крѣпости смыкаются на обоихъ концахъ и снабжены съ каждой стороны отверстіями, въ которыя выставляется дуло ружья, или какое-либо другое оружіе. Ее возятъ вслѣдъ за войскомъ, куда бы оно ни отправлялось, разобравъ на составныя части и разложивъ ихъ на телѣги, привязанныя одна къ другой и запряженныя лошадьми, коихъ, однако, не видно, потому что онѣ закрыты поклажей, какъ-бы навѣсомъ. Когда привезутъ ее на мѣсто, гдѣ она должна быть поставлена (которое заранѣе избираетъ и назначаетъ Гулевой Воевода), то раскидываетъ, по мѣрѣ надобности, иногда на одну, иногда на двѣ, а иногда и на три мили или болѣе. Ставятъ ее очень скоро, не нуждаясь притомъ ни въ плотникѣ, ни въ какомъ-либо инструментѣ, ибо отдѣльныя доски такъ сдѣланы, чтобы прилаживать ихъ одну къ другой, что не трудно понять тѣмъ, коимъ извѣстно, какимъ образомъ производятся всѣ постройки у Русскихъ. (Флетчеръ, 69—70 стр.).

Для разбитія стана они выбираютъ весьма обширное мѣсто, гдѣ болѣе знатные разбиваютъ палатки, а другіе втыкаютъ въ землю нѣчто въ родѣ дуги изъ прутьевъ и покрываютъ ее епанчами, чтобы прятать туда сѣдла, луки и другое въ этомъ родѣ и чтобы защититься отъ дождя. Лошадей они выгоняютъ на пастбища, ради чего ихъ палатки разставлены одна отъ другой очень широко; они не укрѣпляютъ ихъ повозками, ни рвомъ, ни другой какой преградой, если только это мѣсто не укрѣплено случайно отъ природы или лѣсомъ или рѣками или болотами. Тотъ, у кого есть шесть лошадей, а иногда больше, пользуется только одной изъ нихъ въ качествѣ подъемной или вьючной, на которой всзутъ необходимое для жизни. Прежде всего такой человѣкъ имѣетъ въ мѣшкѣ, длиною въ двѣ

или три пяди, толченое просо, потомъ восемь или десять фунтовъ солсной свинины; есть у него въ мѣшкѣ и соль и притомъ, если онъ богатъ, смѣшанная съ перцемъ. Кромѣ того, каждый носитъ съ собою топоръ, огниво, котлы или мѣдный горшокъ, чтобы, если онъ случайно попадетъ туда, гдѣ не найдетъ ни плодовъ, ни чесноку, ни луку или дичи, имѣть возможность развести тамъ огонь, наполнить горшокъ водою, бросить въ него полную ложку проса, прибавить соли и варить: довольствуясь такоїї пищей, живутъ и господинъ и рабы. Затѣмъ, если господинъ будетъ черезчуръ голоденъ, то онъ истребляетъ всѐ это, и, такимъ образомъ, рабы имѣютъ иногда отличный случай поститься цѣлыхъ два или три дня. Если же господинъ хочетъ пиршествовать, роскошнѣе, то онъ прибавляетъ маленькую частицу свинаго мяса. Я говорю это не о болѣе знатныхъ, а о людяхъ средняго достатка. Вожди войска и другіе военные начальники время отъ времени приглашаютъ къ себѣ другихъ побѣднѣе, и, получивъ хорошій обѣдъ, эти послѣдніе воздерживаются иногда потомъ отъ пищи два или три дня. Точно такъ же, если у москвита есть плоды — чеснокъ, или лукъ, то они легко могутъ обойтись безъ всего другого. (Герберштейнъ, 78,79 стр.).

12) Вооруженіе.

Лошади у нихъ маленькія холощеныя, не подкованы; узда самая легкая; затѣмъ сѣдла приспособлены у нихъ съ такимъ разсчетомъ, что всадники могутъ безо всякаго труда поворачиваться во всѣ стороны и натягивать лукъ. Ноги у сидящихъ на лошади до такой степени стянуты одна съ другой, что они вовсе не могутъ выдержать нѣсколько болѣе сильнаго удара копья или стрѣлы. Къ шпорамъ прибѣгаютъ весьма немногіе, а большинство пользуется плеткой, которая виситъ всегда на мизинцѣ правой руки, такъ что они могутъ всегда схватить ее, когда нужно, и пустить въ ходъ, а если опять дойдетъ до оружія, то они оставляютъ плетку и она виситъ попрежнему. Обыкновенное оружіе у нихъ составляютъ лукъ, стрѣлы, топоръ и палка на подобіе булавы, которая по-русски называется кистень, по польски—бассалыкъ. Саблю употребляютъ болѣе знатные и болѣе богатые. Продолговатые кинжалы, висящіе на подобіе ножей, спрятаны у нихъ въ ножнахъ до такой степени глубоко, что съ трудомъ можно коснуться до верхней части рукоятки или схватить ее въ случаѣ надобности. Равнымъ образомъ и поводъ отъ узды у нихъ въ употребленіи длинный и на концѣ прорѣзанный; они привязываютъ его къ пальцу лѣвой руки, чтобы можно было схватить лукъ и, натянувъ его, пустить въ ходъ. Хотя они вмѣстѣ и одновременно держатъ въ рукахъ узду, саблю, лукъ, стрѣлу и плеть, однако, ловко и безъ всякаго затрудненія умѣютъ пользоваться ими. Нѣкоторые изъ болѣе знатныхъ носятъ латы кольчугу, сдѣланную искусно, какъ будто изъ чешуи и наручи; весьма немногіе имѣютъ шлемъ, заостренный кверху на подобіе пирамиды. Нѣкоторые носятъ платье, подбитое ватой, для защиты отъ всякихъ ударовъ. Употребляютъ они и конья. (Герберштейнъ, 75 стр.).

У нихъ много трубачей; если они, по отеческому обычаю, станутъ дуть въ свои трубы всѣ вмѣстѣ и загудятъ, то можно услышать тогда нѣкое удивительное и необычное созвучіе. Есть у нихъ и нѣкій другой родъ музыки, который на ихъ языкѣ называется зурною. Когда они прибѣгаютъ къ ней, то играютъ почти въ продолженіе часа, немного болѣе или немного менѣе, до извѣстной степени безъ всякой передышки или втягиванія воз-

духа. Они обыкновенно сперва наполняютъ воздухомъ щеки, а затѣмъ, какъ говорятъ, научившись одновременно втягивать воздухъ ноздрями, издаютъ трубою звукъ безъ перерыва. (Герберштейнъ, 79, 80 стр.).

Его Царское Величество обыкновенно, приказываетъ въ декабрѣ вывозить въ поле за предмѣстье всю артиллерію, которая находится въ Москвѣ; тамъ ее устанавливаютъ и направляютъ на 2 деревянныхъ дома, набитыхъ землёй; противъ домовъ ставятъ 2 бѣлыхъ значка, у которыхъ артиллерія стрѣляетъ; дѣлается это, чтобы Царь могъ видѣть, на что способны его пушкари. У Русскихъ прекрасная артиллерія изъ бронзы всѣхъ родовъ: маленькія пушки, двойныя, королевскія, фальконеты, василиски и пр.; у нихъ же есть шесть большихъ орудій, ядра которыхъ до аршина высотой, такъ и что, когда они летятъ, ихъ легко различаешь; у нихъ много мортиръ, изъ которыхъ они стрѣляютъ греческимъ огнемъ. (Неизвѣстный Англичанинъ, 16 стр.).

13) Борьба со степью и охрана границъ.

Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ Татарскихъ, Русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя царскою, крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того, изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другого на 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Всадники смѣняются черезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ второго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва поймѣтъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближайшей крѣпости и, наконецъ, самой Москвы, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля; а нерѣдко вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ, или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища, тогда, съ прибытіемъ вѣстника, войско беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ Русскіе полководцы узнаютъ иногда слѣдующимъ образомъ; недалеко отъ пути, которымъ идутъ Татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями. На степяхъ растетъ высокая трава, въ которой самыхъ лошадей бываетъ не видно: Русскіе зажигаютъ ее каждою весною, отчасти для того, чтобы Татары не могли найти корма для своихъ коней, отчасти и для того, чтобы самая трава росла выше. Но если враги идутъ по дорогамъ, вышеупомянутымъ, Русскіе столь же вѣрно узнаютъ число ихъ по глубинѣ слѣда, или по вихрямъ отдаленной пыли: вообще Татары избираютъ пути извѣстные и неохотно прокладываютъ новые, по степной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей. Когда сторожевые дозоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесутъ вѣсть о силахъ непріятель-

скихъ, Русскіе отступаютъ къ какой-нибудь рѣкѣ, или къ лѣсу, въ намѣреніи остановить врага. Но Татаринъ очень ловокъ и проворенъ: забавляя Русскихъ перестрѣлкою 20,000 или 30,000 всадниковъ, въ то же время посылаетъ нѣсколько отрядовъ другими дорогами, опустошать царскія владѣнія. Эти отряды столь быстро исполняютъ свое дѣло, что наносятъ ударъ прежде, нежели Русская армія узнаетъ о ихъ вторженіи. Впрочемъ Татары не обременяютъ себя другою добычею, кромѣ плѣнниковъ, и не имѣютъ никакой поклажи, хотя у каждаго есть одна или двѣ запасныя лошади, отлично выѣзженныя и послушныя. Эти наѣздники столь искусны, что на всемъ скаку прыгаютъ съ одной лошади на другую; кромѣ лука, стрѣлъ и сабли, другого оружія не знаютъ; стрѣляютъ крѣпче и вѣрнѣе на бѣгу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясомъ, высушеннымъ на солнцѣ и въ мелкіе кусочки изрѣзаннымъ; къ сѣдельному арчаку привязываютъ длинную веревку. Сотня Татаръ всегда разгонитъ двѣсти Русскихъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же Русскую пѣхоту, или стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу или въ засѣкѣ, Татары поспѣшно удаляются, хотя Русскіе, въ самомъ дѣлѣ, умѣютъ лучше пугать ихъ, нежели вредить имъ. Ежели отрядъ Русскихъ всадниковъ, тысячъ въ пятнадцать или двадцать, рѣшится преслѣдовать Татарскихъ наѣздниковъ, они разсыпаются во всѣ стороны, и подъ пушечнымъ выстрѣломъ остается изъ нихъ не болѣе 3 или 4 тысячъ человѣкъ; да и тѣ сходствуютъ болѣе съ привидѣніями на ослахъ, нежели съ воинственными всадниками. Посему Татары обыкновенно возвращаются восвояси безъ большого урона, если только Русскіе не успѣютъ пресѣчь имъ пути на переправахъ чрезъ рѣки, или не займутъ проходовъ въ лѣсу, гдѣ могутъ напасть на непріятеля. Но это рѣдко случается. (Маржеретъ, 278—279—280 стр.).

Теперешній царь въ свое царствованіе соорудилъ шестнадцать крѣпостей, назвавъ ихъ своимъ именемъ, кромѣ крѣпостей и фортовъ, которые онъ построилъ на берегу рва, выкопаннаго имъ между его страной и татарской. Говорятъ, что этотъ ровъ очень великъ и широкъ и имѣетъ въ длину пять тысячъ верстъ; именно (онъ тянется) отъ окрестностей Путивля почти до великой рѣки Волги. На краяхъ рва утверждены связанныя между собой бревна съ удивительными приспособленіями. Царь выстроилъ на немъ тридцать большихъ крѣпостей, а на разстояніи каждыхъ тридцати верстъ по укрѣпленію съ 500 стражей. Говорятъ, что эта стража составляетъ около шестидесяти тысячъ ратниковъ, другіе говорятъ, что не шестьдесятъ, а полтораста тысячъ. Они смѣняются чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Для нихъ устроены тамъ города и селенія и заведены посѣвы на тѣхъ земляхъ, которыя были пусты и заброшены. (Павелъ Алеппскій, 76 стр. вып. II.).

Крѣпость въ г. Кіевѣ только что выстроилъ богохранимый-царь Алексѣй. Она укрѣплена деревянными стѣнами, рвами и крѣпкими башнями. Москвитяне обладаютъ свѣтлымъ умомъ, подобно франкамъ, ибо они избрали такія приспособленія для укрѣпленія этой крѣпости, какихъ мы не видѣли въ ихъ странѣ. Они поставили кругомъ рва бревна въ родѣ длинной оси водяного колеса, очень большія и переплели ихъ жердями, заостренными на подобіе кинжаловъ и копій, торчащихъ съ четырехъ сторонъ оси въ видѣ креста, какъ вороты нашихъ колодцевъ. Бревна эти положены въ 2 яруса, будучи протянуты надъ землей на высотѣ около полутора роста. Если непріятель сдѣластъ нападеніе, то не находитъ пути, ни по землѣ, ни сверху, и если повиснетъ на верхнихъ бревнахъ, то отъ этого погибнетъ, потому

что упадетъ на заостренные нижніе колья, которые вонзятся въ его тѣло и члены, и могила станетъ его обиталищемъ. Мосты при воротахъ этого города и крѣпости поднимаются на цѣпяхъ. Вся земля вокругъ нихъ имѣетъ подземные ходы, наполненные большимъ количествомъ пороха. На каждыхъ воротахъ виситъ большой колоколъ: если что-нибудь случится, то въ него ударяютъ, чтобы дать знать всѣмъ находящимся въ крѣпости. То же во всѣхъ крѣпостяхъ московитовъ. Въ этой крѣпости много пушекъ, однѣ надъ другими, вверху и внизу. Въ ней двое воеводъ, уполномоченные отъ царя. У нихъ шестьдесятъ тысячъ войска, изъ коего одна часть стоитъ подъ ружьемъ днемъ, а другая ночью. (Павелъ Алеппскій, 74 стр. вып. II).

Иностранныя посольства.

1) Московская Русь и иноземныя государства.

Великій Князь почти ежегодно отправляетъ къ персидскому Шаху посланника или незначительнаго Посла по торговымъ дѣламъ, вообще водущимся у нихъ довольно плохо, хотя, кромѣ того, онъ посылаетъ туда особо и простыхъ купцовъ. Такъ какъ такіе посланники во все время своего пребыванія въ Персіи содержатся на счетъ Шаха, то поэтому они пріобрѣтаютъ тамъ еще большія выгоды отъ своихъ торговыхъ дѣлъ. Отправляя довольно часто посольства къ иностранымъ Государямъ, Царь, въ свою очередь, и принимаетъ также часто чужеземныя посольства, такъ что нерѣдко случается, что въ Москвѣ съѣзжаются въ одно время по два, по три и болѣе этихъ посольствъ, которыхъ пріемъ и отпускъ совершается обыкновенно въ довольно продолжительное время. Нѣкоторые иностранные Государи имѣютъ въ Москвѣ своихъ Легатовъ и постоянныхъ Консуловъ или Резидентовъ, которые и живутъ тамъ въ своихъ собственныхъ дворахъ. Въ Москвѣ повыстроены удобные дома и дворы, въ которыхъ помѣщаются пріѣзжающія посольства; только въ нихъ нѣтъ кроватей, и если кто не хочетъ спать на соломѣ, или на голой лавкѣ, тотъ долженъ привозить собственную постель. У воротъ посольскаго двора всегда приставляется сильная стража. (Олеарій, 224—225 стр.).

2) Встрѣча и въѣздъ посла.

Отравляющійся въ Московію посолъ, приближаясь къ ея границамъ, посылаетъ въ ближайшій городъ вѣстника сообщить начальнику этого города, что вотъ онъ, посолъ такого то владыки, собирается вступить въ предѣлы государя. Вслѣдъ затѣмъ начальникъ тщательно изслѣдуетъ не только то, какимъ государемъ отправленъ посолъ, но и какое у него самого положеніе и достоинство, и точно также, сколько лицъ его сопровождаетъ. Разузнавъ это, онъ посылаетъ для пріема и сопровожденія посла какого-нибудь лицо со свитою, причемъ сообразуется какъ съ достоинствомъ государя, отправившаго посла, такъ и съ положеніемъ самого посла. Между тѣмъ онъ тотчасъ даетъ также знать великому князю, откуда и отъ какого государя является посолъ. Отправленное лицо также посылаетъ съ пути впередъ кого-нибудь изъ своей свиты, чтобы дать знать послу, что приближается большой человѣкъ для пріема его въ опредѣленномъ мѣстѣ (обозначается мѣсто). Но при встрѣчѣ это посланное лицо не двигается съ мѣста, такъ что, напримѣръ, въ зимнее время велитъ даже размести или растоп-

тать снѣгъ тамъ, гдѣ онъ остановился, чтобы посолъ могъ проѣхать туда, а самъ межъ тѣмъ не двигается съ наѣзженной или большой дороги. Кромѣ того при встрѣчѣ у нихъ обычно соблюдается и слѣдующее: они отправляютъ вѣстника къ послу внушить ему, чтобы онъ слѣзъ съ лошади или съ повозки. Если же кто-нибудь станетъ отговариваться или усталостью или недомоганіемъ, то они отвѣчаютъ, что ни произносить ни слушать словъ государя нельзя иначе, какъ стоя. Мало того, посланное лицо тщательно остерегается, чтобы не слѣзть первому съ лошади или съ повозки, дабы не оказаться чрезъ это обстоятельство умаляющимъ достоинство своего государя. Поэтому, какъ скоро лицо это замѣтитъ, что посолъ слѣзаетъ съ лошади, то тогда только сходитъ и само. Засимъ, приближаясь съ открытою головою, онъ говоритъ: «Государя, царя и великаго князя всея Россіи и пр. (вычитывая главнѣйшія княжества) намѣстникъ и воевода такой-то области и пр. велѣлъ тебѣ указать. Узнавъ, что ты, посолъ такого-то государя ѣдешь къ великому государю нашему, онъ послалъ насъ тебѣ навстрѣчу, чтобы мы проводили тебя къ нему (повторяя титулъ государя и намѣстника) кромѣ того, намъ поручено спросить тебя, по здорову-ли ты ѣхалъ», (ибо таково ихъ обычное привѣтствіе: «по здорову-ли ты ѣхалъ ?!!) Затѣмъ посланный протягиваетъ послу правую руку и снова не оказываетъ первый почтенія, если видитъ, что посолъ не обнажаетъ головы. Послѣ этого, вѣроятно, движимый долгомъ учтивости онъ первымъ обращается къ послу лично отъ себя, спрашивая его, по здорову-ли тотъ ѣхалъ. Напослѣдокъ, онъ дастъ знакъ рукою, указуя, что, молъ, садись и поѣзжай. Когда они въ концѣ концовъ сядутъ на лошадей или на повозки, то онъ останавливается на мѣстѣ вмѣстѣ съ своими и не уступаетъ дороги послу, но слѣдуетъ издалска сзади за нимъ тщательно наблюдая, чтобы никто не отставалъ или не слишкомъ приближался. Во время дальнѣйшаго путешествія посла, онъ тотчасъ узнаетъ прежде всего имя посла и отдѣльныхъ служителей его, равно какъ имена ихъ родителей, изъ какой кто области родомъ, какой кто знаетъ языкъ и какое кто занимаетъ положеніе: служитъ ли онъ у какого-нибудь государя, не родственникъ ли онъ или свойственникъ посла и былъ-ли онъ прежде въ ихъ области. (Герберштейнъ, 192, 193 стр.).

Двѣ кухонныя повозки мы выслали впередъ и много еще парныхъ и троечныхъ подводъ поменьше, на коихъ везлась утварь пословъ и посольскихъ людей въ приготовленное намъ приставомъ помѣщеніе, гдѣ комнаты были убраны между тѣмъ красивыми коврами. Проѣхавъ 3 мили, въ 3-мъ часу пополудни прибыли и мы въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди въ нѣмецкомъ платьѣ съ золотой бахромой шли три трубача съ литаврщикомъ и попеременно играли; за ними съ своими начальниками драгуны ясновельможнаго воеводы полоцкаго, всѣ въ красной одеждѣ съ бахромой и прочими украшеніями. За ними, впереди турецкихъ коней сіятельнаго князя, покрытыхъ попонами турецкой работы, и ведомыхъ каждый отдѣльнымъ конюхомъ въ красной одеждѣ, шелъ панъ Радзиминъ, главный конюшій, позади—12 верховыхъ лошадей ясновельможнаго воеводы, тоже съ главнымъ его конюхомъ впереди, покрытыхъ краснымъ же сукномъ съ бѣлой оторочкой—каждую велъ подъ уздцы тоже конюхъ; за ними кучера, въ красномъ же одѣяніи, вели 8 благородныхъ фрисландскихъ коней, вороныхъ, крупной стати, предназначавшихся для въѣзда въ Москву подъ карету сіятельнаго князя; потомъ еще 7 гнѣдыхъ лошадей ясновельможнаго воеводы, всѣ, вздымаясь на дыбы, ведомые одѣтыми въ красное конюхами, сдѣлали

въѣздъ довольно парадным. За конями слѣдовала везомая 6 воронымн лошадьми карета пана секретаря посольства; за ней—дорожная карета сіятельнаго князя, везомая 6 рыжими лошадьми, въ коей ѣхали посольскій врачъ панъ Ферендаш, капелланъ князя Томасъ Иванъ,—ордена проповѣдниковъ, и два пріѣхавшихъ съ посломъ литовскимъ іезуита. Затѣмъ двигалась посольская шляхта, состоявшая изъ разныхъ сопутниковъ—добровольцевъ, коихъ вело благородное любопытство взглянуть на Москву, и изъ членовъ посольской свиты верхомъ на отборныхъ и разубранныхъ коняхъ; потомъ трубачи въ красивомъ польскомъ одѣяніи трубили попеременно передъ каретой пословъ. Карета была красива (хотя въ виду дурного состоянія дорогъ и выбрали худшую); ее горделиво везли 6 разномастныхъ фрисландскихъ лошадей, блистая богатствами серебряной и шелковой сбруи; кучера, по обычаю поляковъ, одѣты были въ красное; по бокамъ шли два гайдука, тоже въ красномъ, осыпанные, по ихъ обыкновенію, серебромъ. Карету занимали: сіятельный князь Чарторыйскій, воевода волынскій, посолъ польскій, и ясновельможный воевода полоцкій, посолъ великаго княжества литовскаго, панъ Комаръ, судья Оршинскій, посольскій секретарь, и панъ приставъ московскій, высланный намъ навстрѣчу. Со стороны князя ѣхало верхомъ 12 спальниковъ (по-польски называемыми pokoiovi), со стороны воеводы тоже 12, всѣ въ красной одеждѣ; за каретой вели поодиночкѣ 2 иноходцевъ того и другого посла подъ дорогими сѣдлами и въ великолѣпной сбруѣ; наконецъ, 150 человѣкъ посольской свиты и частныхъ лицъ, 600 княжескихъ драгунъ въ новой одеждѣ съ оружіемъ заключали шествіе. Еще слѣдовало 9 военныхъ повозокъ, кои поляки зовутъ karavan а нѣмцы—Rüstwagen; двѣ великолѣпныя кареты для въѣзда пословъ въ Москву и множество другихъ малыхъ подводъ. Далеко отъ г. Смоленска стояло для встрѣчи насъ 2 полка московской конницы съ трубами и литаврами. Они провели насъ не въ городъ и не подлѣ стѣнъ, а дѣлая большой кругъ, въ предмѣстье.

Въ предмѣстьѣ справа и слѣва были разставлены отряды московскихъ стрѣльцовъ съ сурнами и литаврами, кои вдвое больше нашихъ. Мы, несмотря на большое затрудненіе отъ грязи, живо двигались между ними и переѣхали мостъ черезъ рѣку, называемую у нихъ Днѣпромъ, а по-латыни Борисѳеномъ; черезъ него мы тутъ переѣзжали уже вторично. (Таннеръ, 30—31 стр.).

Когда мы находились въ разстояніи полмили отъ Москвы, къ намъ навстрѣчу выѣхалъ, спѣша и обливаясь потомъ, старый секретарь съ извѣщеніемъ, что его государь посылаетъ намъ навстрѣчу большихъ людей—при этомъ онъ назвалъ ихъ по имени,—дабы они ожидали и приняли насъ. Къ этому онъ прибавилъ, что при встрѣчѣ съ ними намъ подобаетъ слѣзть съ коней и, стоя, выслушать слова государя. Затѣмъ, подавъ другъ другу руки, мы стали разговаривать. Когда я между прочимъ спросилъ его о причинѣ столь обильнаго пота, онъ тотчасъ отвѣтилъ мнѣ громкимъ голосомъ: «Сигизмундъ, у нашего государя иной обычай службы, чѣмъ у твоего». Когда мы подвигались такимъ образомъ впередъ, то увидѣли лицъ, стоящихъ длиннымъ рядомъ, словно какое-нибудь войско. Тотчасъ при нашемъ приближеніи они слѣзли съ лошадей, что сдѣлали въ свою очередь и мы сами. При самой встрѣчѣ одинъ изъ нихъ повелъ рѣчь, начавъ ее такъ: «Великій государь Василій, Божіею милостью царь и государь всея Россіи и пр. (вычитывая весь титулъ), узналъ, что прибыли вы, послы брата его Карла, избраннаго Римск. имп. и наивысшаго короля и брата его

Фердинанда, послалъ насъ, совѣтниковъ своихъ, и препоручилъ намъ спросить у васъ, какъ здоровъ братъ его Карлъ, Римск. импер. и наивысшій король». Послѣ этого подобнымъ же образомъ спросилъ онъ о Фердинандѣ. Второй сказалъ графу: «Графъ Леонардъ, Великій государь (перечисляя весь титулъ) препоручилъ мнѣ выѣхать тебѣ навстрѣчу, проводить тебя до самой гостиницы и заботиться о всемъ для тебя необходимомъ». Третій сказалъ то же самое мнѣ. Когда это было сказано и выслушано съ той и съ другой стороны съ открытой головою, первый снова сказалъ: «Великій государь (вычитывая титулъ) повелѣлъ спросить у тебя, графъ Леонардъ, по здорову-ли ты ѣхалъ». То же самое было сказано и мнѣ. Согласно ихъ обычаю мы отвѣчали имъ: «Да пошлетъ Богъ здоровья великому государю. По благости же Божіей и милости великаго князя мы ѣхали по здорову». То же лицо снова сказало слѣдующее: «Великій князь и пр. (всякій разъ повторяя титулъ) послалъ тебѣ, Леонардъ, иноходца съ сѣдломъ, а также и другого коня изъ своей конюшни». Это же самое было сказано и мнѣ. Когда мы воздали за это благодарность, они подаютъ намъ руки и тотъ и другой спрашиваютъ, по порядку того и другого изъ насъ, по здорову-ли мы ѣхали. Наконецъ, они сказали, что намъ подобаетъ почтить ихъ государя и сѣсть на подаренныхъ коней, что мы и сдѣлали. Переправившись черезъ рѣку-Москву и отправивъ впередъ всѣхъ другихъ, мы слѣдуемъ за ними. На берегу находится монастырь; отсюда по равнинѣ и посреди кучъ народа, сбѣгавшихся со всѣхъ сторонъ, проводили насъ въ городъ и затѣмъ даже въ назначенныя намъ жилища, расположенныя напротивъ одно отъ другого. (Герберштейнъ, 197, 198 стр.).

Послы имѣли 2 дня для приготовленія къ въѣзду въ городъ—15 и 16 мая. Готовили экипажи, чистили всѣхъ лошадей, особенно фрисландскихъ, и водили ихъ по двору нашего подворья, для того, чтобы онѣ явились въ приличномъ видѣ и выступили мѣрнымъ шагомъ (при торжественномъ въѣздѣ на нихъ особенно расчитывали). Посольскіе чиновники и прочіе сопутники старались одѣться попышнѣе, сами послы готовились явиться во всемъ блескѣ. Когда все было готово для торжественнаго въѣзда, изъ числа московскихъ вельможъ пріѣхали 2 всадника съ многочисленной свитой и привезли посламъ, отъ великаго князя разрѣшеніе выѣхать въ городъ. Въѣздъ въ велпкую метрополію Московіи (называемую по ихнему «столицей») происходилъ 17 мая въ 10 часу утра, при множествѣ зрителей въ слѣдующемъ порядкѣ.

Сначала выслали впередъ (какъ дѣлалось это и въ другихъ городахъ) до 500 телѣгъ, забранныхъ подъ посольскую кладь въ Можайскѣ. Нагруженные ящиками и разнымъ скарбомъ, онѣ начинали посольское шествіе, не въ очень дальнемъ разстояніи отъ нихъ длиннымъ рядомъ слѣдовали пары, тройки, четверки и многочисленныя подводы шляхты, перечислить которыя было бы долго. Затѣмъ тихимъ шагомъ двигались 4 повозки съ кухоннымъ скарбомъ; ѣхали и другія повозки, [illegible] называлъ karawan — четыре сіятельнаго князя, крытыя желтымъ сукномъ, да пять ясновельможнаго воеводы Полоцкаго, крытыя краснымъ, съ коврами, гардеробомъ и комнатнымъ убранствомъ, въ 6 лошадей каждая; три трубача да литаврщикъ ясновельможнаго воеводы въ красномъ нѣмецкомъ одѣяніи съ золотой бахромой, сидя на благородныхъ коняхъ, здѣсь громко играли впереди отряда изъ 60 драгунъ, одѣтаго тоже въ красное и обращавшаго на себя общее вниманіе. Затѣмъ ѣхали 2 дорожныхъ экипажа пословъ въ 6 лошадей каждый; въ одномъ ѣхали посольскіе священ-

ники, въ другомъ—посольскій врачъ (онъ былъ одѣтъ по-нѣмецки; къ нему присоединился и я въ такой же одеждѣ, не найдя себѣ мѣста, между поляками); потомъ ѣхала карета ясновельможнаго воеводы, вся блиставшая золотомъ, везомая 6 крапчатыми лошадьми въ золотой сбруѣ, съ развѣвающимися красными шелковыми лентами на головахъ. За ними слѣдовали 18 нарочно взятыхъ для парадности коней подъ персидскими коврами, богато убранными сапфирами и дорогими камнями сѣдлами, рѣзвясь и играя; четыре послѣднихъ, хотя и спутанные веревкой по ногамъ и ведомые кромѣ того конюхами, обращали, однако, на себя особенное вниманіе зрителей благородной и величавой статью. За ними вереница сопутниковъ и посольскихъ чиновниковъ, человѣкъ навѣрное во 100, ѣхали на горделивыхъ коняхъ. Наконецъ, въ далекомъ отъ нихъ разстояніи три одѣтыхъ по-польски трубача, торжественными звуками возвѣщали о шествіи пословъ, идя далеко впереди посольской кареты. Въ ней ѣхали послы.

Карета нарочно для того была куплена во Вратиславлѣ, силезской столицѣ, на средства князя; внутри она была вся обита краснымъ атласомъ, а на крышѣ съ внутренней стороны было множество золотыхъ и серебряныхъ петелекъ—украшеніе невиданное московитянами; все желѣзо на ней было позолочено и придавало ей огромную цѣнность. Карету везли 6 фрисландскихъ лошадей въ золотой же сбруѣ, съ султанами изъ бѣлыхъ перьевъ на головѣ; онѣ выступали горделиво, придавая процессіи много торжественности, и испуская благородное ржаніе, казалось, точно рѣяли по воздуху. Со стороны князя шли 12 гайдуковъ въ одеждѣ ярко-краснаго цвѣта съ серебромъ; шестеро другихъ въ такого же цвѣта одеждѣ шли при ясновельможномъ воеводѣ съ сѣкирами на плечахъ, называемыми у поляковъ обухами; по сторонамъ пословъ ѣхало верхомъ еще 24 спальника, обращавшіе на себя вниманіе благородствомъ коней и ярко краснымъ цвѣтомъ одежды. Позади слѣдовало до 300 разнаго рода слугъ въ новой одеждѣ. Слѣдовавшій за ними отрядъ тѣлохранителей сіятельнаго князя замыкалъ посольское шествіе.

На эту процессію, выступившую въ открытое поле съ подворья, которое находилось въ полутора мили, народъ, благодаря необычайной пышности этого посольства, сошелся глазѣть въ такомъ множествѣ, что едва можно было проѣхать. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что спѣшить намъ нечего, а надо ѣхать самымъ медленнымъ шагомъ, чтобы не предупредить выѣздъ изъ города тѣхъ, которые по приказу царя готовились итти намъ навстрѣчу. Мы медленно подвигались впередъ, пока не пришло извѣстіе, что все готово и что пословъ ожидаютъ.

Всѣмъ нетерпѣливо хотѣлось видѣть городъ, особенно царя и его мѣстопребываніе, а въ это время уже доносились издали громкіе звуки литавръ, трубъ, роговъ; потомъ представилось взорамъ блестящее войско, раздѣленное на двѣ половины, справа и слѣва (посламъ приходилось проѣзжать серединой) и въ разноцвѣтномъ одѣяніи, со множествомъ трубъ и литавръ.

Восначальники верхомъ на статныхъ коняхъ, на богатыхъ персидскихъ сѣдлахъ представляли большое разнообразіе одеждъ и убранства и красою и величественностью превосходили одинъ другого. Подъѣхавъ къ городу ближе, глядимъ,—новый невиданный дотолѣ отрядъ воиновъ! Цвѣтъ длинныхъ красныхъ одѣяній былъ на всѣхъ одинаковъ; сидѣли они верхомъ на бѣлыхъ коняхъ, а къ плечамъ у нихъ были приложены крылья, поднимавшіяся надъ головой и красиво расписанныя; въ рукахъ длинныя

пики, къ концу коихъ было придѣлано золотое изображеніе крылатаго дракона, вертѣвшееся по вѣтру. Отрядъ казался ангельскимъ легіономъ. Кто не надивился бы на такое чудное зрѣлище, того по справедливости я счелъ бы слѣпымъ и среди цвѣтущаго сада, полнаго всякаго рода цвѣтовъ. Мы проѣхали уже $^3/_4$ мили, когда встрѣтили царскихъ спальниковъ, въ богатомъ нарядѣ, мчавшихся на роскошно убранныхъ иноходцахъ. Сознаюсь, что мнѣ не подъ силу описать, какъ слѣдуетъ, убранство ихъ, разнообразіе одѣяній и прочее великолѣпіе всей этой вереницы—необычайную ихъ пышность, красу и блескъ можно развѣ вообразить! Впрочемъ, разскажу, какъ сумѣю, что въ изумленіи я увидѣлъ. На нихъ ловко сидѣли красныя полукафтанья, а другія въ родѣ длиннаго плаща, были накинуты на шею, мастерски вышитыя и подбитыя соболемъ; они называютъ ихъ ферязями. На каждой ферязи на груди по обѣ стороны виднѣлись розы изъ крупныхъ жемчужинъ, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернувъ ихъ у праваго локтя, и забросивъ на спину. Блиставшія на солнцѣ каменьями, золотомъ и серебромъ шапки придавали еще больше краски этой вереницѣ и безъ того нарядныхъ спальниковъ. Сбруя тоже была великолѣпна: справа и слѣва отъ удилъ до передней сѣдельной луки въ видѣ полукруга, имѣли они серебряныя, а иные такъ и золотыя, испещренныя разными узорами цѣпи, толщиною въ три пальца, заставляя коней привскакивать отъ ихъ бряцанія. Пріятный ихъ звукъ производили они и съ помощью имѣвшихся въ ихъ рукахъ хлыстовъ. Конскія ноги украшались подковами, тоже производившими звукъ отъ привѣшенныхъ къ нимъ серебряныхъ цѣпочекъ и дорогими наколѣнниками. Словомъ, весь отрядъ ихъ (думается, было ихъ до 200) такъ и горѣлъ, какъ жаръ, своимъ свѣтлымъ убранствомъ. Довольно долго гарцовали они такъ другъ передъ дружкой, потомъ съ утомленныхъ коней пересѣли на другихъ, въ еще болѣе пышной сбруѣ и начали удивительно скакать!—не касаясь земли, перескакивать съ одного сѣдла на другое, выказывая такую ловкость, что всѣ въ изумленіи залюбовались на ихъ искусство.

За этой нарядной вереницей ѣхала большая великокняжеская карета, снаружи блиставшая золотомъ, а внутри изукрашенная золотой и серебряной бахромой, французскаго образца, высланная княземъ за послами. Шествіе принуждено было останавливаться дважды: разъ — по случаю отведенія назадъ въ городъ вооруженныхъ Московитянъ, какихъ мы оставили назади, долженствовавшихъ занять площади, гдѣ надлежало намъ ѣхать. Въ это время шагъ за шагомъ съ большимъ шумомъ подъѣхали Москвитяне, незамѣтно ударяя коней, чтобы они больше играли и ржали. Всѣ посланные, намъ навстрѣчу приближались поодиночкѣ къ каретѣ пословъ, отдавали почтеніе, пока послѣдній въ ряду и первый по сану, маститый старикъ, между всѣми отличавшійся богатою ферязью, не пригласилъ пословъ въ карету, и послѣ многихъ разговоровъ и церемоній, когда они сѣли, не присоединился къ нимъ туда же и самъ—шествіе при этомъ, уже почти близъ самаго города, останавливалось вторично.

Во время такихъ намѣренныхъ замедленій оставленные нами позади солдаты (много ихъ было услано на войну съ турками и для парада царь, повидимому, располагалъ немногими) боковыми дорогами забѣжали впередъ и снова являлись передъ нами въ другомъ мѣстѣ.

Все, повидимому, обстояло благополучно—вдругъ чиновники пословъ и великаго князя жарко заспорили о мѣстахъ. Споръ длился три часа; шествіе остановили, доложили великому князю—спросили его волю, и онъ

рѣшилъ, чтобы два московскихъ чиновника имѣли въ серединѣ поляка, во второмъ ряду, чтобы два поляка—московитянина и т. д. У себя въ Москвѣ, конечно, московитяне пышностью безъ сравненія превосходили дорожный нарядъ, пріѣхавшихъ къ нимъ поляковъ; зато полякъ, находясь между двумя московитянами, затмѣвалъ ихъ обоихъ важностью и благородствомъ лица.

По выѣздѣ пословъ въ городъ московскимъ трубачамъ было велѣно играть громче, по несходнымъ съ нашими трубачами образомъ. Сравнивъ искусство этихъ и тѣхъ, я могъ бы сказать, что московитяне дуютъ въ liripipium, а наши въ трубы. Въ самомъ дѣлѣ, московитяне издаютъ такіе безпорядочные звуки, что въ ихъ музыкѣ не различить никакого складу. Народу вышло на улицы столько, сколько могли онѣ помѣстить; прочіе глядѣли изъ оконъ, съ карнизовъ и съ крышъ въ такомъ множествѣ, что я дивился, какъ подъ такою массою не развалились дома, выстроенные только изъ дерева. Въ числѣ зрителей было немало и дѣвицъ, постаравшихся пріукрасить себя для въѣзда пословъ.

Мы миновали предмѣстье, имѣя предъ собою столь разнообразное зрѣлище и сами служа предметомъ зрѣлища для многочисленной толпы, и подъѣхали къ городскимъ воротамъ, гдѣ былъ сильный караулъ и пушки. Часть эта называется земляннымъ городомъ. Проѣхавъ здѣсь опять длинную улицу, вымощенную крупными, очень неудобными для ѣзды въ экипажахъ бревнами, мы достигли площади, гдѣ стояли солдаты и трубачи, привѣтствовавшіе насъ торжественной музыкой. Потомъ мы проѣхали въ другую часть города, стѣны косй были бѣлы, почему она и зовется Бѣлымъ городомъ. Ворота ея тоже были заняты вооруженнымъ отрядомъ и пушками; по длинной и широкой ея улицѣ разставлена была пѣхота, а на площади—конница, встрѣтившая насъ разными привѣтственными звуками. Наконецъ, подъѣхали къ Китай-Городу, укрѣпленному лучше прочихъ частей, на воротахъ коего на нашъ въѣздъ глядѣлъ самъ царь, а чтобы лучше было видѣть, посольству велѣно было остановиться на полчаса. Проѣхавъ этими воротами, мы достигли площади, которая вся была вымощена гладкими бревнами, гдѣ вторично встрѣтили прежній отрядъ воиновъ съ крылатыми драконами на пикахъ, впереди коего было шесть барабанщиковъ, кои били палками въ огромные барабаны, удивительно ровно и согласно, всѣ двигая вокругъ головы руками и раскачиваясь тѣломъ. Проѣхавъ площадь, мы повернули въ улицу налѣво, и на великолѣпномъ, построенномъ для иноземныхъ пословъ подворьѣ 17 мая положили желанный конецъ своему путешествію въ 219 нѣмецкихъ миль. (Таннеръ, 42—48 стр.).

3) Посольскій дворъ въ Москвѣ.

Дома пословъ не имѣли никакихъ другихъ жильцовъ, ни утвари. Но каждый приставъ объявлялъ своему послу, что онъ вмѣстѣ съ тѣми приставами, которые прибыли съ нами изъ Смоленска, имѣетъ отъ государя распоряженіе заботиться о всемъ для насъ необходимомъ. Они приставили также къ намъ писаря, говоря, что онъ назначенъ для того, чтобы ежедневно доставлять намъ пищу и другое необходимое. Наконецъ, они совѣтуютъ намъ, чтобы, если мы въ чемъ-либо будемъ нуждаться, то имъ на то указывали. Послѣ этого они каждый почти день навѣщали насъ, всегда освѣдомляясь о нашихъ нехваткахъ. Способъ содержанія пословъ у нихъ назначенъ различный: одинъ для германцевъ, другой для литовцевъ и третій

для другихъ странъ. Я хочу сказать, что назначенные пристава имѣютъ опредѣленное и притомъ предписанное выше количество, въ какомъ выдавать хлѣбъ, напитки, мясо, овесъ, сѣно и всѣ остальные предметы по числу отдѣльныхъ лицъ. Они знаютъ, сколько должны они выдавать на каждый день полѣньевъ дровъ для кухни и для топки бани, сколько соли, перцу, масла, луку и другихъ самыхъ ничтожныхъ предметовъ. Тотъ же самый порядокъ соблюдаютъ пристава, провожающіе пословъ въ Москву и изъ Москвы. Но хотя они обычно доставляли достаточно и даже съ избыткомъ какъ пищи такъ и питья, однако, почти все, чего мы просили сверхъ того, они давали въ обмѣнъ на прежде данное. Они всегда приносили напитки пяти родовъ, три рода меду и два рода пива. Иногда я посылалъ на рынокъ купить нѣкоторые предметы на свои деньги, преимущественно же живую рыбу. Они оскорблялись на это, говоря, что чрезъ этоихъ государю причиняется великая обида. Я указывалъ также приставу, что хочу позаботиться о кроватяхъ для дворянъ, которыхъ было со мною пятеро. Но онъ тотчасъ сталъ отвѣчать, что у нихъ нѣтъ обычая доставлять кому-либо кровати. Я отвѣтилъ ему, что я не прошу, а хочу купить и потому сообщаю ему, чтобы онъ не гнѣвался потомъ, какъ раньше. Вернувшись на слѣдующій день, онъ сказалъ мнѣ: «Я докладывалъ совѣтникамъ моего государя, о чемъ мы вчера говорили. Они препоручили мнѣ сказать тебѣ, чтобы ты не тратилъ денегъ на кровати, ибо они обѣщаютъ содержать васъ точно такъ же, какъ вы содержали нашихъ людей въ вашихъ странахъ». (Герберштейнъ, 198, 199 стр.).

Чтобы читатели получили понятіе о посольскомъ подворьѣ, надо знать, что это прекрасное зданіе построено Алексѣемъ Михайловичемъ изъ кирпича (что здѣсь по деревяннымъ городамъ рѣдко), въ три жилья, по 4 угламъ украшено 4 башенками, или, какъ ихъ называютъ, куполами, возвышающимися надъ столькими же ступенями. Оно заключаетъ внутри четыреугольный дворъ, середину коего занимаетъ большой колодезь. Главная краса зданія—высокая и изящная башня—служитъ великолѣпнымъ въ него входомъ и своими тремя балконами (изъ нихъ одинъ на самомъ верху, средній на срединѣ башни, а третій съ остальнымъ зданіемъ наравнѣ) пріятными по открывающимся съ нихъ видами и просторными для прогулки, придаетъ немалое украшеніе этому городу. Для жительства пословъ московитяне раздѣлили зданіе это на три части: первую и лучшую назначили для князя-посла, вторую для посла-воеводы, третью для секретаря посольства. Этотъ обширный домъ помѣстилъ одинъ всѣхъ сопровождавшихъ посольство людей. Своды въ комнатахъ были такъ низки, что нельзя было приладить къ стѣнѣ ни одной изъ привезенныхъ съ нами заповѣсей, не подогнувъ ея хорошенько.

Теперь посмотримъ, какую обстановку сдѣлали московитяне въ комнатахъ. Кругомъ по стѣнамъ придѣланы были лавки; середину комнаты занимали длинные столы и переносныя скамейки, всѣ обитыя краснымъ сукномъ, которымъ были обиты внизу и стѣны, насколько сидящій человѣкъ доставалъ спиною. Въ одной изъ предоставленныхъ князю-послу комнатъ, роскошно убранной, приготовлено было возвышеніе съ дорожнымъ балдахиномъ наверху, гдѣ былъ портретъ польскаго короля; подъ нимъ кресло, назначенное для князя-посла, когда ему нужно было принимать, посѣтителей. Внутренній покой князя украшался шитыми золотомъ коврами, на коихъ изображена была исторія Сампсона. Такъ какъ воздухъ въ немъ былъ спертъ и испортился, то явилась необходимость, чтобы онъ не

былъ вреденъ князю, къ неудовольствію московитянъ вынуто нѣсколько рамъ. (Таннеръ, 48—49 стр.).

4) Пріемъ посла во дворцѣ.

При въѣздѣ въ крѣпость мы видѣли разставленныхъ въ различныхъ мѣстахъ или участкахъ людей различнаго званія. Возлѣ воротъ стояли граждане, а солдаты и служилые люди занимали площадь; они сопровождали насъ пѣшкомъ, шли впереди и, остановившись, препятствовали намъ добраться до дворцовыхъ ступеней и тамъ слѣзть съ коней, ибо сойти съ коня вблизи ступеней не дозволяется никому, кромѣ государя. Это дѣлается также потому, чтобы казалось, что государю оказано болѣе почета. Какъ только мы поднялись на средину ступеней, встрѣчаютъ насъ нѣкоторые совѣтники государевы, подаютъ намъ руку, цѣлуются съ нами, и ведутъ дальше. Затѣмъ, когда мы поднялись по ступенямъ, встрѣчаютъ насъ другіе болѣе важные совѣтники, и, когда первые удалились (ибо у нихъ существуетъ обычай, чтобы первые уступали слѣдующимъ и всѣмъ ближайшимъ по порядку и оставались на своемъ мѣстѣ, какъ въ назначенномъ имъ отдѣленіи), подаютъ намъ въ знакъ привѣтствія правую руку. Затѣмъ при входѣ во дворецъ, гдѣ стояли кругомъ низшіе чины дворянъ, насъ равнымъ образомъ встрѣчаютъ самые первые совѣтники и привѣтствуютъ вышеуказаннымъ способомъ и порядкомъ. Наконецъ, насъ проводили въ другую палату, обставленную кругомъ князьями и другими болѣе благородными, изъ разряда и числа которыхъ выбираются совѣтники, а оттуда къ покою государя (передъ которымъ стояли благородные, несущіе ежедневную службу при государѣ); при нашемъ прохожденіи рѣшительно никто изъ стоявшихъ кругомъ не оказалъ намъ даже самаго ничтожнаго почета. Мало того, если мы, проходя мимо, случайно привѣтствовали кого-нибудь, близко намъ извѣстнаго, или заговаривали съ нимъ, то онъ не только ничего не отвѣчалъ намъ, но велъ себя вообще такъ, какъ если бы онъ нигдѣ не зналъ никого изъ насъ и не получалъ отъ насъ привѣтствія. И только тогда, когда мы входили къ государю, совѣтники вставали передъ нами, (если тутъ случайно присутствуютъ братья государевы, то они не встаютъ, но все же сидятъ съ непокрытой головою). И одинъ изъ самыхъ первыхъ совѣтниковъ, обратившись къ государю, произнесъ по своему обычаю, безъ просьбы, отъ нашего имени, слѣдующія слова: «Великій государь графъ Леонардъ бьетъ челомъ» и снова: «Великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ на великой твоей милости». Точно такъ же и о Сигизмундѣ. Первое значитъ, что онъ какъ бы кланяется или выражаетъ почтеніе, второе,—что онъ приноситъ благодарность за полученную милость, ибо бить челомъ они принимаютъ въ видѣ качества привѣтствія, принесенія благодарности и другого тому подобнаго.

Государь сидѣлъ съ непокрытой головой на болѣе возвышенномъ и почетномъ мѣстѣ у стѣны, блиставшей изображеніемъ какого-то святого, и имѣлъ справа отъ себя на скамейкѣ шапку-колпакъ, а слѣва палку съ крестомъ — посохъ и тазъ съ двумя рукомойниками, поверхъ которыхъ, кромѣ того, было положено полотенце. Говорятъ, что протягивая руку послу римской вѣры, государь считаетъ, что протягиваетъ ее человѣку оскверненному и нечистому, а потому, отпустивъ его, тотчасъ моетъ руки. Тамъ стояла, противъ государя, но на низшемъ мѣстѣ скамья, приготовленная для пословъ. Государь, когда ему оказанъ былъ предварительно почетъ

(какъ уже сказано выше), самъ пригласилъ насъ туда мановеніемъ и словомъ, указуя рукой на скамью. Когда мы съ того мѣста по чину привѣтствовали государя, то при этомъ находился толмачъ, который передавалъ нашу рѣчь слово въ слово. Услышавъ же между прочимъ имя Карла и Фердинанда, государь вставалъ и сходилъ со скамеечки, а выслушавъ привѣтствіе до самаго конца, онъ спросилъ: «Братъ нашъ Карлъ, избранный Римск. Имп. и наивысшій король здоровъ-ли?». Пока графъ отвѣчалъ: «Здоровъ», государь межъ тѣмъ взошелъ на скамеечку и сѣлъ. Это же самое, по окончаніи моего привѣтствія, спрашивалъ онъ у меня про Фердинанда. Затѣмъ онъ подзывалъ по порядку того и другого изъ насъ къ себѣ и говорилъ: «Дай мнѣ руку». Взявъ ее, онъ прибавлялъ: «по здорову-ли ты ѣхалъ?». На это тотъ и другой изъ насъ согласно ихъ обычаю отвѣчали: «Дай Богъ тебѣ здравія на многія лѣта. Я же по благости Божіей и по твоей милости здоровъ». Послѣ этого онъ повелѣлъ намъ сѣсть. Мы же, прежде чѣмъ сдѣлать это, согласно съ ихъ обыкновеніемъ, воздали наклоненіемъ головы на обѣ стороны благодарность прежде всего государю, а затѣмъ совѣтникамъ и князьямъ, которые стояли ради оказанія намъ почета. Кромѣ того, послы другихъ государей, въ особенности тѣ, которые присылаются изъ Литвы, Ливоніи, Швеціи и пр., будучи допущены предъ очи государевы, обычно, вмѣстѣ со своими провожатыми и служителями, подносятъ каждый особые дары. При поднесеніи даровъ соблюдается такой обычай. Вслѣдъ за выслушаніемъ и изложеніемъ цѣли посольства, тотъ совѣтникъ, который ввелъ пословъ къ государю, встаетъ и яснымъ и громкимъ, слышнымъ всѣмъ голосомъ, говоритъ такъ: «Великій государь, такой-то посолъ бьетъ челомъ такимъ-то даромъ», и это же самое повторяетъ онъ о второмъ и третьемъ (лицахъ посольства). Затѣмъ такимъ же образомъ произноситъ онъ имена и дары отдѣльныхъ дворянъ и служителей.. Наконецъ, рядомъ съ нимъ становится секретарь, который также указываетъ поименно имена и дары, какъ пословъ, такъ и каждаго по порядку изъ произносящихъ. Сами же они называютъ подобные дары поминками, т. е. какъ бы нѣкій знакъ памяти. Они напоминали про дары и нашимъ людямъ, но мы отвѣтили, что это не согласно съ нашимъ обычаемъ. (Герберштейнъ, 200, 201, 202 стр.).

3-го числа вышеозначенные приставы, переводчики и другіе знатные бояре Великаго Князя на 30 слишкомъ коняхъ провожали г. посла для представленія ко двору. Г. посолъ ѣхалъ верхомъ, со своими молодыми дворянами и нѣсколькими служителями на 18 лошадяхъ, все изъ Великокняжеской конюшни. Впереди его несли покрытые синею тафтою подарки Его Императорскаго Величества, а передъ ними Дворецкій несъ Императорскую вѣрящую грамоту, обернутую въ желтую тафту.

Подарки Императорскаго Величества были два искусно вырѣзанныхъ изъ хрусталя сосуда для питья, одинъ простой кубокъ, а другой въ видѣ цапли; оба они оправлены въ золото, а внизу у нихъ были вырѣзаны 4 буквы: «W. H. J B.». Смыслъ этихъ буквъ такой: Wie heilig ist Bruder-chaft, т. е.: «Какъ священна братская дружба».

Подарки г. посла были: большой позолоченный умывальникъ и тазъ прекрасной чеканной работы. Подарокъ сына г. посла былъ серебряный кубокъ, искусно раскрашенный красками въ видѣ цвѣтка синихъ колокольчиковъ, съ искусно же сдѣланною крышкою. Подарокъ Дворецкаго было длинное ружье съ прикладомъ изъ чернаго рога, съ серебрянымъ наборомъ и съ позолоченной пороховницей. Подарокъ Генриха Вальштейна была маленькая горная штуфа съ золотой и серебряной рудой. Ганси Рейнхарда

Штейнбаха — кубокъ, очень искусно выточенный изъ рыбьей кости. Раймунда Утмана тоже кубокъ, искусно вырѣзанный изъ яшмы, съ крышкой въ золотой оправѣ, и изъ такого же камня ложка, выложенная рубинами. Эти подарки несли слѣдующія лица и въ такомъ порядкѣ: Служители Дворецкаго и Ганса Крамера, а также и Соломонъ Потирійскій, несли подарки четырехъ придворныхъ дворянъ, подарки сына г. посла несъ Гансъ Сигизмундъ Гославскій, а подарки г. посла несли Мельхіоръ Ципферъ и Германъ Лейхтеръ, Гансъ Крамеръ, Андрей Гартрумфъ и я несли посуду Его Императорскаго Величества, составлявшую 3 отдѣльныя вещи, т. е. крылья цапли на крышкѣ кубка были уложены особенно.

Пока мы ѣхали въ Кремль, вездѣ стояло нѣсколько тысячъ народа, глядѣвшаго съ удивленіемъ на наше шествіе. Въ самомъ Кремлѣ и передъ нимъ стояли по обѣимъ сторонамъ Московитскіе стрѣлки въ числѣ 4000 съ длинными ружьями; для большей торжественности въѣзда тамъ звонили по всѣмъ церквамъ въ большіе колокола. Когда мы въ Кремлѣ сошли съ коней, насъ приняли нѣсколько знатныхъ Великокняжескихъ бояръ, одѣтыхъ въ золотую парчу, и повели во дворецъ Великаго Князя. На крыльцѣ передъ самыми Великокняжескими покоями, Императорскіе и другихъ лицъ подарки были выложены на подушкѣ, чтобы такъ и нести ихъ къ Великому Князю. Послѣ того, какъ это было сдѣлано, насъ повели черезъ покой, гдѣ сидѣли Великокняжескіе бояре, всѣ въ прекрасныхъ изъ золотой парчи платьяхъ.

Другой покой, куда ввели насъ потомъ, была дворцовая палата Великаго Князя, въ которой онъ принимаетъ представленія; въ ней стѣны и полъ были устланы нарядными коврами. Кругомъ сидѣли все одни только знатные бояре въ своихъ золотыхъ одеждахъ.

На престолѣ, возвышенномъ на три ступени и украшенномъ сверху до низу золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, сидѣлъ Великій Князь въ царскомъ убранствѣ: на головѣ имѣлъ золотой вѣнецъ, выложенный алмазами, при томъ очень большими; въ рукѣ держалъ золотой скипетръ, тоже убранный золотыми камнями; кафтанъ на немъ былъ красный бархатный, сплошь шитый крупнымъ жемчугомъ. На шеѣ висѣло нѣсколько дорогихъ камней, оправленныхъ въ золото и расположенныхъ въ видѣ цѣпи или ожерелья (бармы). На двухъ переднихъ пальцахъ лѣвой руки его было по большому золотому перстню съ смарагдомъ. Впереди его на каждой сторонѣ стояли двое благородныхъ мальчиковъ съ московитскими сѣкирами въ бѣлыхъ бархатныхъ платьяхъ, по которымъ крестъ накрестъ висѣли золотыя цѣпочки. Тутъ г. посолъ сказалъ привѣтствіе Великому Князю отъ Римско-Императорскаго Величества и представилъ подарки отъ Императора, а также и отъ другихъ лицъ. Потомъ Великій Князь велѣлъ его спросить черезъ переводчика, здоровымъ ли оставилъ онъ его брата Христіанскаго Императора, и сказать, что онъ жалуетъ его своимъ хлѣбомъ-солью.

Послѣ того, какъ привѣтствія кончились и Императорская вѣрющая грамота была вручена, г. посолъ ничего уже больше не говорилъ, и насъ отвели изъ Великокняжеской палаты въ казнохранительницу, гдѣ приняли отъ насъ подарки Его Императорскаго Величества и г. посла, а потомъ наши Приставы съ переводчиками и другіе знатные бояре проводили насъ опять въ наше помѣщеніе. Но прежде всего и еще не сказавъ привѣтствія, г. посолъ съ глубокимъ почтеніемъ подалъ руку Великому Князю. Хранитель печати пригласилъ сдѣлать то же и сына г. посла. Вслѣдъ за нимъ

и придворные дворяне подали руку Великому Князю. Когда мы послѣ представленія воротились опять на наше Троицкое Подворье, Московитяне, между тѣмъ накрыли у насъ столы и лавки прекрасными коврами для обѣда или пира, которымъ Великій Князь пожаловалъ г. посла. Спустя полчаса потомъ пріѣхалъ Великокняжескій крайчій, князь Андрей Андреевичъ Телятевскій и тотчасъ же за нимъ прислано 150 кушаньевъ, все на серебряныхъ блюдахъ, накрытыхъ такими же блюдами. Крайчій велѣлъ подносить ихъ вдругъ одно за другимъ, потому что мы еще не садились за столъ, и при каждомъ сказывалъ что это за кушанье. Какъ только всѣ они были поднесены г. послу по приказу крайчаго, этотъ, вмѣстѣ съ посломъ и дворянами, сѣлъ за столъ, затѣмъ усѣлись и нѣкоторыя другіе Московитяне, и тогда стали подавать кушанья и по порядку исправлять пиръ. Напитки, присланные Великимъ Княземъ для этого пира были все разные: медъ, Мальвазія и вино. Пиръ продолжался до полуночи а потомъ всѣ разъѣхались по домамъ. (Варкочъ, 16—18 стр.).

Они проводили насъ до великокняжескаго дворца, украшеннаго настѣнными коврами и великолѣпными картинами; съ правой стороны на высокомъ поставцѣ стояла золотая и серебряная посуда въ такомъ количествѣ и такихъ размѣрахъ, что нельзя и разсказать. При въѣздѣ нашемъ звонили въ большой колоколъ, находящійся въ срединѣ двора и повѣшенный очень низко, не болѣе, чѣмъ на 15 локтей надъ землею. По обѣимъ сторонамъ, начиная отъ нашей квартиры и вплоть до дворца, стояли мушкетеры съ заряженными мушкетами. (Какашъ и Тектандеръ, 16 стр.).

Когда мы всѣ вмѣстѣ вошли въ комнату, назначенную для пріема, то оказалось, что тронъ стоялъ прямо противъ входа, посреди комнаты, возвышаясь на четыре ступени, а рядомъ съ нимъ, по лѣвую сторону, находилось еще другое, украшенное кресло. Великій Князь съ сыномъ сидѣли на нихъ. Его Величество былъ въ золотомъ вѣнцѣ и золотой парчевой одеждѣ, доходящей до ногъ и держалъ въ рукѣ жезлъ чернаго дерева, окованный червоннымъ золотомъ, похожій на чеканъ, а сынъ его въ крапчатомъ платьѣ, какъ будто-бы одѣтый въ рысью кожу. По обѣимъ сторонамъ трона стояло по два гайдука съ сѣкирами въ бѣломъ платьѣ, а кругомъ сидѣли знатные совѣтники, всѣ великолѣпно одѣтые и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. (Какашъ и Тектандеръ, 16—17 стр.).

Мы вошли въ верхній ярусъ къ Царю по лѣстницамъ и сѣнямъ, установленнымъ по обѣимъ сторонамъ густыми рядами стрѣльцовъ въ блестящемъ вооруженіи и вездѣ сплошь устланнымъ коврами такъ тщательно, что нельзя было видѣть даже самаго маленькаго непокрытаго уголка ни на полу, ни на стѣнахъ, ни на потолкѣ. Во второмъ покоѣ его помѣщенія, довольно обширнаго и съ каменными сводами, освѣщеннаго восковыми свѣчами и вездѣ обитаго богато вытканными бельгійскими и персидскими обоями, на очень высокомъ престолѣ, поставленномъ, по обыкновенію, въ углу, у окна, возсѣдалъ самъ Царь въ нарядной шапочкѣ, которая твердо сидѣла на головѣ отъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, держа въ правой рукѣ скипетръ, украшенный значительной величины алмазами; налѣво отъ него сидѣло на лавкахъ не мало бояръ. (Майербергъ, 188 стр.).

Наши оба пристава, поставили между собою посла, повели его въ покой, гдѣ слѣдовало быть столу, за нимъ пошли и мы всѣ, и сначала приведены были въ комнату, гдѣ кругомъ по стѣнамъ стояли длинные столы, сдѣланные съ тремя высокими ступеньками, какъ обыкновенно бываетъ у поставцовъ: все это было уставлено безчисленными серебряными и золо-

тыми кубками, такъ что и изобразить нельзя, а въ Германіи, пожалуй, что и не повѣрили бы. На низшихъ ступеняхъ стояли безчисленныя большія блюда и стаканы изъ хорошаго золота, также и серебряный левъ въ его природной величинѣ, нѣсколько серебряныхъ такихъ большихъ братинъ и чашъ, что одному невпору было и совладать съ ними, не то что употреблять ихъ въ качествѣ посуды для питья: все это было выставлено, чтобы показать намъ великія сокровища и богатства. Вообще, всего было вдоволь, кромѣ только однѣхъ тарелокъ, потому что у Московитянъ, да и у самаго Великаго Князя, онѣ совсѣмъ не въ употребленіи. Въ этомъ покоѣ стояло нѣсколько лицъ, которыя смотрѣли за серебромъ; это еще передняя комната, а потомъ только привели насъ въ другую, гдѣ быть столу; она четвероугольная, почти до 70 саженъ въ окружности, вверху и по стѣнамъ расписана и много украшена серебромъ и золотомъ, внизу на полу вымощена бѣлымъ камнемъ съ очень искусной рѣзьбой. Посединѣ комнаты стоялъ толстый каменный столбъ или колонна, на которой лежалъ весь сводъ; кругомъ его, на нѣсколько ступеней возвышался устроенный поставецъ, на которомъ находилась рѣзная серебряная и вызолоченая посуда. Вокругъ стѣнъ комната поднималась на двѣ ступени выше отъ остальнаго пола и имѣла съ трехъ сторонъ четыре большія окна: въ ней сидѣли Великій Князь на высокомъ сѣдалищѣ, вдѣланномъ въ стѣну и сплошь вызолоченномъ, за столомъ, который былъ на ступень выше другихъ столовъ; Великій Князь одѣтъ былъ въ кафтанъ изъ серебряной парчи, обшитый вокругъ золотомъ, голову покрывала золотая Московитянская шапочка, выложенная драгоцѣнными каменьями, жемчугомъ, тѣмъ же украшался и воротникъ, (ожерелье) около шеи. На двухъ переднихъ пальцахъ правой руки было по большому смарагдовому перстню. Другіе столы по стѣнамъ занимали его князья, знатные совѣтники и тѣ бояре, которые на представленіи сидѣли въ своихъ золотыхъ платьяхъ въ передней комнатѣ и Великокняжеской палатѣ. Не занятъ былъ только одинъ столъ налѣво отъ Великаго Князя. Эти князья, совѣтники и бояре, сидѣли въ своихъ, ничѣмъ не покрытыхъ бѣлыхъ овчинныхъ шубахъ, съ бобровою выпушкою и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ.

Когда мы вошли въ этотъ покой и отдали почтеніе Великому Князю, посолъ тотчасъ же посаженъ былъ за выше названный столъ налѣво отъ Великаго Князя, за нимъ, на другой сторонѣ стола, сѣли его сынъ и Дворецкій, потомъ князь Андрей Дмитріевичъ Хилковъ и оба Пристава, а тутъ и мы всѣ. Только что усѣлись за столъ, вошелъ маршалокъ, старикъ, а за нимъ шли по два въ рядъ, взявшись за руки, 50 знатныхъ Бояръ, въ качествѣ Стольниковъ: всѣ они проходили мимо стола Великаго Князя, представились ему и сейчасъ же вышли изъ комнаты. Послѣ того подали ему кушанье, а онъ между тѣмъ прислалъ послу кусокъ бѣлаго хлѣба съ своего стола и изъ своихъ рукъ, въ знакъ пожалованія. Такіе же куски поданы были и намъ всѣмъ, съ извѣщеніемъ, что насъ тѣмъ же жалуетъ Великій Князь. Только что начавъ обѣдать—Великій Князь изъ особенной милости прислалъ послу кушанье съ своего стола, также и каждому изъ Придворныхъ и Приставовъ. Потомъ Стольники, всѣ въ золотыхъ кафтанахъ, а иные и въ золотыхъ цѣпочкахъ крестъ на крестъ, подали и на нашъ столъ кушанья, все въ золотыхъ блюдахъ. Ещс прежде того Великій Князь велѣлъ поднести г. послу въ знакъ милости превосходнаго вина въ чаркѣ изъ чистаго золота, усаженной дорогими камнями, также и каждому изъ сидѣвшихъ за столомъ, все въ золотыхъ же чаркахъ. Такая честь

и жалованіе повторялись много разъ за обѣдомъ, и каждый разъ напитки были разные, но все же въ золотыхъ чаркахъ, а чарка, изъ которой пилъ г. посолъ, была усажена большими алмазами. У стола Великаго Князя, на самой нижней ступени, стояло до 15 лицъ, служившихъ ему за обѣдомъ. Передъ столомъ двое подавали ему всѣ напитки и кушанья, которыя также и разрѣзывали. Въ продолженіе пира наступилъ вечеръ, такъ что надобно было зажечь четыре серебряныхъ паникадила, висѣвшихъ вверху, изъ которыхъ большее, противъ великаго князя, было о двѣнадцати свѣчахъ, три другія о 4-хъ. Всѣ свѣчи были восковыя; около поставца, съ обѣихъ сторонъ его, стояли 18 человѣкъ, тоже съ большими восковыми свѣчами: все это горѣло, какъ должно, и въ комнатѣ было очень свѣтло. На нашъ столъ тоже подали 6 большихъ восковыхъ свѣчъ, а подсвѣчники были яшмовые и хрустальные, въ серебряной оправѣ. Въ это же самое время великокняжескій кравчій позвалъ г. посла къ великому князю, который, въ знакъ особенной милости, подалъ ему изъ своихъ рукъ маленькую золотую чару, осыпанную дорогими камепьями съ превосходнымъ напиткомъ. Потомъ г. посолъ сѣлъ опять, а на нашъ столъ поданы были 3 большія золотыя братины, украшенныя дорогими каменьями: самая лучшая изъ нихъ была подана г. послу, а 2 другія придворнымъ, чтобы они пили изъ нихъ въ круговую. Эти двѣ чаши были такія большія, что одному едва было подъ силу поднести ихъ ко рту.

Между тѣмъ, какъ пили въ круговую, опять вошелъ въ комнату маршалокъ и стольники, по двое въ рядъ и стали передъ столомъ великаго князя, который и началъ тогда жаловать ихъ: на большомъ золотомъ блюдѣ у него были маленькіе пряженцы; каждому изъ стольниковъ онъ подавалъ своею рукою по одному пряженцу; по ихъ обычаю подача изъ рукъ великаго князя считалось такою величайшей милостью, какъ будто Богъ посылаетъ имъ въ награду съ неба что-нибудь особенное. При этомъ торжественномъ пирѣ музыка не играла, потому что у нихъ не въ обычаѣ. Но зато звонили въ несказанное множество колоколовъ съ кремлевскихъ церквей, и этотъ звонъ раздавался по всей комнатѣ. Лишь только милостивыя подачи были розданы, кушанья со столовъ сняли, г. посолъ всталъ изъ-за стола, потомъ и мы также. Тогда Великій Князь потребовалъ къ себѣ посла, и подалъ ему изъ своихъ рукъ въ другой разъ—золотую чару съ дорогимъ медомъ. По его же требованію должны были подойти къ нему и пятеро придворныхъ, сынъ г. посла, дворецкій, г. Фонъ Вальштейнъ, Штейнбахъ и Утманъ, и получили каждый изъ его рукъ по золотой чарѣ съ медомъ; они дѣлали это съ такимъ уваженіемъ, что, принявъ отъ него, и выпивши чару, цѣловали у него руку. Когда чары были выпиты, онъ подозвалъ опять къ себѣ г. посла, чтобы подать ему руку и проститься съ нимъ. Вслѣдъ за посломъ подошли придворные дворяне, чтобы тоже подать ему свои и поцѣловать его руку. Послѣ того пристава вышли съ г. посломъ изъ комнаты, и мы поѣхали опять въ наше помѣщеніе. На лѣстницѣ во Дворцѣ, когда мы спускались на дворѣ, зажжены были большія плошки; посреди двора горѣли 2 большіе огня. Когда же мы ѣхали домой, уже около 10 часовъ вечера, стрѣльцы, съ длинными ружьями все еще были выстроены по обѣимъ сторонамъ: шестеро москвитянъ, шедшіе впереди лошадей, несли большіе фонари со свѣчами, а передъ г. посломъ шли 16 москвитянъ съ факелами и провожали насъ до нашего помѣщенія. (Варкочъ, 26—29 стр.).

5) Угощеніе послу отъ Царя.

Послѣ обѣда Царь не занимается никакими болѣе важными дѣлами; мало того, по окончаніи обѣда, онъ обычно говоритъ посламъ: «теперь ступайте». Послѣ отпуска пословъ, тѣ самые, которые сопровождали ихъ во дворецъ, снова отводятъ ихъ обратно въ гостиницы, говоря, что они имѣютъ порученіе остаться тамъ и повеселить пословъ. Приносятъ серебряныя чаши и много сосудовъ, каждый съ опредѣленнымъ напиткомъ, и всѣ стараются о томъ, чтобы сдѣлать пословъ пьяными. А они прекрасно умѣютъ приглашать людей къ попойкѣ, и, когда у нихъ нѣтъ другого повода къ выпивкѣ, они начинаютъ, наконецъ, пить за здоровье Цесаря, брата его, Государя и, напослѣдокъ, за благополучіе тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, обладаетъ какимъ-нибудь достоинствомъ и почетомъ. Они думаютъ, что при произнесеніи имени такихъ лицъ никто не долженъ отказываться отъ чаши и даже не можетъ. Пьютъ же такимъ образомъ. Тотъ, кто начинаетъ, беретъ чашу и выходитъ на середину жилища; стоя съ непокрытой головой, онъ излагаетъ въ торжественной рѣчи, за чье здоровье пьетъ и чего ему желаетъ. Затѣмъ, осушивъ и опрокинувъ чашу, онъ касается ею макушки, чтобы всѣ видѣли изъ этого, что онъ выпилъ и желаетъ здоровья тому господину, чье имя онъ назвалъ при питьѣ. Затѣмъ онъ идетъ на высшее мѣсто, велитъ наполнить нѣсколько чашъ, вслѣдъ затѣмъ каждому подаетъ его чашу и присоединяетъ имя того лица, за чье здоровье подлежитъ пить. И каждый бываетъ принужденъ такимъ образомъ выйти на средину покоя и, осушивъ чашу, вернуться на свое мѣсто. Тотъ же, кто желаетъ избѣгнуть болѣе продолжительной выпивки, долженъ по необходимости притвориться пьянымъ или заснувшимъ, или пусть онъ напоитъ ихъ самихъ, или, по крайней мѣрѣ, осушивъ много кубковъ, пусть увѣряетъ, что онъ никоимъ образомъ не можетъ больше пить, ибо они не вѣрятъ, что гости получили хорошій пріемъ и обильное угощеніе, если ихъ не сдѣлать пьяными. Этотъ обычай наблюдается вообще у дворянъ и у тѣхъ, кому дозволено пить медъ и пиво. (Герберштейнъ, 207, 208 стр.).

Если Государь послѣ торжественнаго пріема, не намѣренъ угощать посла, согласно обычаю, во дворцѣ, то посылаетъ обѣдъ къ нему слѣдующимъ образомъ: знатный дворянинъ въ парчевой одеждѣ, съ вышитымъ воротникомъ, въ шапкѣ, унизанной жемчугомъ, отправляется верхомъ объявить послу царское милостивое слово и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать; 15 или 20 служителей идутъ вокругъ его лошадей; за ними слѣдуютъ попарно: двое стрѣльцовъ со скатертями, сложенными свиткомъ; двое съ солонками; двое съ уксусомъ въ скляпкахъ; двое съ парою ножей и съ парою ложекъ драгоцѣнныхъ; шесть человѣкъ съ хлѣбомъ; потомъ съ водкою; за ними несутъ съ дюжину серебряныхъ сосудовъ, въ три шопина каждый, наполненныхъ разными винами, наиболѣе крѣпкими, Испанскимъ, Канарскимъ и другими; послѣ того, столько же огромныхъ бокаловъ нѣмецкой работы. Далѣе кушанья — холодное (подаваемое сначала), горячее, жареное и пирожное, все въ большихъ серебряныхъ блюдахъ; а въ случаѣ особеннаго царскаго благоволенія, вся посуда бываетъ золотая. Потомъ 18 или 20 огромныхъ оловянниковъ съ медомъ разныхъ сортовъ; ихъ поднимаютъ по два человѣка, за ними идутъ человѣкъ 10, каждый съ пятью или шестью большими ковшами. Шествіе заключаютъ двѣ или три телѣги съ медомъ и пивомъ для прислуги. Всѣ припасы, несутъ стрѣльцы очень опрятно одѣтые. Я видѣлъ человѣкъ 300 или 400, которые вышеописаннымъ поряд-

комъ несли кушанья и напитки для одного обѣда; видѣлъ также, что въ одинъ день посылали три обѣда разнымъ посламъ, одному болѣе, другому менѣе, но всегда съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано. (Маржеретъ, 290 стр.).

Сколько ежедневно выдавалось на кухню для кушаньевъ послу Николаю Варкочу въ Москвѣ и его придворнымъ, всего 33 лицамъ? Былъ онъ въ Московской землѣ 16 недѣль, на каждую недѣлю отпускалось по 32 вола, каждый день по 3 барана, по 15 куницъ, по 1 гусю, по 2 утки, по 100 яицъ, по 5 ф. масла и меду, по 10 лосей; всего же всякаго съѣстного: 48 воловъ, 336 барановъ, 1680 куръ, 112 гусей, 224 утки, 11,200 яицъ, 336 ф. масла и 10 лосей. (Варкочъ, 36 стр.).

6) Отпускъ посла.

А когда надлежало уже насъ отправить и отпустить, то насъ, какъ и ранѣе, съ почетомъ пригласили къ обѣду и проводили во дворецъ. Кромѣ того, обоимъ намъ пожаловано было почетное платье, подбитое собольими мѣхами. Когда мы облеклись въ него и вошли въ покой Государя, то маршалъ тотчасъ сталъ говорить по чину отъ имени насъ обоихъ: «Великій Государь, Леопардъ и (потомъ) Сигизмундъ бьетъ челомъ на великой твоей милости», т. е. приноситъ благодарность за полученный даръ. Къ почетному платью государь присоединилъ по два сорока собольихъ мѣховъ, а горностаевыхъ по 300 и бѣльичьихъ по 1500. Въ первое посольство онъ прибавилъ мнѣ повозку или сани съ превосходной лошадью, бѣлымъ медвѣжьимъ мѣхомъ и другимъ удобнымъ покрываломъ. Наконецъ онъ далъ мнѣ нѣсколько кусковъ рыбъ, бѣлуги, осетра и стерляди, вяленыхъ на воздухѣ, но посоленыхъ, и отпустилъ меня весьма ласково. (Герберштейнъ, 213, 214 стр.).

Москва.

1) Общій видъ города и его подраздѣленія.

Москва обширный городъ; думаю, что весь этотъ городъ больше Лондона съ его предмѣстьями; но Москва очень неизящна и распланирована безъ всякаго порядка. Всѣ дома обывателей изъ дерева и очень опасны во время пожара. Въ Москвѣ красивый Кремль, его стѣны изъ кирпича и очень высоки; говорятъ, будто онѣ 18 футовъ толщиною, не думаю, чтобы это было такъ, по крайней мѣрѣ, онѣ не кажутся такими; но новѣрное не знаю, потому что иностранцамъ не позволяется осматривать ихъ. Съ одной стороны Кремля ровъ, съ другой бѣлѣетъ рѣка Москва, текущая черезъ Тартарію въ Каспійское море. На сѣверъ расположенъ нижній городъ, тоже обнесенный каменной стѣной, соединенной съ Кремлевской. Царь живетъ въ Кремлѣ, тамъ же находится 9 прекрасныхъ каменныхъ церквей и живетъ духовенство, также Митрополитъ съ нѣкоторыми епископами. Не буду описывать ни этихъ строеній, ни крѣпостей русскихъ, у насъ въ Англіи онѣ во всѣхъ отношеніяхъ лучше. Но и эти хорошо снабжены орудіями всѣхъ родовъ. (Ченслеръ, 2—3 стр.).

Москва прекрасный и большой главный городъ въ Московіи, лежащій на ровной плоскости, въ которомъ имѣетъ свое мѣстопребываніе Великій Князь и Государь всѣхъ русскихъ. Это сильный городъ, куда въ боль-

шомъ числѣ пріѣзжаютъ туземные и иностранные купцы изъ очень дальнихъ краевъ: изъ Турціи, Татаріи, Персіи, Туркменіи, Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и другихъ земель, и ведутъ большую торговлю многими превосходными товарами: соболями, куницами и разными мѣхами, также воскомъ, льномъ, саломъ и другими товарами, которые въ великомъ множествѣ привозятся въ удобное время года. Этотъ городъ раздѣляется на четыре главныя части: во 1-хъ внѣшній городъ, обнесенный совершенно деревянной стѣною въ три добрыхъ сажени толщины, и украшенъ множествомъ деревянныхъ башенъ, что придаетъ ему издали величавый видъ; въ немъ всѣ ворота совершенно одинаковой постройки, большія и красивыя и всѣ съ трехконечными башнями: эта стѣна выстроена около 2 лѣтъ назадъ, по извѣстію нѣкоторыхъ жителей, имѣетъ 30 верстъ въ окружности, что составляетъ 6 нѣмецкихъ миль пути. По этому городу текутъ три рѣчки, изъ которыхъ самая большая Москва, и отъ нея вся страна получаетъ названіе; другая рѣка почти таковой величины, называется Неглинная, а третья Яуза: во внѣшнемъ городѣ эти послѣднія рѣчки впадаютъ въ рѣку Москву. Въ этой первой деревянной стѣнѣ лежитъ другой городъ, обнесенный каменною стѣною, бѣло на бѣло выштукатуренною и украшенною множествомъ башенъ и зубцовъ. Жители зовутъ эту часть города Царь-Градъ, то же, что по нашему названію Königstadt. Въ этомъ городѣ Царь-Градѣ лежитъ еще особенный городъ, тоже обведенный особенною каменной стѣною, съ башнями и сухимъ рвомъ, и называется Китай-Городъ: тутъ славная площадь и большая торговля, до 100 слишкомъ лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ можно получать различные товары. Въ этомъ же городѣ, передъ Кремлемъ находится красивая Московская церковь, превосходное зданіе и называется Іерусалимомъ. Въ немъ же и замокъ Великаго Князя, тоже обведенный сухимъ рвомъ и крѣпкою стѣною, очень величественный, и хорошо выстроенный и украшенный множествомъ башенъ. Много также круглыхъ башенъ на церквахъ, вызолоченныхъ хорошимъ золотомъ, должно быть, съ большими издержками: издали это дѣлаетъ великолѣпный видъ. Замокъ весь каменный, обширенъ въ окружности и имѣетъ много значительныхъ церквей. Въ числѣ ихъ церковь, называемая на ихъ языкѣ Благовѣщеніе съ 9-ю позолоченными башнями: и крыша и башни всѣ вызолоченные добрымъ золотомъ; туда обыкновенно ходитъ Великій Князь отправлять свое богослуженіе. (Варкочъ, 34—36 стр.).

Рѣка Москва вытекаетъ въ окрестностяхъ Твери и до самой Москвы не судоходна. Здѣсь обыкновенно пребываетъ Великій Князь Московскій. Городъ этотъ преобширный, но застроенъ болѣе чѣмъ $^{7}/_{8}$ деревянными строеніями. Имѣетъ крѣпость съ прочными, но неукрѣпленными каменными стѣнами; крѣпость эта построена нѣкогда итальянцами. Есть также тамъ нѣсколько большихъ церквей, красивый архитектуры и великокняжескій дворецъ съ золотыми крышами и куполами, тоже построенный итальянцами, которые были когда то отведены туда плѣнными изъ Польши и Литвы. Кромѣ того находится еще тамъ невѣроятное множество церквей и малыхъ, и большихъ, и каменныхъ, и деревянныхъ, такъ что нѣтъ улицы, гдѣ не было бы ихъ по нѣскольку; поэтому даже несносно, какъ въ Николинъ день начнутъ и день и ночь гудѣть колокола, которыхъ тамъ безчисленное множество. (Барберини, 9, 10 стр.).

Москва, средоточіе государства и священное мѣстопребываніе царей, по справедливости должна быть отнесена къ числу величайшихъ городовъ на земномъ шарѣ, ибо она въ окружности имѣетъ четыре герман-

скихъ мили и окруженная стѣною съ десятью воротами, заключаетъ въ себѣ болѣе 600.000 жителей, такъ что боярамъ и инымъ, болѣе почетнымъ лицамъ, пріѣзжимъ и мѣстнымъ жителямъ неизбѣжно приходится ѣздить по городу, зимою въ саняхъ, лѣтомъ—верхомъ. Кромѣ того, на каждомъ перекресткѣ и у каждыхъ воротъ города, стоитъ съ санями или колымагами, наготовѣ много извозчиковъ, т. е. возницъ, которые, договорившись за весьма малую плату быстро доставляютъ пріѣзжаго къ мѣсту, имъ указанному. Климатъ въ ней довольно мягокъ и мѣстоположеніе ея весьма красиво; она поражаетъ своими, приблизительно, двумя тысячами церквей, кои почти всѣ каменныя и придаютъ городу великолѣпный видъ. Этой внѣшней красотѣ не мало способствуетъ семь, умѣренной высоты холмовъ, на которыхъ она отлого возвышается. Дома обывателей большею частью деревянные и имѣютъ очень мало оконъ; впрочемъ, между ними попадается много и каменныхъ, принадлежащихъ боярамъ и иноземцамъ. (Рейтенфельсъ. 92 стр.).

Всѣ куполы и верхушки въ Кремлѣ вызолочены, и такъ горятъ на солнцѣ, что видны мили за полторы, что и въ насъ при первомъ взглядѣ пробудило не малое уваженіе къ этому городу. (Танперъ, 59 стр.).

Въ Москвѣ находится до полумилліона жителей, и она состоитъ, собственно говоря, изъ трехъ расположенныхъ одинъ въ другомъ городовъ; каждый изъ нихъ огражденъ огромною стѣною и рвомъ, наполненнымъ водою для защиты Москвы отъ нападенія татаръ и поляковъ. Первый изъ нихъ называется Кремль, второй Бѣлгородъ, т. е. Бѣлый городъ, а третій Новгородъ т. е. Новый Городъ. Любопытнымъ для иностранцевъ является въ этомъ городѣ то, что въ декабрѣ мѣсяцѣ возводятся на площади 2000 деревянныхъ домовъ для восточныхъ и европейскихъ купцовъ. Князь Голицынъ построилъ также на Москвѣ рѣкѣ, впадающей въ Оку, каменный мостъ о 12-ти аркахъ, очень высокій, въ виду большихъ половодій; мостъ этотъ единственный каменный во всей Московіи, строилъ его польскій монахъ. (Невилль, 266 стр.).

2) Мосты на Москвѣ-рѣкѣ.

На рѣкѣ Москвѣ нѣсколько мостовъ, большая часть которыхъ утверждены на деревянныхъ сваяхъ. Мостъ близъ Кремля, насупротивъ воротъ второй городской стѣны, возбуждаетъ большое удивленіе: онъ ровный, сдѣланъ изъ большихъ деревянныхъ брусьевъ, пригнанныхъ одинъ къ другому и связанныхъ толстыми веревками изъ липовой коры, концы коихъ прикрѣплены къ башнямъ и къ противоположному берегу рѣки. Когда вода прибываетъ, мостъ поднимается, потому что онъ держится не на столбахъ, а состоитъ изъ досокъ, лежащихъ на водѣ; а когда вода убываетъ, опускается и мостъ. Когда подъѣзжаетъ, судно съ припасами для дворца изъ областей Казанской и Астраханской, съ Волги, изъ Нижняго, изъ Коломны и тѣхъ областей, чрезъ которыя протекаетъ эта рѣка—ибо она течетъ по направленію къ нимъ, когда подходятъ на суднѣ къ мостамъ, утвержденнымъ (на сваяхъ), то снимаютъ его мачту и проводятъ судно подъ однимъ изъ пролетовъ; когда же подходятъ къ упомянутому мосту, то одну изъ связанныхъ частей его освобождаютъ отъ веревокъ и отводятъ ее съ пути судна, а когда оно пройдетъ къ сторонѣ Кремля, снова приводятъ ту часть моста на ея мѣсто. Здѣсь всегда стоитъ множество судовъ, ко-

торыя привозятъ въ Москву всякаго рода припасы: намъ случалось видать суда, наполненныя куриными яйцами, кои доставляются изъ вышеупомянутыхъ мѣстностей. На этомъ мосту есть лавки, гдѣ происходитъ бойкая торговля; на немъ большое движеніе; мы постоянно ходили туда на прогулку. По этому мосту идетъ путь въ Калугу, Путивль, а также въ Смоленскъ и въ страну ляховъ: по нему безпрестанно движутся взадъ и впередъ войска. Всѣ городскія служанки, слуги и простолюдины приходятъ къ этому мосту мыть платье въ рѣкѣ, потому что вода здѣсь стоитъ высоко, въ уровень съ мостомъ. (Павелъ Алеппскій, 2 стр., вып. II).

3) Торговые площади и ряды.

Передъ Кремлемъ находится самой большой и лучшій рынокъ во всемъ городѣ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ, мужчинъ и женщинъ, рабовъ и праздношатающагося народу; не далеко отъ площади торговки имѣютъ свои лавочки съ полотняпымъ товаромъ; нѣкоторыя изъ торговокъ, стоя, торгуютъ мелкими вещами, держатъ во рту перстни, обыкновенно съ бирюзою, продаютъ ихъ, при чемъ, какъ сообщали мнѣ, нѣкоторыя изъ нихъ торгуютъ еще и кое-чѣмъ другимъ.

На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены извѣстныя мѣста и лавки для всякаго рода товаровъ и промышленныхъ издѣлій, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно найти только одинаковые товары. Продавцы шелковыхъ, суконныхъ товаровъ, золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, сапожники, портные, скорняки, шапочники и другіе, каждый имѣетъ свои особыя улицы, въ которыхъ и торгуютъ своими товарами. Такой порядокъ очень удобенъ, потому что каждый знаетъ, куда ему итти и гдѣ онъ можетъ купить то, или другое. Не далеко же отъ Кремля, въ улицѣ, идущей направо, находится ихъ иконный рядъ, гдѣ исключительно продаются писанные образа ихъ древнихъ Святыхъ. Русскіе, впрочемъ, куплю иконъ не называютъ куплею, а говорятъ, что они вымѣниваютъ ихъ на деньги, и при этомъ большого запроса не бываетъ.

Далѣе направо, когда пойдешь отъ Посольскаго двора въ Кремль, есть особая площадка, на которой Русскіе во время хорошей погоды сидятъ подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутся. Рынокъ этотъ, называемый у нихъ Вшивый, до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ точно по подушкѣ. (Олеарій, 110—111 стр.).

Передъ царскимъ дворцомъ и на сосѣднихъ площадяхъ постоянно производится торговля съѣстными припасами и иными предметами, необходимыми въ жизненномъ обиходѣ при густѣйшемъ стеченіи народа. Къ этому рынку примыкаетъ другой, полукругомъ расположенный, тянущійся почти на полмилліарія, гдѣ лавки для разнаго товара устроены такъ, что каждый отдѣльный, какой угодно, товаръ выставленъ для продажи только въ назначенномъ для него мѣстѣ. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ видишь шелковыя ткани, въ другомъ—шерсть, въ третьемъ—полотно; въ одномъ золотыя и серебряныя вещи, и драгоцѣнныя камни, въ другомъ—благовонія, въ третьемъ—иностранныя вина, причемъ до двухсотъ погребовъ расположено въ рядъ подъ землею, въ четвертомъ—разные, иного рода, напитки, приготовленнаго изъ меда, вишенъ и другихъ ягодъ. Однимъ взглядомъ можно увидѣть здѣсь въ одномъ мѣстѣ дорогіе мѣха разнаго рода, въ другомъ колокола, топоры, подсвѣчники, и иныя металлическія издѣлія, въ третьемъ—кожи, рукавицы, чулки, ковры, завѣсы и разныя

ткани. Особый рядъ занимаютъ масло, сало и ветчина, особый—свѣчи и воскъ, особый, наконецъ, разныя издѣлія изъ дерева. Въ кожаномъ ряду лежатъ кожаныя издѣлія: вожжи и прочая конская сбруя, въ мѣховомъ—шубы и шапки. Въ одномъ мѣстѣ выставлены лѣчебныя разныя зелья и травы, въ другомъ запоры, ключи, гвозди, далѣе—шелкъ нитками, капитель, украшенія для дѣвицъ, браслеты,—все въ особомъ мѣстѣ. Также продаются каждое въ своемъ особомъ мѣстѣ рыпка и обувь и поножи, и хмѣль, и ячная крупа, и рыба соленая, и сѣно, и овесъ. Не говоря уже о многомъ другомъ еще, и мукѣ, и зерновому хлѣбу и иным, всякаго рода, вещамъ и чинящимъ обувь и низенькимъ лавочкамъ цирульниковъ—всему точно опредѣленъ свой рядъ и всѣ они прекрасно и удобно расположены такъ, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее изъ всѣхъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ тѣхъ или другихъ товаровъ. Не мало увеличиваетъ красоту рынка то, что на немъ нѣтъ ни одного жилого помѣщенія, дабы, такимъ образомъ, держать огонь, сильно свирѣпствующій обыкновенно въ этомъ городѣ, какъ можно далѣе. По этой же причинѣ рынокъ тщательно оберегается сторожами и тѣ мастера, кои работаютъ съ огнемъ, живутъ въ отдаленномъ отъ рынка мѣстѣ. (Рейтенфельсъ, 96, 97 стр.).

Упомянутая выше площадь такъ обширна, что достаточна для торговыхъ помѣщеній всего города. Тамъ виноторговцы продаютъ разнаго рода вина —особенно романею (такъ они зовутъ мозельское), потомъ пертиментъ, т. е. испанское, потомъ ренское, фряжское и другія. За ними торгуютъ шелковыми матеріями, тканями турецкими и т. п. Потомъ золотыхъ дѣлъ мастера и такимъ образомъ, во всякомъ ряду свое производство; какъ-то: шорники, портные, токари въ весьма большомъ числѣ. Токари тѣмъ отличаются, что изъ цѣннаго дерева, которое называютъ они каповымъ деревомъ, кромѣ ложекъ (коими если ѣсть горячую похлебку, онѣ мякнутъ) умѣютъ по-своему выдѣлывать кубки изящной формы.

Между этимъ множествомъ торговцевъ больше всего мѣховщиковъ, торгующихъ въ этомъ именно мѣстѣ своимъ товаромъ; точно также и всѣмъ прочимъ, даже мелкимъ торговцамъ, назначено свое мѣсто, чтобы пріѣзжимъ покупателямъ не приходилось много распрашивать, гдѣ продаются нужные имъ товары. Есть еще одна большая улица, по которой проѣзжаетъ царь, куда бы ни отправлялся; она простирается отъ кремля и занята не иным кѣмъ, какъ живописцами. Они много дѣлаютъ образовъ на продажу, потому она у москвитянъ и заслужила названіе священной улицы.

Любо въ особенности посмотрѣть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянокъ: нанесутъ ли онѣ полотна, нитокъ, рубахъ или колецъ на продажу, столпятся ли такъ позѣвать отъ нечего дѣлать, онѣ поднимаютъ такіе крики, что новичекъ, пожалуй, подумаетъ, не горитъ ли городъ, не случилось ли внезапно большой бѣды. Онѣ отличаются яркой пестротой одежды. (Таннеръ, 61—62 стр.).

Ряды разбросаны отъ одного края площади до конца ея, и большая часть ихъ выстроена изъ камня; ставни лавокъ изъ чистаго желѣза и даже двери складовъ. Зимою вставляютъ въ окна, по ихъ размѣру, куски льда съ рѣки въ видѣ окошницъ: они просвѣчиваютъ лучше хрусталя. Напротивъ рядовъ находятся винные погребки, построенные изъ кирпича и камня, холодные лѣтомъ и теплые зимой. Для книгъ есть особый рядъ, для иконъ особый; есть рядъ для новыхъ облаченій, другой для колоколовъ, кадильницъ и водосвятныхъ сосудовъ; есть рядъ для ладана, другой—для свѣчей. Что касается ряда золотыхъ дѣлъ мастеровъ, то большая часть его

предназначена для серебряныхъ окладовъ иконъ и ихъ золоченія. Есть рядъ для монашескихъ мантій, рясъ и шапокъ и черныхъ савановъ, съ изображеніемъ крестовъ на нихъ. Въ каждомъ ряду есть большія сторожевыя собаки; отъ одного конца ряда до другого укрѣпляется длинная веревка, а на ней блокъ; когда наступитъ вечеръ, привязываютъ веревку къ шеѣ собаки, а также къ (блоку) той (длинной) веревки и собака безъ устали бѣгаетъ отъ начала ряда до конца. Есть рядъ для желѣзныхъ вещей: принадлежности для дверей, оконъ и пр.; большихъ котловъ, уполовниковъ, сковородъ—все изъ чистаго желѣза, превосходной работы. Есть рядъ для чудесныхъ выпуклыхъ и гладкихъ оконницъ изъ каменнаго хрусталя (слюды), который не ломается, но гибокъ, какъ бумага. Есть у нихъ рядъ, который они называютъ Битъ-базаръ, т. е. Ветошный рядъ; въ немъ продаютъ всевозможную одежду, оружіе и рѣдкости новыя и старыя. (Павелъ Алеппскій, 3—4 стр. вып. IV).

4) Городскія извозчики и полицейская стража.

У москвитянъ большая ѣзда изъ одной части города въ другую, чѣмъ и кормится множество не знающихъ никакого ремесла извозчиковъ. Все ихъ имущество—лошадь да деревянная повозка. Они поджидаютъ на городской площади сѣдоковъ и задешево, за нѣсколько нашихъ крейцеровъ, возятъ далеко. Народъ этотъ до того упрямъ, что встрѣтившись переломаютъ скорѣе другъ другу колеса, чѣмъ свернутъ съ дороги, коли встрѣчный сѣдокъ не вельможа. (Таннеръ, 71 стр.).

Городскіе сторожа, въ знакъ своей бдительности, въ ночное время ударяютъ столько разъ, сколько пробило часовъ. Такъ какъ множество караулящихъ съ оружіемъ городъ сторожей сильно безпокоило бы горожанъ и самого князя, если бы они для заявленія о своемъ бодрствованіи употребляли литавры, то они, слыша бой часовъ, ударяютъ у кремлевскихъ воротъ, какъ ближайшихъ къ часамъ, нѣсколько разъ колотушкою въ приспособленную для того доску; ближайшіе къ нимъ сторожа, заслышавъ это, бьютъ также въ доску, и, распространяя такимъ образомъ постепенно по городу всюду, гдѣ есть караульни, глухіе звуки ударовъ, заявляютъ тѣмъ о своей бдительности.

Кромѣ улицъ, по всей Москвѣ вымощенныхъ круглыми бревнами, двѣ главныхъ вымощены гладкими бревнами: одна—по коей царь ѣздитъ за городъ, другая—у нашего подворья. (Таннеръ, 64—65 стр.).

На всѣхъ перекресткахъ по ночамъ разставляется крѣпкая стража изъ стрѣльцовъ, или солдатъ, и строго воспрещается по ночамъ ходить, ѣздить въ экипажахъ, или верхомъ, на улицѣ безъ фонаря, или огня, причемъ стража спрашиваетъ: куда и за чѣмъ идетъ, или ѣдетъ человѣкъ? Встрѣченные безъ огня задерживаются и отводятся въ Стрѣлецкій Приказъ, гдѣ на другой день допрашиваются и, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или отпускаются на свободу, или же подвергаются пыткѣ. (Олеарій, 188 стр.).

Не проходитъ ночи, чтобы на утро не найдено было на улицахъ нѣсколькихъ мертвыхъ тѣлъ. Такія убійства чаще совершаются въ большіе ихъ праздники, преимущественно на Масляной недѣлѣ, въ теченіе 8-ми дней передъ Великимъ Постомъ, когда Русскіе цѣлые дни пьянствуютъ до безумія. Въ бытность нашу въ Москвѣ, въ теченіе 11 дней ноября мѣсяца, было поднято 15 человѣкъ убитыхъ, какъ оказалось по счету на Земскомъ

Дворѣ. На этотъ Земскій Дворъ свозятъ утромъ мертвыя тѣла, и если кто увидитъ, что кто-нибудь изъ семейныхъ не ночевалъ дома, то идетъ искать пропавшаго на этотъ Земскій Дворъ. Если мертвое тѣло не будетъ признано никѣмъ за своего, и не будетъ поэтому увезено для погребенія домой, то его хоронятъ безъ похороннаго обряда. (Олеарій, 188 стр.).

5) Пожары и мѣры противъ нихъ.

Во время нашего пребыванія нѣсколько разъ случалось такъ, что почью мы видѣли огонь въ трехъ, или четырехъ мѣстахъ въ одно и то же время. Не задолго до пріѣзда нашего въ Москву въ ней выгорѣла цѣлая треть города, и то же самое повторилось тамъ и 4 года тому назадъ.

При подобныхъ несчастіяхъ наряжаются стрѣльцы и особая стража, которые должны дѣйствовать противъ огня; но огонь тамъ никогда не тушатъ водою, а прекращаютъ распространеніе его тѣмъ, что ломаютъ близъ стоящія строенія, для того, чтобы огонь, потерявъ свою силу, потухъ самъ собою. Для этой-то цѣли каждый солдатъ и ночной сторожъ долженъ носить при себѣ топоръ.

Въ каменныхъ палатахъ и подвалахъ (сводахъ), для предохраненія отъ сосѣдняго пожара, дѣлаются маленькія оконца, которыя въ подобныхъ случаяхъ закрываются ставнями изъ листового желѣза. Но погорѣльцы, потерявшіе дома свои отъ пожара, скоро поселяются въ новыхъ: въ Москвѣ, за Бѣлой стѣной, есть особый рынокъ разныхъ построекъ, и тамъ стоитъ множество совсѣмъ сложенныхъ и разобранныхъ домовъ, которые покупаются, перевозятся съ небольшими издержками на мѣсто и быстро устанавливаются.

Улицы въ Москвѣ довольно широки, но осенью и вообще въ дождливую погоду ужасно грязны, и грязь тамъ глубокая; поэтому лучшія улицы выложены деревянной мостовой, состоящей изъ положенныхъ одно подлѣ другого бревенъ, по которымъ ходятъ и ѣздятъ, какъ по мосту. (Олеарій, 107—108 стр.).

Въ городѣ поставленъ субаши [1]), который объѣзжаетъ его ночью и днемъ, изъ опасенія пожара. Въ это лѣто они запечатали лежанки и печи, кои открываютъ только по четвергамъ, чтобы жители могли испечь въ нихъ хлѣбы. Всякаго, у кого замѣтятъ дымъ, выходящій изъ дома, тащатъ, бьютъ, заключаютъ въ тюрьму и берутъ съ него большой штрафъ. Вся эта строгость существуетъ ради пожаровъ и эта мѣра весьма стѣснительна. Когда варятъ кушанье на открытомъ дворѣ, то боятся, чтобы вѣтеръ не разнесъ огонь и не загорѣлись окружающіе дома, ибо всѣ дома въ этой странѣ, какъ мы сказали, деревянные. Жизнь ихъ очень мрачна, подобно какъ въ Константинополѣ и его округѣ, даже хуже, ибо много разъ по ночамъ случался большой пожаръ: куда было бѣжать имъ, бѣднымъ обитателямъ этихъ домовъ и кварталовъ, что дѣлалось съ ихъ вещами? По этой причинѣ (жители) каждой улицы держатъ свои сундуки въ своей каменной церкви, изъ опасенія подобнаго (бѣдствія). Если случится пожаръ ночью, или днемъ, изъ того квартала даютъ объ этомъ знать: спѣшатъ на колокольню и бьютъ въ колоколъ объ одинъ край, чтобы услышали сторожа, находящіеся постоянно на кремлевской стѣнѣ; именно: съ четырехъ сторонъ кремлевской стѣны надъ каждыми воротами есть деревянная палатка, въ родѣ келейки,

---

[1]) Субаши—полицейскій офицеръ.

господствующая высоко надъ окрестностями; тамъ виситъ большой колоколъ, обращенный къ одной изъ сторонъ города. Сторожа наблюдаютъ постоянно лѣтомъ и зимой, поочередно, ночью и днемъ, и какъ только замѣтятъ огонь, хотя бы за землянымъ валомъ, сильно звонятъ въ колоколъ объ одинъ край, причемъ колоколъ издаетъ весьма непріятный звукъ. Услышавъ его звонъ, всѣ ратники, находящіеся въ той сторонѣ, тотчасъ узнаютъ, гдѣ пожаръ, спѣшатъ съ сѣкирами и кирками, разрушаютъ все, что кругомъ пожара и тушатъ его. Если пожаръ великъ, является и народъ, а кто полѣнится и не придетъ, тотъ подвергается строгому наказанію отъ субаши и большому штрафу. (Павелъ Алеппскій, 9, 10 стр. вып. IV).

6) Подмосковныя слободы и загородные дворцы.

Прямо противъ Кремля, на той сторонѣ рѣки, лежитъ Стрѣлецкая слобода, населенная княжескими солдатами и раздѣленная, въ виду ихъ многочисленности, на 8 кварталовъ—имъ только и позволяется имѣть тутъ дома. Ихъ обязанность—охранять Великаго Князя; каждому изъ нихъ изъ княжеской казны дается ежегодно и жалованье, и одинаковаго цвѣта одежда; престарѣлые и негодные на службу на княжескій же счетъ содержатся съ женами и дѣтьми во многихъ назначенныхъ для того богадѣльныхъ до самой смерти. Такъ какъ для незнающихъ число ихъ можетъ показаться превышающимъ вѣроятіе, то счелъ лучше умолчать о немъ, скажу только одно, что солдатъ, охраняющихъ г. Москву, свыше 50 тысячъ.

Этотъ солдатскій городъ крѣпокъ столько же силой и множествомъ воиновъ, сколько и своимъ положеніемъ. Съ одной стороны обтекаетъ его полукругомъ р. Москва, съ другой защищаютъ двойнымъ рядомъ стѣны. Онъ стоитъ оплотомъ городу Москвѣ, ибо тутъ то и происходили у москвитянъ схватки съ татарами, съ этой то стороны и могли только вторгаться эти злѣйшіе ихъ враги. Кромѣ торговцевъ разными дешевыми товарами—чеснокомъ, лукомъ, хлѣбомъ, они никому не позволяютъ жить здѣсь съ солдатами.

Близъ самой рѣки тамъ есть еще большой садъ и большой лугъ, гдѣ пасутся царскія лошади. (Таннеръ, 67—68 стр.).

Изъ предмѣстій главное—Иноземская слобода или Кокуй, отстоящая отъ послѣдняго городского окопа лишь на разстояніи небольшого поля, съ постройками также деревянными, возведенными по правиламъ и образцамъ нѣмецкимъ; здѣсь нѣмцы живутъ отдѣльно отъ русскихъ и посѣщаютъ три лютеранскихъ церки, двѣ—кальвинистскихъ, одну голландскую, одну англиканскую, кои не имѣютъ, однако, колоколовъ. Управляются они не выборными изъ ихъ среды начальниками, но подчинены придворному суду. (Рейтенфельсъ, 93 стр.).

Къ той части города, гдѣ на фабрикахъ работаютъ нѣмцы, прилежитъ ровная мѣстность. Она полюбилась Царю, и онъ для своего удовольствія устроилъ и развелъ въ ней сады, изъ коихъ одинъ убранъ на подобіе садовъ итальянскихъ, а другой обращаетъ вниманіе тремя стами съ изящными верхушками башенокъ, расположенныхъ по оградѣ съ рѣдкимъ искусствомъ, и тѣмъ сдѣлалъ мѣстность эту еще лучше. Полюбивъ это мѣсто больше прочихъ, Царь поставилъ себѣ за правило въ хорошую погоду еженедѣльно ѣздить туда,—поглядѣть, погулять и распорядиться, коли что нужно для украшенія. (Таннеръ, 70 стр.).

Въ небольшихъ разстояніяхъ отъ города, виднѣются нѣсколько лѣтнихъ дворцовъ, назначенныхъ для отдохновенія Царей, куда они имѣютъ

обыкновеніе, по временамъ, удаляться, дабы собраться съ новыми душевными силами. Среди нихъ не послѣднее мѣсто принадлежитъ селу Измайлову, обладающему знаменитымъ обширнымъ садомъ съ четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. Въ разстояніи приблизительно полумили отъ него находится богатѣйшій звѣринецъ, или, лучше сказать, лѣсъ, обнесенный заборомъ и наполненный стадами разныхъ животныхъ, а близъ него изящное зданіе для приготовленія лекарствъ съ садомъ врачебныхъ растеній. Таковъ-же и Коломенскій загородный дворецъ, который, кромѣ прочихъ украшеній, представляетъ достойнѣйшій обозрѣнія родъ постройки, хотя и деревянной, такъ что весь онъ кажется точно только что вынутымъ изъ ларца, благодаря удивительнымъ образомъ искусно исполненнымъ рѣзнымъ украшеніямъ, блистающимъ позолотою. Не буду уже ничего здѣсь еще присовокуплять о Преображенскомъ, тоже величавомъ и живописномъ лѣтнемъ мѣстопребываніи. (Рейтенфельсъ, 93 стр.).

Религія и духовенство.

1) Религіозные догматы и обряды.

Всѣ многочисленныя племена, подвластныя москвитянамъ, (за исключеніемъ Казанскихъ Татаръ, исповѣдающихъ, наравнѣ съ прочими Татарами, Магометанскую вѣру и нѣкоторыхъ Скифскихъ народовъ, поклоняющихся идоламъ) вѣруютъ въ единаго Бога, признаютъ Христа Спасителя и отличаются отъ насъ только тѣмъ, что отвергаютъ единство церкви. Существенная же разница между ихъ вѣроисповѣданіемъ и нашимъ состоитъ въ немногихъ догматахъ, которые впрочемъ—сами по себѣ не слишкомъ важны для душевнаго спасенія и могутъ, по собственнымъ словамъ Апостола, скорѣе быть терпимы, чѣмъ искореняемы жестокостью, или поставляемы въ грѣхъ, не совсѣмъ еще утвердившимся въ вѣрѣ. Во всемъ прочемъ они, кажется, лучше насъ слѣдуютъ ученію Евангельскому. Обмануть другъ друга почитается у нихъ ужаснымъ, гнуснымъ преступленіемъ; прелюбодѣяніе, насиліе и публичное распутство также весьма рѣдки; противоестественные пороки совершенно неизвѣстны, а о клятвопреступленіи и богохульствѣ вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитаютъ Бога и Святыхъ Его и вездѣ, гдѣ только встрѣчается образъ Распятаго, немедленно падаютъ ницъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ. (Кампензе, 33—34 стр.).

Относительно вѣроисповѣданія и богослуженія московитовъ, я скажу, что насколько мнѣ удалось узнать о семъ, они считаютъ себя и тѣхъ, кто придерживается съ ними одной вѣры, самыми настоящими и лучшими христіанами; насъ же они не признаютъ вовсе за христіанъ, а называютъ прямо погаными, т. е. язычниками. А между тѣмъ они такіе сластолюбцы, безбожники, обманщики и лжецы, что нельзя и описать, въ чемъ мы достаточно убѣдились, проживъ среди нихъ полгода. На мой взглядъ, едва-ли найдется гдѣ, въ свѣтѣ, другая такая страна, гдѣ бы господствовалъ такой развратъ и безстыдство. На сколько я могъ замѣтить, они ни во что не ставятъ десяти заповѣдей и слегка наказываютъ нарушающихъ ихъ. (Какашъ и Тектандеръ, 19 стр.).

Русскіе не учатся никакому другому языку, кромѣ своего роднаго, и не допускаютъ другого языка между собой. Вся ихъ служба въ церквахъ совершается на родномъ языкѣ. У нихъ есть ветхій и новый завѣтъ, кото-

рый ежедневно читается, но суевѣріе не уменьшается; когда священники читаютъ, то такъ странно, что никто не можетъ ихъ понять, да никто и не слушаетъ ихъ; пока они читаютъ, народъ сидитъ и болтаетъ. Когда же священникъ совершаетъ службу, никто не сидитъ, а всѣ гогочутъ и кланяются, какъ стадо гусей; на молитвы они отвѣчаютъ только «Господи Помилуй». И одна десятая населенія не сумѣетъ прочитать «Отче нашъ», а «вѣрую» никто и не рѣшится читать, развѣ, какъ въ церкви; по ихъ мнѣнію это можно читать только въ церквахъ.

О заповѣдяхъ они держатся того мнѣнія, что онѣ даны Моисею въ законѣ, который отмѣненъ теперь безцѣнными страданіями и смертью Христа, отчего мы (говорятъ Русскіе) и не соблюдаемъ ихъ почти. (Ченслеръ, 10—11 стр.).

Москвитяне причащаются весьма часто (почти всякій разъ, когда собираются въ церковь) и употребляютъ для сего хлѣбъ кислый, принимая святые дары подъ двумя видами. Службъ у нихъ немного и не по нѣскольку вдругъ; но одинъ священникъ, отправляющій служеніе, пріобщившись самъ Таинъ Христовыхъ, выноситъ къ народу, въ церкви находящемуся, сосудъ, наполненный, по ихъ обыкновенію, хлѣбомъ и виномъ; каждый беретъ изъ сосуда часть освященнаго хлѣба, напоеннаго виномъ и причащается изъ своихъ рукъ. Въ церквахъ незамѣтно ничего неблагопристойнаго или безчиннаго; напротивъ того всѣ, преклонивъ колѣни или простершись ницъ, молятся съ искреннимъ усердіемъ. (Кампензе, 34—35 стр.).

Въ дѣлахъ вѣры они (Московитяне) почти сходствуютъ съ греками; священники ихъ женатые, они почитаютъ образа въ своихъ церквахъ, крестятъ дѣтей, во имя Святой Троицы и освящаютъ воду для каждаго младенца особенно. Въ городахъ по церквамъ и монастырямъ у нихъ много звонятъ, особенно въ городѣ Москвѣ, гдѣ, говорятъ они, до 1500 церквей и монастырей, въ коихъ до 10000 монаховъ; тамъ нельзя и сказать, сколько бываетъ звона; однако же звонятъ другимъ образомъ, нежели у насъ. Ихъ церкви низкой постройки, очень красивы, съ красными башенками; возлѣ нихъ обыкновенно отдѣльныя строенія, гдѣ висятъ ихъ колокола, которые, впрочемъ, неподвижны, но къ языкамъ у нихъ привязываютъ веревки, при томъ всегда, каждый колоколъ больше другого и соблюдается особенная равномѣрность при звонѣ. Послѣ звона приходитъ въ церковь священникъ и церковнослужители, ставятъ у алтаря свѣчи и служатъ свою обѣдню; народъ, стоящій внутри и внѣ церкви, возлагаетъ на свои чело и перси крестное знаменіе, восклицая съ глубокимъ вздохомъ: «Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!». Да еще что-нибудь, кто что заучитъ, это общая ихъ молитва. «Отче нашъ» знаютъ тамъ очень немногіе. Принимаютъ Причастіе Господа Іисуса подъ обоими видами. Никто изъ нихъ не кропитъ себя самъ святою водой, потому что кропитъ ихъ священникъ. У нихъ много разныхъ постовъ въ году. (Варкочъ, 33 стр.).

2) Иконопочитаніе.

Во всей странѣ нѣтъ ни одного учителя для наставленія народа, такъ что многіе, большая часть бѣдняковъ, на вопросъ «сколько Боговъ»— отвѣтила бы «очень много», такъ какъ они считаютъ всякій имѣющійся у нихъ образъ за Бога. Въ этой странѣ всѣ, и Царь, крестятся передъ образами и кланяются имъ головой до земли, серьезно прося помочь имъ въ дѣлахъ, въ которыхъ нуждаются. Всѣ обязаны по закону имѣть образа въ въ домахъ, и на всѣхъ воротахъ въ каждомъ городѣ и городкѣ поставлены

образа, предъ которыми народъ крестится и кланяется и бьетъ головой о землю; тоже когда проходятъ мимо церкви или креста. При входѣ въ домъ Русскіе перекрестятся сначала три или четыре раза, и затѣмъ уже здороваются съ находящимися тамъ.

Касаться и дотрогиваться до образовъ, до самыхъ изображеній русскіе считаютъ большимъ грѣхомъ; они сохраняютъ образа очень заботливо: богатые покрываютъ сверху и кругомъ золотомъ, серебромъ и дорогими каменьями и завѣшиваютъ парчей. (Неизвѣстный Англичанинъ, 24—25 стр.).

Въ церквахъ образа размѣщаются по внутреннимъ стѣнамъ, кругомъ повѣшенныя набожностью частныхъ лицъ. Если владѣлецъ образа застаетъ передъ нимъ кого-нибудь за молитвой, этотъ богомолецъ сейчасъ же услышитъ брань себѣ: «Съ чего это ты забралъ себѣ въ голову перехватывать даромъ воровскими своими молитвами милости образа, которыя по праву слѣдуютъ тому, кто его вымѣнялъ? Заведи себѣ самъ какого-нибудь Бога, да и молись ему, сколько душѣ угодно, а чужими не пользуйся!». Опъ и не надѣйся унять такого ругателя, пока не успокоитъ его уплатой чего-нибудь изъ цѣны той вещи, на которую былъ вымѣненъ образъ. Буде же кто лишенъ будетъ, по приговору Церкви, общенія съ прочими христіанами, тому же наказанію подвергается и его святой образъ, который тогда выносится изъ церкви и вручается отлученному отнести домой къ себѣ; послѣ же, когда примирится съ Церковью, принимаютъ туда и его образъ. (Майербергъ, 50—51 стр.).

У всѣхъ нихъ на дверяхъ домовъ и лавокъ и на улицахъ выставлены иконы и всякій входящій и выходящій обращается къ нимъ и дѣлаетъ крестное знаменіе; также всякій разъ, когда они проходятъ мимо дверей церкви, издали творятъ поклоны предъ иконой. Равно и надъ воротами городовъ, крѣпостей и укрѣпленій непремѣнно бываетъ икона Владычицы внутри и икона Господа снаружи въ задѣланномъ окнѣ и передъ ней ночью и днемъ горитъ фонарь; на нее молятся входящіе и выходящіе. (Павелъ Алеппскій, 109, 110 стр., вып. II).

3) Церкви.

Они строятъ свои храмы и церкви преимущественно въ вышину, и почти на турецкій ладъ, съ пятью или тремя круглыми башнями, съ большими тройными крестами на нихъ, намекая симъ на Пр. Троицу. Проходя мимо какой-либо церкви, они крестятся, или ударяютъ себя по головѣ, наклоняя ее. Колокола у нихъ въ большомъ употребленіи, но они звонятъ въ нихъ совсѣмъ иначе, нежели это дѣлается у насъ, а именно, ударяя языкомъ колокола то въ одинъ бокъ, то въ другой. Въ церквахъ у нихъ нѣтъ ни лавокъ, ни стульевъ, а только наверху кругомъ всей церкви, снаружи, идетъ крытый ходъ; сама же церковь снабжена многими маленькими и узенькими оконцами. Народъ стоитъ передъ дверьми церкви, или заглядываетъ извнѣ въ эти оконца, крестится и, такимъ образомъ, они молятся. Люди побогаче покупаютъ для церкви собственныя изображенія, украшаютъ ее этими расписанными дощечками, прилѣпляютъ къ нимъ свѣчи, и зажигая сіи послѣднія, нерѣдко зажигаютъ и всю свою усадьбу. Каждый домохозяинъ, будь онъ бѣденъ, или богатъ—имѣетъ также у себя въ домѣ своего особаго святого, нарисованнаго на доскѣ и висящаго позади стола, либо св. Николая, либо Василія, либо четырехъ Архангеловъ, либо еще кого-нибудь, т. е. они поклоняются безчисленному количеству святыхъ. (Какашъ и Тектандеръ, 20 стр.).

Церкви большею частью строятся высокими и изящными изъ кирпича. Почти всѣ они увѣнчаны нѣсколькими маленькими круглыми башенками и одною побольше, которыя мосхи весьма изящно украшаютъ разнаго рода рѣзьбою, если храмъ деревянный, и наполняютъ многими и большими колоколами. Внутри сами храмы не имѣютъ ни одной скамейки, лишь алтарь въ нихъ окруженъ рѣшеткою и безчисленными изображеніями святыхъ и освѣщается онъ лампадами и очень маленькими и узенькими окнами. Кромѣ того, эти храмы часто такъ малы, что не выходя за предѣлы названныхъ башенъ, находятся съ ними подъ одною крышею, состоящей изъ разноцвѣтныхъ черепицъ, или свинцовыхъ или мѣдныхъ листовъ, иногда покрытыхъ золотомъ. (Рейтенфельсъ, 153, 154 стр.).

Въ городѣ Москвѣ въ такомъ множествѣ наполненъ церквами, что сами жители говорятъ, будто едва ли можно опредѣлить ихъ число; однако, насчитываютъ до 700 церквей (сколько общая молва говоритъ,—ихъ тысяча семьсотъ). На ихъ крышахъ—остроконечная башня; сбоку храма или даже на башнѣ мало-мало по восьми колоколовъ, приспособленныхъ для произведенія музыкальной гармоніи; каждая кровля церкви украшается восемью тоже башенками поменьше (куполами сказали бы мы), изъ коихъ каждая осѣнена золотымъ крестомъ формы совершенно искаженной—восьмиконечнымъ. (Таннеръ, 58—59 стр.).

Они любятъ также строить церкви и всякій бояринъ, прежде чѣмъ выстроить домъ, воздвигаетъ часовню и содержитъ сообразно съ своими средствами большее или меньшее количество монаховъ. Въ Москвѣ находится 1200 церквей, выстроенныхъ изъ камня, куполообразной формы, что придаетъ имъ мрачный видъ. Всѣ онѣ имѣютъ по пяти башенокъ съ колоколами, на каждой башенкѣ находится четыреугольный крестъ, изъ которыхъ самый малый имѣетъ высоту 3-хъ локтей. Самые великолѣпные храмы Москвы суть: церковь Богоматери и церковь Архангела Михаила, около царскаго дворца. Куполъ и башенки покрыты позолоченою мѣдью, а кресты вызолочены серебромъ. Внутренность этихъ церквей раскрашена подъ мозаику. (Невилль, 273 стр.).

4) Черное духовенство и церковная іерархія.

Когда мы услыхали, что въ монастырской церкви хранится образъ Пресвятой Дѣвы, выросшій на деревѣ и славный многими чудесами, намъ пришло благочестивое желаніе поклониться ему, какъ счастливому предзнаменованію при нашемъ въѣздѣ въ Россію. Вотъ мы и попросили пристава позволить намъ войти въ церковь. На словахъ онъ позволилъ это, а на дѣлѣ отказалъ. Потому что послалъ напередъ предупредить ключаря, чтобы отнюдь не давалъ намъ этого позволенія, и когда мы подошли къ церкви, онъ никакъ не могъ добиться для насъ входа туда. Послѣ ужъ узнали мы, что Московитяне запрещаютъ людямъ иноземной вѣры входить въ свои церкви (что дѣлали они въ старину, то и впередъ будутъ дѣлать). И если кто изъ любопытства проберется туда тайкомъ, они сейчасъ же выводятъ его, схвативши за плечи, и выметаютъ послѣ него полъ, чтобы очистить его отъ осквернения поганымъ прикосновеніемъ. Да даже не хотятъ вносить въ церкви и книгъ Ветхаго Завѣта, чтобы не осквернить своихъ церквей, говоря, что въ этихъ книгахъ написано много непристойнаго и предосудительнаго. Частные люди изгоняютъ ихъ даже и изъ своихъ домашнихъ божницъ, а монахамъ вовсе запрещено читать оныя (кромѣ Псалтыря и нѣсколькихъ мѣстъ изъ Пророковъ).

Въ этомъ монастырѣ, такъ же какъ и въ прочихъ, весьма многочисленныхъ въ Московіи, монахамъ предписаны самыя строгія правила—по достохвальному Уставу Василія Великаго. Мясо запрещено имъ совсѣмъ. Дозволены только рыба, яйца, и молочныя кушанія, да и того не положено по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, въ продолженіи всего года, если только эти дни не праздничные, такъ же и во весь сорокодневный (Великій) постъ (кромѣ годовыхъ праздниковъ Благовѣщенія и торжественнаго входа Господня въ Царскій Градъ). Тогда не позволено также пить водку ни чистую, ни съ водой, ни пива, а утолять жажду только чистой водой, или кислой, отъ положенной въ нее закваски и называемой на русскомъ нарѣчіи квасомъ. Всѣмъ имъ велѣно бывать за общею молитвою въ церкви въ установленные часы и ночью, и на разсвѣтѣ. Однако, жъ эти священнѣйшія установленія обращаютъ въ посмѣяніе почти всѣ монахи, нарушающіе ихъ даже въ монастырскихъ стѣнахъ, а всего чаще внѣ ихъ: вкусно накормленные у знакомыхъ или родныхъ, они потопляютъ въ питьѣ разныхъ напитковъ унынie духа, навѣянное строгимъ воздержаніемъ. А тутъ поднимаютъ ссоры, споры, волокитство и, откинувъ всякое приличіе, слоняются по городскимъ улицамъ, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ дрянныхъ телѣженкамъ, нерѣдко сами и правятъ, въ платьѣ, испачканномъ тысячью пятенъ и замаранномъ въ глубокой грязи: такъ и учатъ народъ, чтобы онъ истребилъ въ себѣ предвзятое мнѣніе объ ихъ святости не зельемъ какимъ-нибудь, а положительнымъ свѣдѣніемъ, и не ставилъ бы въ грошъ ихъ, пренебрегая должнымъ, при другихъ условіяхъ, уваженіемъ къ монашескому призванію. Въ числѣ монаховъ въ каждомъ монастырѣ имѣется игуменъ и старшій по немъ, да два, три монаха въ священническомъ санѣ, и исправляютъ божественную службу по очереди. Но и они тоже не выше другихъ по святости, да еще какъ бы подружившись съ божествомъ по случаю частаго совершенія жертвы, грѣшатъ гораздо безстыднѣе, не будучи связаны ни страхомъ ни благоговѣніемъ. И это тѣмъ еще болѣе, что самыя важныя преступленія между ними обыкновенно наказываются только очень легкимъ выговоромъ. (Майербергъ, 40—41 стр.).

Митрополитъ ближайшее лицо къ Богу, послѣ Богородицы и Св. Николая. Царь признаетъ Митрополита высшимъ себя, потому что говоритъ: «Митрополитъ духовный намѣстникъ Бога, а я же Царь только временный». Вслѣдствіе этого Его Величество во многихъ церковныхъ обрядахъ преклоняется предъ Митрополитомъ, напр. водитъ митрополичью лошадь на Вербное Воскресенье, допускаетъ, что въ крещеніи при освященіи рѣки Москвы Митрополитъ сидитъ, а онъ Царь, стоитъ на льду. Всѣ дѣла, касающіяся религіи, направляются Митрополитомъ; онъ выслушиваетъ дѣла и произноситъ приговоры по собственному желанію, и онъ имѣетъ право такъ поступать; хотя бы Митрополитъ приговорилъ кого высѣчь кнутомъ или повѣсить, или сжечь—его воля должна быть непремѣнно исполнена. Въ Россіи очень много монаховъ и монахинь, очень много большихъ и богатыхъ монастырей, которые оказываютъ величайшее гостепріимство и постоянно много помогаютъ бѣдному люду. Я былъ въ одномъ изъ монастырей, называемымъ Троицкимъ; онъ обнесенъ каменной оградой, очень прочный, наподобіе замка, на стѣнахъ много бронзовыхъ орудій. Сами монахи мнѣ разсказывали, что до 700 братьевъ принадлежатъ этой обители. Кругомъ на 40 миль монастырю принадлежитъ большая часть земель, городовъ и деревень. Мнѣ показывали церковь, въ которой столько образовъ, сколько только можно повѣсить на стѣнахъ, даже потолокъ весь разрисо-

ванъ образами. Главный образъ Богородицы съ золотою ризою, украшенный обильно рубинами, сапфирами и другими дорогими каменьями. Посреди церкви стояло до 13 восковыхъ свѣчей, въ 2 арш. длины и около сажени въ толщину; тутъ же стоитъ котелъ съ воскомъ, около 100 ф. воску, въ которомъ постоянно горитъ свѣтильня, какъ бы лампада не погасимая ни днемъ, ни ночью.

Монахи показывали мнѣ гробъ покрытый парчей въ одной сторонѣ церкви, въ которой по ихъ повѣствованію, лежитъ святой, ничего не ѣвшій и не пившій, и что онъ нетлѣненъ. Они сообщали мнѣ, (полагая, что я вѣрю имъ), что онъ исцѣляетъ многія болѣзни, даруетъ слѣпымъ прозрѣніе и др. под. чудеса, но я не повѣрилъ, потому что во время моего пребыванія тамъ не видалъ ни одного чуда, совершеннаго святымъ. Затѣмъ монахи свели меня въ погребъ и заставили попробовать различныхъ напитковъ: винъ, пива, меду и квасовъ различныхъ цвѣтовъ и способовъ выдѣлки. Въ ихъ погребахъ такое множество напитковъ, что полагаю, немного и государей имѣютъ больше или столько же. Здѣшнія посудины или бочки неизмѣримой величины; нѣкоторыя имѣютъ по 3 и болѣе аршина въ высоту и 2 и больше аршинъ въ діаметрѣ на днѣ; каждая бочка содержитъ отъ 6 до 7 тоннъ, въ погребахъ пѣтъ бочки собственнаго ихъ издѣлія, которая содержала бы меньше тонны. Въ монастырѣ 9 или 10 подваловъ, наполненныхъ такими бочками; бочки эти рѣдко сдвигаются съ мѣста: у нихъ есть трубы, проходящія сквозь своды подваловъ въ различныя мѣста, по нимъ то они и льютъ питья внизъ, подставляя бочку подъ трубой для пріема напитковъ; было бы очень трудно стаскивать бочки внизъ по лѣстницамъ.

Монахи раздаютъ хлѣбъ, мясо и питье всѣмъ приходящимъ къ нимъ, не только во время пребыванія ихъ въ монастырѣ, но и на дорогу. Такихъ монастырей въ государствѣ очень много, и Царь часто ѣздитъ изъ одного монастыря въ другой, проживая въ каждомъ дня три или четыре. Здѣшніе монахи не уступятъ никому изъ русскихъ въ торговлѣ, они занимаются столько же сколько и другіе покупкой и продажей, держатъ суда плавающіе съ товарами съ мѣста на мѣсто, гдѣ только есть кто-нибудь изъ ихъ области. Говорятъ, что въ теченіе всей своей жизни монахи не ѣдятъ мясо; по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ имъ по закону дозволяется ѣсть яйца, масло, сыръ, молоко; рыбу во всякое время. Вотъ какъ монахи проводятъ свою жизнь.

Носятъ они черное платье, и никто другой во всей странѣ не носитъ такого, а только въ монастыряхъ. (Неизвѣстный Англичанинъ, 22, 23, 24 стр.).

Ежегодный доходъ Патріарха съ помѣстьевъ (кромѣ другихъ статей) простирается до 3000 рублей или марокъ, а Митрополитовъ и архіепископовъ до 2500 рублей. Изъ епископовъ одни получаютъ 1000 рублей, другіе 800, иные 500, и проч. Были и такіе, которымъ приходилось даже (какъ сказывали мнѣ) десять или двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ, какъ, напримѣръ, Митрополитъ Новгородскій.

Одежда ихъ (когда они бываютъ въ полномъ облаченіи и въ торжественныхъ случаяхъ): митра на головѣ, на подобіе папской, осыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, риза, обыкновенно изъ золотой парчи, изукрашенная жемчугомъ, и жезлъ въ рукѣ, обдѣланный густо вызолоченнымъ серебромъ, съ крестомъ на верхнемъ концѣ, или загнутый на подобіе пастушескаго посоха. Обыкновенная же одежда ихъ, когда они

выѣзжаютъ или выходятъ со двора: клобукъ на головѣ чернаго цвѣта, который спускается сзади, а спереди накрываетъ подобно капюшону. Верхняя одежда ихъ (называемая рясою) есть мантія изъ черной шелковой матеріи со многими нашитыми на ней полосами бѣлаго атласа, каждая шириною около двухъ пальцевъ, и пастырскій жезлъ, который всегда носятъ впереди ихъ. Сами они идутъ вслѣдъ за нимъ, благословляя народъ двумя перстами съ удивительной граціей.

Избраніе или назначеніе епископовъ и прочихъ духовныхъ лицъ зависитъ совершенно отъ Царя. Ихъ всегда опредѣляютъ на мѣста изъ монастырей, такъ что нѣтъ ни одного епископа, архіепископа или митрополита, который бы не былъ прежде монахомъ, а по этой причинѣ всѣ они холостые и должны оставаться въ безбрачномъ состояніи, давая обѣтъ цѣломудрія при самомъ своемъ постриженіи. Какъ скоро Царь изберетъ кого-либо по своему желанію, то его посвящаютъ въ соборной церкви той епархіи, къ которой онъ принадлежитъ, со многими обрядами, весьма сходными съ тѣми, какъ посвящаютъ и въ папской церкви. Есть у нихъ также діаконы и архидіаконы.

Что касается до объясненія въ проповѣдяхъ слова Божія, поученія или увѣщаній, то это у нихъ не въ обычаѣ и выше ихъ знаній, потому что все духовенство не имѣетъ совершенно никакихъ свѣдѣній ни въ другихъ предметахъ, ни въ словѣ Божіемъ. Обыкновенно, только два раза въ годъ, именно, перваго сентября (который считается у нихъ первымъ днемъ года) и въ день Св. Іоанна Крестителя, каждый митрополитъ, архіепископъ и епископъ въ своей соборной церкви говорятъ народу обычную рѣчь такого или почти такого содержанія: если кто имѣетъ злобу на своего ближняго, то долженъ ее оставить; если кто замышляетъ заговоръ или бунтъ противъ своего Государя, то да остережется; если кто не соблюдалъ постовъ и обѣтовъ и не исполнялъ прочихъ своихъ обязанностей по уставу церковному, тотъ да исправится, и проч. Но такова и самая форма, потому что вся рѣчь содержитъ въ себѣ именно столько же словъ, и отнюдь не болѣе, сколько мною исчислено. Несмотря на это, она произносится весьма торжественно, надъ аналоемъ, нарочно для того поставленнымъ, какъ будто бы проповѣдникъ собирался читать пространное разсужденіе о существѣ Божіемъ. (Флетчеръ, 94—96 стр.).

Они имѣютъ своего особаго Папу въ Москвѣ, котораго они называютъ Патріархомъ и котораго московиты почитаютъ, какъ Бога, и держатъ въ строгомъ заключеніи. Его можно видѣть лишь три раза въ годъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ онъ служитъ обѣдню въ главные праздники. Въ эти дни бываетъ такое стеченіе народа, что нельзя и разсказать, и всякъ, кто его увидитъ, твердо убѣжденъ, что теперь ему отпущены всѣ его грѣхи за этотъ годъ. Они имѣютъ также въ разныхъ мѣстахъ четырехъ Митрополитовъ, въ честь четырехъ Евангелистовъ, а также и епископовъ своихъ, архіепископовъ, монахинь, и много другого духовенства. (Какашъ и Тектандеръ, 22 стр.).

5) Бѣлое духовенство.

Всѣ духовные сановники избираются къ пастырскому посоху изъ среды монаховъ. Никому изъ нихъ нельзя жениться или жить вмѣстѣ съ женою, взятою прежде, а тѣмъ менѣе возлежать съ нею.

При всемъ томъ таинства совершаютъ всѣ, хотя другое предписано въ Уставѣ Протоіереямъ, Священникамъ и Діаконамъ. Потому, что передъ

посвященіемъ они необходимо должны взять себѣ въ жены дѣвицу, а потомъ и жить съ нею по супружескому закону. Въ случаѣ смерти жены священнику запрещено совершать таинства, если Патріархъ или .Митрополитъ не разрѣшитъ его отъ этого закона на какое-нибудь время, (что я и видѣлъ въ свою бытность въ Москвѣ); такіе допускаются только къ прочимъ церковнымъ службамъ въ качествѣ простыхъ прислужниковъ (причетниковъ). Тутъ не поможетъ и вторая взятая жена, даже и въ этомъ случаѣ они не допускаются къ священнодѣйствію, какъ простые міряне, не имѣющіе больше ничего общаго съ духовенствомъ, и низведенные съ высокой вершины священническаго сана въ самое презрѣнное состояніе низкой черни, изъ котораго возвышаются всѣ. (Майербергъ, 48—49 стр.).

Смѣшно еще вотъ что: если кто встрѣтитъ попа (они исполняютъ обязанность приходскихъ священниковъ), котораго узнаешь по высокой, почти въ три четверти фута шапкѣ, и даже въ присутствіи его супруги попроситъ у него благословенія и разрѣшенія отъ грѣховъ, тотъ и другой сейчасъ-же, (супруга попа отходитъ въ сторону) обнажаютъ головы и начинаютъ другу другу кланяться. Потомъ попъ подходитъ поближе, дуетъ на кающагося ртомъ, что то шепчетъ надъ нимъ и осѣняетъ его большимъ крестомъ, послѣ чего, отдавая другъ другу равные поклоны, и перекрестясь нѣсколько разъ, они снова надѣваютъ шапки и расходятся. А разъ случилось, что оба были пьяны, еле могли стоять на ногахъ; какъ дошло до поклоновъ, они стали кланяться, такъ чудно, уморительно и курьезно шатаясь, что можно бы сказать, что это бодаются два козла (оба же были и бородаты). Когда ходитъ попъ съ женою, то водитъ ее всю закрытую за руку; по уставу вѣдь вторично жениться подъ страхомъ потери священства, нельзя, ну, геній каждаго попа и пляшетъ подъ дудку жены. (Таннеръ, 104 стр.).

Священники содержатся обыкновенно на взносы прихожанъ, и имъ назначаются маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они, наподобіе своихъ сосѣдей снискиваютъ себѣ пропитаніе или собственноручно, или при помощи слугъ. Приношенія имъ очень скудны; иногда церковныя деньги отдаются въ ростъ по десяти со ста и этотъ ростъ предоставляется священнику, чтобы не быть вынужденными кормить его на свой счетъ. Есть также нѣкоторые, которые существуютъ щедростью князей. Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ епископствъ и нѣкоторыхъ монастырей, нельзя найти много приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и вотчинами. (Герберштейнъ, 43 стр.).

Священники занимаютъ въ церквахъ первое мѣсто. И всякій изъ нихъ, прегрѣшившій какимъ-нибудь образомъ противъ религіи или священнической должности, подлежитъ духовному суду. Если же его обвиняютъ за кражу, или за пьянство, или если онъ впадетъ въ какой-нибудь порокъ другого рода, то подвергается карѣ суда мірскаго, какъ они выражаются.

Мы видѣли, какъ въ Москвѣ пьяные священники всенародно подвергаются бичеванію; при этомъ они жаловались только на то, что ихъ бьютъ рабы, а не бояринъ. (Герберштейнъ, 43 стр.).

6) Юродивые.

Кромѣ монаховъ, у нихъ есть особенные блаженные, (которыхъ они называютъ святыми людьми), очень похожіе на Гимнософистовъ, и по своей жизни и поступкамъ, хотя не имѣютъ ничего общаго съ ними отно-

сительно познаній и образованія. Они ходятъ совершенно нагіе, даже зимою въ самые сильные морозы, кромѣ того, что по срединѣ тѣла перевязаны лохмотьями, съ длинными волосами, распущенными и висящими по плечамъ, а многіе еще съ веригами на шеѣ или по срединѣ тѣла. Ихъ считаютъ пророками и весьма святыми мужами, почему и дозволяютъ имъ говорить свободно все, что хотятъ, безъ всякаго ограниченія, хотя бы даже о самомъ Богѣ. Если такой человѣкъ явно упрекаетъ кого-нибудь въ чемъ бы то ни было, то ему ничего не возражаютъ, а только говорятъ, что заслужили это по грѣхамъ; если же кто изъ нихъ, проходя мимо лавки, возьметъ что-нибудь изъ товаровъ, для отдачи, куда ему вздумается, то купецъ, у котораго онъ, такимъ образомъ, что-либо взялъ, почтетъ себя весьма любимымъ Богомъ и угоднымъ святому мужу. Но такого рода людей немного, потому что ходить голымъ въ Россіи, особенно зимою, очень не легко и весьма холодно. (Флетчеръ, 101 стр.).

Блаженныхъ народъ очень любитъ, ибо они, подобно пасквилямъ, указываютъ на недостатки знатныхъ, о которыхъ никто другой и говорить не смѣетъ. Но иногда случается, что за такую дерзкую свободу, которую они позволяютъ себѣ, прикидываясь юродивыми, отъ нихъ тайно отдѣлываются, какъ это и было съ однимъ или двумя въ прошедшее царствованіе за то, что они уже слишкомъ смѣло поносили правленіе Царя. (Флетчеръ, 102 стр.).

7) Церковныя празднества и крестные ходы.

1 сентября русскіе начинаютъ Новый годъ, такъ какъ они ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра. Этотъ день московитяне, постаринному обычаю, праздновали самымъ торжественнымъ образомъ; такъ на самой большой кремлевской площади устраивали два престола, весьма богато украшенные, одинъ для Царя, другой для Патріарха, который являлся туда въ епископскомъ облаченіи, а Государь въ царскомъ, для внушенія большаго уваженія къ верховному достоинству; народъ смотритъ на него, какъ на божество, рѣдко показывавшееся ему.

Послѣ торжественнаго патріаршаго благословенія, сейчасъ же вельможи и прочія именитыя лица спѣшили къ Царю съ поздравленіями и онъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки отвѣчалъ поздравляющимъ и желалъ имъ съ своей стороны всякаго благополучія. (Корбъ, 90 стр.).

Ежегодно въ Крещенье Русскіе имѣютъ обыкновеніе благословлять и освящать рѣку Москву, слѣдующимъ образомъ: во льду дѣлаютъ прорубь квадратную, по три сажени въ сторонѣ, по краямъ укладываютъ бѣлыя доски. Около 9 часовъ выходятъ изъ церкви на рѣку такой процессіей:

Впередъ идутъ молодые юноши съ горящими восковыми свѣчами одинъ изъ нихъ несетъ большой факелъ; затѣмъ слѣдуютъ хоругви, крестъ, образа Богородицы, св. Николая и другихъ Святыхъ; образа эти несутъ на плечахъ, за образами идетъ духовенство, числомъ до 100 и болѣе, затѣмъ митрополитъ, ведомый двумя священниками, за митрополитомъ шествуетъ Царь съ короной на головѣ, а за нимъ его бояре по порядку. Такой процессіей они шли къ водѣ. Когда пришли къ проруби, священники стали вокругъ нея. По одну сторону проруби былъ сдѣланъ изъ досокъ помостъ, на немъ былъ поставленъ красивый стулъ, на которомъ сидѣлъ митрополитъ, а Царь стоялъ на льду. Тогда священники начали пѣть, благословлять и служить и къ тому времени, какъ они кончили, вода стала святой.

По освященіи воды, митрополитъ зачерпнулъ ее немного въ руки и окропилъ Царя, равнымъ образомъ, и нѣкоторыхъ изъ бояръ; тогда они вернулись въ церковь со священниками, стоявшими у воды. Чудно было смотрѣть на давку, происходившую около воды по уходѣ Царя; принесено было свыше 5 тысячъ горшковъ, для наполненія ихъ этой водою. Московитъ, который не получитъ этой воды, считаетъ себя несчастнымъ. Много мужчинъ, женщинъ и дѣтей голые бросались въ воду; когда давка поуменьшилась, привели царскихъ жеребцовъ и лошадей напиться этой воды; также и другіе многіе приводили сюда своихъ лошадей, напоить ихъ; черезъ это дѣлали своихъ лошадей столь святыми, какъ и самихъ себя. (Неизвѣстный Англичанинъ, 17—18 стр.).

На Вербное Воскресенье здѣсь бываетъ торжественная процессія.

Берутъ порядочной величины дерево; укрѣпляютъ его на двухъ саняхъ такъ, какъ будто оно растетъ на нихъ; увѣшиваютъ его яблоками, виноградомъ, винными ягодами, финиками и другими плодами. У дерева становятся 5 мальчиковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, распѣвающихъ пѣсни о деревѣ предъ процессіей; за тѣмъ идутъ юноши съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ и съ большимъ факеломъ,—чтобы свѣтъ не угасъ; за ними двое длинныхъ хоругвей, и 6 человѣкъ съ круглыми блюдами на длинныхъ подставкахъ, блюда изъ мѣди и всѣ въ дырахъ; слѣдующіе шестеро несутъ на плечахъ образа. За образами духовенство, числомъ до 100 и болѣе, въ дорогихъ ризахъ, у 10 или 12 лицъ ризы бѣлыя, узорчатыя, обрамленныя прекрасными выточенными жемчужинами величиной въ орѣхъ, сапфирами и другими каменьями. Потомъ шла половина царскихъ знатныхъ, за ними шествовали Царь и митрополитъ такимъ образомъ:

Выступаетъ лошадь, покрытая до копытъ бѣлымъ холстомъ. Уши у нея покровомъ удлинены на подобіе ослиныхъ. На этой лошади сидитъ митрополитъ, съ боку, какъ ѣздятъ верхомъ женщины; на складкахъ его платья лежитъ книга съ распятіемъ дорогой работы на переплетѣ, книгу эту митрополитъ держитъ лѣвой рукой, правой—крестъ, которымъ онъ безпрестанно благословляетъ народъ во все время шествія. Человѣкъ 30 разстилаютъ свои платья передъ лошадью и, какъ только она пройдетъ по нимъ, поднимаютъ платья, забѣгаютъ впередъ и снова разстилаютъ, такъ что лошадь постоянно идетъ по одеждамъ. Разстилающіе платья всѣ сыновья священниковъ; за ихъ труды царь жалуетъ имъ новыя платья. Одинъ изъ царскихъ знатныхъ ведетъ лошадь за голову, самъ же Царь, или пѣшкомъ, ведетъ лошадь за конецъ повода узды одной рукой, въ другой онъ держитъ вербу. За лошадью слѣдуютъ остальные царскіе придворные, дворяне и громадная толпа народа. Въ такомъ порядкѣ они ходятъ отъ одной церкви къ другой по Кремлю, на разстояніи двухъ полетовъ ядра, и такимъ образомъ возвращаются въ Царскую Церковь, гдѣ и оканчиваютъ службу. По окончаніи Царь съ нѣкоторыми изъ своихъ знатныхъ идутъ обѣдать къ Митрополиту, гдѣ не бываетъ недостатка въ изысканныхъ рыбахъ и добрыхъ напиткахъ. (Неизвѣстный Англичанинъ, 18—19 стр.).

1-го Августа, въ Бронницахъ, когда мы переносили свою поклажу съ рѣки на берегъ, встрѣтили церковный ходъ Русскихъ, шедшихъ къ рѣкѣ на водосвятіе, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шли два человѣка и несли на длинныхъ древкахъ: одинъ крестъ, на 4-хъ углахъ котораго были изображенія 4-хъ Евангелистовъ, другой какой-то образъ, старинной живописи, завѣшенный бѣлымъ полотномъ. За ними шелъ священникъ въ своемъ церковномъ облаченіи, съ небольшимъ, величиною въ пядень, деревяннымъ

крестомъ, который онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ; священникъ пѣлъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, шедшимъ позади его и несшимъ книгу. За мальчикомъ слѣдовали уже всѣ крестьяне съ женами и дѣтьми; взрослые крестьяне держали по восковой зажженной свѣчѣ. Шествіе заключалось пономаремъ, который несъ болѣе 10 восковыхъ горящихъ свѣчей, сложенныхъ вмѣстѣ. Послѣ пѣнія и чтенія, продолжавшагося съ полчаса у самой рѣки, священникъ взялъ у пономаря, всѣ горящія свѣчи и погрузилъ ихъ въ воду, и въ это же время всѣ присутствовавшіе также погасили свои свѣчи въ водѣ. Затѣмъ священникъ троекратно погрузилъ крестъ въ воду, каждый разъ стряхая воду съ креста въ принесенную чашу, и эта вода считается у Русскихъ самою святою. По окончаніи обряда троекратно женщины окунали въ водѣ большихъ и малыхъ своихъ дѣтей, однихъ въ рубашкахъ, другихъ раздѣтыхъ до нага; взрослые бросались въ рѣку сами. Нѣкоторые приводили даже своихъ лошадей, пускали ихъ въ рѣку и поили ихъ этой освященной, приносящей здоровье, водой. Наконецъ всѣ пошли обратно въ церковь для полученія благословенія, и тамъ старые и малые подняли страшный шумъ и крикъ, какой можно только услыхать въ общественной банѣ, или корчмѣ. (Олеарій, 32 стр.).

Сегодня у московитянъ, слѣдующихъ старому календарю, первое августа. Водосвятіе на рѣкѣ Неглинной, протекающей черезъ Москву, главное торжество этого дня. Въ крестномъ ходу наиболѣе поповъ, которые со всѣхъ сторонъ спѣшатъ къ нему. Впереди идутъ земскіе, (т. е. крѣпостные, употребляемые на разныя услуги въ поварняхъ) съ метлами, сзади ихъ солдаты съ бѣлыми палками: первые, чтобы очищать улицы отъ сору, а послѣдніе, чтобы отстранять отъ духовенства народъ, жадный до зрѣлищъ и тѣснящійся въ безпорядкѣ. Передъ крестомъ несутъ огромный фонарь съ тремя зажженными въ немъ свѣчами; нести крестъ безъ огня считаютъ неприличнымъ. На рѣкѣ устроена площадка, огороженная желѣзною рѣшеткою и образуетъ, что-то въ родѣ бесѣдки надъ колодцемъ; сюда входитъ духовенство съ горящими восковыми свѣчами, занимаетъ всѣ углы площадки, затѣмъ спускаются внизъ для совершенія соотвѣтственныхъ случаю молитвъ, послѣ освящаютъ воду благословеніемъ и троекратнымъ погруженіемъ горящей восковой свѣчи. Вслѣдъ за симъ патріархъ кропитъ всѣхъ присутствующихъ кропиломъ, омочивъ его въ священной водѣ, чѣмъ и оканчивается торжество. (Корбъ, 82 стр.).

8) Вѣнчаніе на царство.

Когда прошло время сорокадневной печали (по русски сорочины) наступилъ день празднованія коронаціи, къ которой дѣлались большія приготовленія; назначена была она 10 іюня 1584 г. въ воскресенье, т. к. Ѳеодору Ивановичу исполнилось 25 лѣтъ, (за мистеромъ Джеромомъ послали и помѣстили въ комнату, откуда удобно было видѣть всю церемонію). Царь вышелъ изъ дворца; за нимъ шли съ пѣніемъ митрополиты, архіепископы, епископы, главнѣйшія лица изъ монашества, и бѣлаго духовенства въ богатѣйшихъ шапкахъ и священническомъ облаченіи; они несли образъ Божьей Матери и другіе образа, знамена и хоругви, кадильницы, и прочія вещи, употребляемыя при церемоніяхъ. Ѳеодоръ Ивановичъ и вельможи вошли въ порядкѣ въ церковь, называемую Благовѣщенье, гдѣ совершалось богослуженіе по обрядамъ русской церкви. Затѣмъ они перешли въ церковь Михаила Архангела, тамъ повторили тѣ же молитвы и то же

богослуженіе; оттуда въ церковь Пречистой Богоматери—ихъ кафедральный соборъ. Тамъ посерединѣ стоялъ царскій престолъ, на который издревле садились цари въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ. Ѳеодору Ивановичу перемѣнили платье и надѣли самое блестящее и драгоцѣнное. Когда Царь занялъ свое мѣсто, бояре встали всѣ вокругъ него по разрядамъ. Митрополитъ возложилъ ему на голову царскій вѣнецъ, въ правую руку далъ скипетръ и державу, а въ лѣвую—драгоцѣнный мечъ правосудія. Передъ нимъ положили шесть коронъ подвластныхъ ему царствъ, а Бориса Ѳеодоровича поставили по правую сторону. Затѣмъ митрополитъ, открывъ небольшую книгу, прочелъ громогласно царю увѣщаніе творить истинное правосудіе и мирно носить вѣнецъ предковъ, который даровалъ ему Господь, причемъ употребилъ слѣдующія выраженія: «Всемогущій и безначальный, прославляемый нами во Святой Троицѣ единосущный Богъ, Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, Творецъ всѣхъ тварей и всего; вездѣ сущій и всеисполняющій, по своей волѣ дающій жизнь людямъ, вдохновляющій словомъ каждаго изъ насъ, Его единыхъ чадъ, познать Бога чрезъ Іисуса Христа, Святымъ животворящимъ Духомъ; нынѣ въ сіе смутное время своею волею повелѣлъ намъ сохранять скипетръ правды и допускаетъ насъ править самимъ собою, къ преуспѣянію земли русской, укрощенію народа, покоренію враговъ и водворенію добродѣтели». При этомъ митрополитъ благословилъ Ѳеодора Ивановича и возложилъ на него крестъ. Царь всталъ съ престола; его верхнее платье было украшено драгоцѣнными камнями всякаго рода и множествомъ жемчуга; оно вѣсило 200 фунтовъ; подолъ его и полы несли за нимъ 6 бояръ. На головѣ царя былъ драгоцѣнный вѣнецъ, а въ правой рукѣ царскій жезлъ, сдѣланный изъ кости однорога, трехъ футовъ съ половиной длиною, обсаженный дорогими каменьями, который былъ купленъ прежнимъ царемъ у аугсбургскихъ купцовъ въ 1581 г. за 7 тыс. фунт. стерлинг. Борисъ Ѳеодоровичъ несъ передъ царемъ скипетръ и державу, другой бояринъ несъ Его богатую шапку, украшенную жемчугомъ и каменьями, а шесть коронъ несли Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, дядя Царя Никита Романовичъ, другой дядя Царя, затѣмъ Степанъ Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ, Григорій Васильевичъ — три брата царской крови. Когда Ѳеодоръ Ивановичъ дошелъ такимъ образомъ до большихъ церковныхъ дверей, народъ воскликнулъ: «Спаси, Боже, Государя нашего Ѳеодора Ивановича, царя всея Руси!» Ему подвели богато убраннаго коня подъ покрываломъ, вышитымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями съ такимъ же сѣдломъ и со всѣмъ приборомъ цѣною, какъ говорили въ 300 тыс. фунт. стерлинговъ. Для царя, князей и бояръ были сдѣланы подмостки въ 3 фута вышины, 2 ширины и въ 150 фут. длиною на три стороны, для перехода изъ одной церкви въ другую, чтобы избѣгнуть тѣсноты отъ народа, собравшагося въ такомъ безчисленномъ количествѣ, что многіе тогда были задавлены. По возвращеніи царя изъ церквей, подъ ноги ему подостлали золотую парчу; паперти церковныя были также покрыты краснымъ бархатомъ, мостки алымъ сукномъ; а отъ одной церкви до другой протянута камковая матерія. Лишь только кончилось шествіе, золотая, бархатная и скарлатная матеріи были разрѣзаны на куски, ихъ бралъ, кто могъ; каждому хотѣлось получить лоскутокъ на память. Въ народъ бросали большое количество золотой и серебряной монеты, нарочно вычеканенной по этому случаю. Борисъ Ѳеодоровичъ былъ въ пышной одеждѣ, покрытой крупнымъ жемчугомъ и украшенной драгоцѣнными каменьями. Не менѣе богато были наряжены всѣ члены семейства Годуно-

выхъ и остальные князья и бояре; платье и убранство лошади одного изъ нихъ князя Ивана Михайловича Глинскаго по своей древности оказалось въ регистрѣ стоимостью въ 100,000 фунт. стерл. Царица не присутствовала на церемоніи и сидѣла во дворцѣ передъ большимъ открытымъ окномъ съ вѣнцомъ на головѣ въ драгоцѣнной блистательной одеждѣ, украшенной дорогими камнями и жемчугомъ; княжны и другія знатныя боярыни стояли возлѣ нея. При видѣ ея народъ воскликнулъ: «Да хранитъ Господь нашу царицу Ирину!» Царь послѣ этого отправился въ палату Думы, богато убранную и сѣлъ на приготовленное для него мѣсто. Шесть коронъ положили на столъ передъ нимъ; кувшинъ и царскую золотую чашу держалъ одинъ изъ тѣлохранителей; его люди, называемые рындами, встали по два съ обѣихъ сторонъ въ бѣлыхъ серебряныхъ одеждахъ съ золотыми сѣкирами въ рукахъ. Князья и бояре размѣстились по разрядамъ, всѣ въ богатыхъ одеждахъ. Послѣ короткой рѣчи царь позволилъ каждому изъ присутствующихъ подойти къ рукѣ, затѣмъ сѣлъ за столъ, за которымъ прислуживали ему бояре. Трое широкихъ и большихъ сѣней были заняты кругомъ золотой и серебряной посудой, разставленной одна надъ другою отъ полу до самыхъ сводовъ; тутъ же стояло много золотыхъ и серебряныхъ боченковъ. (Горсей, 110—112 стр.).

Вѣнчаніе Великихъ Князей Московскихъ, если оно должно совершиться установленнымъ обычнымъ образомъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ Москву созываются всѣ Митрополиты, Архіепископы и Епископы, Игумены, Князья, Воеводы и служилые люди, равно какъ и знатнѣйшіе купцы со всей Россіи и изо всѣхъ областей, которыя находятся подъ властію Великаго Князя.

Когда должно совершиться вѣнчаніе, то Патріархъ съ Митрополитами и другими духовными чинами идетъ въ большую дворцовую церковь. За ними слѣдуетъ новый Великій Князь съ Государевыми совѣтниками, боярами и служилыми людьми.

Въ церкви устраивается возвышенное видное мѣсто въ три ступеньки, покрытое дорогими коврами, на немъ ставятся три кресла, обитыя парчею, одно для новаго Великаго Князя, другое для Патріарха, а на третьемъ кладется шапка, унизанная драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, на верху съ кистью, на которой привѣшивается коронка, усѣянная брилліантами. Подлѣ шапки кладется также богатый парчевый кафтанъ, отороченный кругомъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и подбитый совершенно чернымъ соболемъ. Кафтанъ этотъ, какъ говорятъ Русскіе, пріобрѣтенъ Великимъ Княземъ Димитріемъ Мономахомъ изъ Кафы въ войнѣ съ Татарами, и назначенъ для употребленія во время вѣнчанія Великихъ Князей.

Когда Царь и съ боярами войдетъ въ церковь, священники начинаютъ пѣть; затѣмъ Патріархъ читаетъ молитву, призываетъ Бога, св. Николая и другихъ Святыхъ, чтобы они присутствовали при этомъ вѣнчаніи. Потомъ выходитъ впередъ знатнѣйшій изъ Государевыхъ совѣтниковъ съ избраннымъ Великимъ Княземъ, обращается къ Патріарху съ рѣчью и сообщаетъ ему, что они (Русскіе) избрали его, какъ ближайшаго наслѣдника престола Русскаго Государства, и желаютъ, чтобы онъ, Патріархъ, благословилъ и вѣнчалъ его. Тогда Патріархъ принимаетъ вновь избраннаго на возвышеніе, сажаетъ его на кресло и, держа золотой, усыпанный драгоцѣнными камнями, небольшой крестъ надъ челомъ новаго Князя, благословляетъ его, послѣ чего одинъ изъ Митрополитовъ читаетъ слѣдующую мо-

литву, какъ она значится у Петрея, въ его Русской лѣтописи: «Господи Боже нашъ, Царь всѣхъ Царей, избранный черезъ Пророка своего, Самуила, раба твоего Давида, и помазавшаго его на царство надъ Твоимъ народомъ Израильскимъ, услышь нынѣ молитву нашу, которую мы, недостойные, Тебѣ приносимъ, и воззри съ священной высоты своей, на сего вѣрнаго раба Твоего сидящаго здѣсь на престолѣ и возвеличеннаго Тобою въ Цари надъ народомъ Твоимъ, котораго искупилъ Ты кровію Твоего Святого Сына. Помажь его елеемъ міра, защити силою Твоею, возложи на главу его вѣнецъ, украшенный драгоцѣнными каменьями, даруй ему долгую жизнь и вложи ему въ руки Царскій жезлъ, возведи его на престолъ правосудія, и сдѣлай подвластными ему всѣ варварскіе языки, да будетъ сердце и мысли его всегда и постоянно въ страхѣ Твоемъ, чтобы онъ во все время жизни своей былъ послушенъ заповѣдямъ Твоимъ, отжени отъ него всякую ересь и заблужденіе, наставь его, чтобы онъ защищалъ и содержалъ въ цѣлости, что повелѣваетъ и устанавливаетъ Святая Греческая Церковь. Да судитъ онъ справедливо народъ Твой и являетъ милость бѣднымъ, чтобы они могли достигнуть вѣчной жизни». Молитву эту Патріархъ заключаетъ громкимъ провозглашеніемъ: «Яко Твое есть царство, сила и слава, и да будетъ съ тобой Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой!».

Послѣ этой молитвы два Епископа должны взять съ креселъ и держать кафтанъ и шапку, а Патріархъ велитъ боярамъ, которые тутъ же восходятъ на возвышеніе, надѣть на Великаго Князя кафтанъ, самъ же вторично изрекаетъ благословеніе. Затѣмъ самъ подаетъ шапку съ вѣнцомъ боярамъ, приказываетъ имъ и ее возложить на Великаго Князя и говоритъ: «Во имя Отца, Сына и Св. Духа», и благословляетъ при этомъ Князя въ третій разъ. Потомъ Патріархъ приглашаетъ всѣхъ Духовныхъ особъ, находящихся въ церкви, чтобы каждый изъ нихъ приступилъ и далъ рукою благословеніе Великому Князю. Когда все покончится, Патріархъ и Великій Князь садятся на кресло, но вскорѣ опять встаютъ и тогда Священники начинаютъ пѣть молебенъ (литію): «Господи, помилуй» и всякій разъ въ третьемъ словѣ именуютъ Великаго Князя. Затѣмъ Патріархъ и Царь садятся опять, а одинъ изъ Митрополитовъ идетъ къ алтарю и громкимъ голосомъ провозглашаетъ: «Господи! Сохрани намъ Царя и Великаго Князя всея Россіи, Богомъ возлюбленнаго и намъ даннаго, въ добромъ здравіи и на многія лѣта!». И пожеланіе это повторяютъ всѣ остальные Священники и великіе бояре, въ церкви и внѣ ея стоящіе, причемъ раздается великій радостный кликъ. Послѣ этого всѣ великіе бояре бьютъ низко челомъ Его Царскому Величеству и цѣлуютъ его руки. Наконецъ, Патріархъ одинъ выступаетъ передъ Великимъ Княземъ и дѣлаетъ ему напоминаніе слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ онъ теперь, по Божьему соизволенію, избранъ и вѣнчанъ всѣми Государственными Чинами, Свѣтскаго и Духовнаго сословій Великимъ Княземъ всея Россіи, и ему ввѣряется важное дѣло управленія подвластными землями, то да любитъ онъ при этомъ Бога, да поступаетъ по Его законамъ, сообразно съ ними да руководитъ справедливостію, и да содѣйствуетъ онъ защитѣ и распространенію истинной Греческой Вѣры!»

Затѣмъ Великій Князь еще разъ принимаетъ благословеніе и идетъ въ стоящую напротивъ церковь Михаила Архангела. Между тѣмъ народу бросаютъ деньги, а въ церкви еще разъ поется молебенъ. Отсюда Великій Князь слѣдуетъ въ церковь Святого Николая, и затѣмъ въ сопровожденіи Государевыхъ совѣтниковъ, въ большую залу, гдѣ угощаются, какъ свѣтскія, такъ и духовныя особы роскошнѣйшимъ образомъ, причемъ бываетъ

такая добрая попойка, что многіе изъ гостей не помнятъ, какъ и домой пришли. (Олеарій, 257—260 стр.).

Въ обширнѣйшемъ храмѣ, воздвигнутомъ въ честь Преблаженной Богоравной Дѣвы и возвышающемся при царскомъ дворцѣ новый царь Московъ вѣнчался на царство, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: послѣ того, какъ къ этому священнодѣйствію собрались въ большомъ количествѣ, какъ будто на народное собраніе, все духовенство, вельможи, дворянство и воинскіе, а также и именитѣйшіе горожане, то на великолѣпно устроенномъ возвышеніи поставили три кресла въ рядъ. На первомъ серебряномъ и разукрашенномъ золотомъ, сѣлъ будущій наслѣдникъ царства, одѣтый, по обычаю страны, въ длинное одѣяніе, разукрашенное золотомъ и драгоцѣнными камнями. Рядомъ съ нимъ второе занялъ патріархъ, которому предстояло совершить обрядъ. На третьемъ были приготовлены: знаменитая шапка, унизанная кругомъ драгоцѣнными камнями, громадная золотая цѣпь и княжескій поясъ съ прибавленіемъ къ нимъ золотой коропы и царской златотканной порфиры, тяжелой отъ дорогихъ жемчуговъ. Почти всѣ эти уборы служатъ для этого обряда со временъ Владиміра Мономаха. Итакъ, межъ тѣмъ, какъ духовенство рядомъ пѣснопѣній испрашиваетъ будущему новому Царю всякихъ благополучій, старшій между вельможами проситъ патріарха приступить къ совершенію обряда вѣнчанія на царство. Тотъ помолившись Богу и всѣмъ святымъ, приглашаетъ Царя, который тѣмъ временемъ, всталъ, опять сѣсть съ нимъ вмѣстѣ на кресло. Московскій митрополитъ читаетъ молитву о благополучіи въ будущемъ, а патріархъ творитъ надъ нимъ крестное знаменіе и возлагаетъ при этомъ крестъ, осыпанный жемчугами на чело царя. Засимъ старшій изъ вельможъ облекаетъ царя въ порфиру, и принявъ отъ патріарха шапку съ золотымъ, коронкообразнымъ, украшеніемъ наверху, надѣваетъ ее Царю на голову. Послѣ сего священники начинаютъ пѣть литію, т. е. мольбы къ святымъ, и обычныя молитвы къ блаженной Дѣвѣ, и благословляютъ по порядку всѣ, что продолжается довольно долго, новаго Царя, крестя его приподнятой рукою. То же самое дѣлаютъ и прочія сословія, дабы Царь благополучно царствовалъ на многіе и многіе годы, послѣ чего патріархъ, обращается къ нему съ увѣщаніемъ: почитать Бога и Его святыя иконы, править дѣлами по справедливости, неуклонно соблюдать русскую вѣру и распространять ее. Изъ этого храма всѣ длиннымъ шествіемъ идутъ сперва въ храмъ св. Михаила, а затѣмъ въ церковь св. Николая, находящіяся оба въ кремлѣ, и служатъ въ томъ и другомъ молебны. Во время этого шествія по приказанію Царя въ тѣснящуюся кругомъ съ поздравленіемъ толпу народа бросаютъ множество золотыхъ и серебряныхъ монетъ, выбитыхъ въ память сего торжества и приглашаются знатнѣйшія лица всѣхъ сословій къ великолѣпному и обильному пиршеству. Здѣсь Царь, снявъ, изъ одѣянія то, что пообременительнѣе, подпоясанный вышеназваннымъ поясомъ и съ поясомъ изъ рога единорога въ рукахъ, сидитъ на тронѣ, нѣсколько возвышающемся среди столовъ, поставленныхъ въ два длинныхъ ряда. Послѣднимъ приносится какимъ-нибудь жителемъ г. Переяславля блюдо изъ рыбы сельди, похожее на нашу рыбную похлебку для напоминанія о пользѣ воздержанности. Для увѣнчанія какъ-бы пира концемъ знаменующимъ счастливое будущее, Царь посылаетъ каждому золотой кубокъ съ виномъ, который всѣ добросовѣстно и осушаютъ, причемъ усерднѣйше отвѣчаютъ на эту милость пожеланіями Царю счастливаго царствованія и постояннаго здоровья. (Рейтенфельсъ, 79 ,80 стр.).

Домашній и общественный бытъ.

1) Царскій дворецъ.

Дворецъ Князя москвитянъ, главная часть г. Москвы, лежащая точно сердце въ серединѣ, называется ими Кремлемъ. Мѣсто это, болѣе другихъ возвышенное, омывается съ одной стороны Москвой, съ остальныхъ трехъ окружено, раздѣляющейся на два рукава, рѣкой Неглинной. Его кругомъ замыкаютъ тройнымъ рядомъ очень крѣпкія стѣны. Въ нихъ выходомъ служатъ двое воротъ къ Китай—городу, да двое же къ Бѣлому городу, съ каменными по ту и другую сторону мостами, возведенными на насыпяхъ. Эти ворота затворяются тремя дверьми, изъ коихъ первая—желѣзная, вторая—мѣдная, третья—бронзовая, расписанная разными фигурами ихъ патріарховъ, обитая металлическими листами. На первыхъ воротахъ со стѣны возвышается башня—массивная, красивая, и прочная; на башнѣ замѣчательны часы, по образцу чешскихъ раздѣленные на 24 части, называемыя у нихъ часами, такъ хитро, что меньшіе колокола по порядку наигрываютъ музыкальную гамму и, какъ скоро проиграетъ она разъ, показывается первая четверть, а вторая, третья и четвертая,—когда она повторится два, три и, наконецъ, четыре раза; часы же обозначаютъ ударами большого колокола. Двуглавый орелъ (гербъ царскій) съ коронами, весь вызолоченный, съ возвышающейся, сверхъ того, третьей золотой короной побольше, составляетъ верхушку всего зданія.

Одна только эта часть города Москвы, занимаемая княземъ и дворомъ, имѣетъ столько церквей, что ихъ насчитываютъ не менѣе пятидесяти. Главная изъ нихъ—церковь св. Николая, дворцовая. Первая за нею—великолѣпный храмъ, гдѣ обыкновенно погребаются или сами князья, или ихъ близкіе родственники. Третья—соборная, очень большая и украшенная красоту увеличиваетъ на передней сторонѣ храма, по серединѣ, образъ св. Матери—Дѣвы, совершенно какъ нассаусскій, длиною однако же въ 4 фута, написанный очень художественно. Другое украшеніе храма—башня, до середины четыреугольная, а съ середины до верху круглая; ее тамошніе жители зовутъ Иванъ Великій. (Таннеръ, 57—85 стр.).

Дворецъ Царя и Великаго Князя по постройкѣ, по наружному виду и по убранству не такъ роскошенъ, какъ тѣ, которые я видѣлъ. Это очень низкая постройка — 8 квадратная, очень похожая на старыя англійскія строенія съ небольшими окнами. (Ченслеръ, 3 стр.).

Вокругъ царскаго жилища расположено нѣсколько сотенъ солдатъ съ оружіемъ наготовѣ, которые никому не позволятъ пройти по внутреннему двору, находящемуся подъ окнами царскихъ покоевъ, если при немъ есть шпага или какое-либо другое оружіе. Вслѣдствіе сего никто, никоимъ образомъ не можетъ такъ, какъ это обыкновенно дѣлается при дворахъ всѣхъ европейскихъ государей, лично изложить Царю свое дѣло, явиться къ нему на судъ, или даже побесѣдовать съ придворными, во внутреннихъ покояхъ дворца. (Рейтенфельсъ; 90 стр.).

2) Домашній бытъ царя.

Дворецъ Императорскій построенъ изъ камня и кирпича, кромѣ нѣкоторыхъ комнатъ, гдѣ Его Величество спитъ и ѣстъ цѣлую зиму. Русскіе думаютъ, что деревянныя комнаты гораздо здоровѣе, нежели каменныя,

и не безъ причины: потому что въ ихъ каменныхъ покояхъ толстые своды издаютъ изъ себя испаренія когда печи натоплены. Императоръ живетъ въ третьемъ ярусѣ; онъ пьетъ овсяную брагу. Хлѣбъ онъ ѣстъ ржаной, потому что рожь, по мнѣнію русскихъ, гораздо питательнѣе пшеницы. Царь ложится спать на простыню въ сорочкѣ и нижнемъ платьѣ и одѣвается богатымъ собольимъ одѣяломъ. Забава его состоитъ въ соколиной и псовой охотѣ. Онъ содержитъ больше трехъ сотъ смотрителей за соколами и имѣетъ лучшихъ кречетовъ въ свѣтѣ, которые привозятся изъ Сибири, и бьютъ утокъ и другую дичь. Онъ охотится за медвѣдями, волками, тиграми, лисицами, или лучше сказать, травитъ ихъ собаками. (Коллинсъ, 17 стр.).

Домашняя жизнь Царя, сколько она извѣстна, состоитъ въ слѣдующемъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, къ нему приходитъ его отецъ духовный, или придворный священникъ съ крестомъ, которымъ благословляетъ его, прикасаясь сперва ко лбу, потомъ къ ланитамъ Царя, и даетъ ему поцѣловать конецъ креста. Затѣмъ такъ называемый крестный дьякъ вноситъ въ комнату живописную икону съ изображеніемъ святого, празднуемаго въ тотъ день, ибо каждый день у нихъ имѣетъ своего святого, какъ бы своего патрона. Образъ этотъ онъ ставитъ къ прочимъ образамъ, которыми установлена вся комната, сколько можно помѣстить на стѣнѣ, съ горящими передъ ними лампадами и восковыми свѣчами. Образа богато и пышно украшены жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Когда поставятъ образа на мѣсто, Царь начинаетъ креститься по русскому обычаю, осѣняя сперва голову, потомъ обѣ стороны груди и произнося: «Господи помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня грѣшнаго отъ злого дѣйствія». Съ этими словами онъ обращается къ образу, или къ святому того дня, котораго поминаетъ въ молитвѣ, вмѣстѣ съ Богородицею (называемою у нихъ Пречистою), Св. Николаемъ, или другимъ святымъ, въ котораго болѣе вѣруетъ, падая передъ нимъ на землю и ударяя объ нее головою. Такой молитвѣ Царь посвящаетъ четверть часа или около того.

Затѣмъ входитъ опять духовникъ, или придворный священникъ, съ серебряною чашею, наполненною святою водою и кропиломъ св. Василія (какъ они его называютъ), которымъ окропляетъ сперва образа, потомъ Царя. Святую воду приносятъ каждый день свѣжую изъ дальнихъ и ближнихъ монастырей, такъ что присылаетъ ее Царю игуменъ, отъ имени того святого, въ честь котораго построенъ монастырь, въ знакъ особеннаго благоволенія его къ Царю.

Окончивъ этотъ религіозный обрядъ, Царь посылаетъ къ Царицѣ спросить, хорошо ли она почивала и проч., и чрезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между ея и его покоями. Царица почиваетъ особо и не имѣетъ ни общей комнаты, ни общаго стола съ Царемъ, исключая какъ въ заговѣнье или наканунѣ постовъ, когда обыкновенно раздѣляетъ съ нимъ и ложе и столъ. Послѣ утренняго свиданья, идутъ они вмѣстѣ въ свою домовую церковь или часовню, гдѣ читается или поется утренняя служба, называемая заутренею, которая продолжается около часу. Возвратясь изъ церкви домой, Царь садится въ большой комнатѣ, въ которой для свиданія съ нимъ и на поклонъ являются тѣ изъ бояръ, которые въ милости при дворѣ. Здѣсь Царь и бояре, если имѣютъ что сказать, передаютъ другъ другу. Такъ бываетъ всякій день, если только здоровье Царя или другой случай не заставятъ его измѣнить принятому обыкновенію.

Около девяти часовъ утра идетъ онъ въ другую церковь въ Кремлѣ, гдѣ священники съ пѣвчими отправляютъ полное богослуженіе, называемое обѣднею, которая продолжается два часа, и въ это время Царь обыкновенно разговариваетъ съ членами Думы своей, съ боярами или военачальниками, которые о чемъ-либо ему докладываютъ, или же самъ отдаетъ имъ свои приказанія. Бояре также разсуждаютъ между собою, какъ будто бы они находились въ Думѣ. По окончаніи обѣдни Царь возвращается домой и отдыхаетъ до самаго обѣда.

За обѣдомъ прислуживаютъ ему слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, каждое блюдо (какъ только оно отпускается къ накладчику) долженъ прежде отвѣдывать поваръ въ присутствіи главнаго дворецкаго или его помощника. Потомъ принимаютъ его дворяне-слуги (называемые жильцами) и несутъ къ царскому столу, причемъ идетъ впереди ихъ главный дворецкій, или его помощникъ. Здѣсь кушанье принимаетъ кравчій, который каждое блюдо даетъ отвѣдывать особому для того чиновнику, а потомъ ставитъ его передъ Царемъ. Число блюдъ, подаваемыхъ за обыкновеннымъ столомъ у Царя, бываетъ около семидесяти, но приготовляютъ его довольно грубо, съ большимъ количествомъ чесноку и соли, подобно тому, какъ въ Голландіи. Въ праздникъ или при угощеніи какого-либо посланника приготовляютъ гораздо болѣе блюдъ. За столомъ подаютъ вмѣстѣ по два блюда и никогда болѣе трехъ, дабы Царь могъ кушать ихъ горячія, сперва печенья, потомъ жареное, наконецъ похлебки. Въ столовой есть еще другой столъ, за коимъ сидятъ нѣкоторыя изъ знатнѣйшихъ лицъ, находящихся при дворѣ, и духовникъ царскій, или капелланъ. По одну сторону комнаты стоитъ столъ съ прекрасною и богатою посудою и большимъ мѣднымъ чаномъ, наполненнымъ льдомъ и снѣгомъ, въ коихъ поставлены кубки, подаваемые къ столу. Чашу, изъ которой пьетъ самъ Царь, въ продолженіе всего обѣда держитъ особый чиновникъ, и подноситъ ее Царю съ привѣтствіемъ всякій разъ, какъ онъ ее потребуетъ. Когда поставятъ кушанье на столъ, то, обыкновенно, раскладываютъ его на нѣсколько блюдъ, которыя потомъ отсылаетъ Царь къ тѣмъ дворянамъ и чиновникамъ, кому онъ самъ заблагоразсудитъ. Это почитается великимъ благоволеніемъ и честью.

Послѣ обѣда Царь ложится отдыхать и, обыкновенно, почиваетъ три часа, если только не проводитъ одинъ изъ нихъ въ банѣ или на кулачномъ бою. Спать послѣ обѣда есть обыкновеніе, общее какъ Царю, такъ и всѣмъ русскимъ. Послѣ отдыха идетъ онъ къ вечернѣ и, возвратясь оттуда, большею частію проводитъ время съ Царицею до ужина. Тутъ увеселяютъ его шуты и карлы мужскаго и женскаго пола, которые кувыркаются передъ нимъ и поютъ пѣсни по-русски, и это самая любимая его забава между обѣдомъ и ужиномъ. Иногда проводитъ онъ время, разсматривая работу своихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ювелировъ, портныхъ, швей, живописцевъ и т. п., а потомъ идетъ ужинать. Когда приходитъ время спать, священникъ читаетъ нѣсколько молитвъ, и Царь молится и крестится, какъ и по утру, около четверти часа, послѣ чего ложится. (Флетчеръ, 119—122 стр.).

Величіе пышно обставленнаго царскаго сана Алексѣй заявляетъ безчисленнымъ множествомъ придворныхъ, въ числѣ которыхъ многіе славятся своимъ знатнымъ происхожденіемъ. Всѣ бояре обязаны ежедневно до полудня посѣщать его дворецъ, для засвидѣтельствованія ему почтенія. Какъ муравьи въ свой муравейникъ, такъ и они туда собираются, и главный кравчій, завѣдующій поставцомъ съ напитками и спальники, кравчіе,

стольники и прочее множество должностныхъ дворянъ, каждый для исправленія своей должности. Царь садится одинъ за свой обѣденный столъ, уставленный великимъ числомъ кушаньевъ. Утоляетъ жажду квасомъ, какъ и многіе. Для укрѣпленія желудка выпиваетъ однако же полную чару испанскаго вина. Жена и сынъ, хотя уже десятилѣтній, никогда не обѣдаютъ съ нимъ, а тѣмъ менѣе сестры и дочери, и не показываются на глаза постороннихъ (для внушенія къ себѣ большаго уваженія). Между тысячью придворныхъ служителей едва ли найдется одинъ, который могъ бы сказать, что онъ хоть однажды видѣлъ кого-нибудь изъ нихъ. (Майербергъ, 171—172 стр.).

3) Царскіе обѣды.

Великій Князь держитъ многочисленный придворный штатъ, и отъ его богатаго царскаго стола ежедневно обѣдаетъ до 1000 человѣкъ въ дворцѣ и внѣ его.

Когда настанетъ время обѣда, то къ столу не трубятъ, какъ дѣлается это обыкновенно при другихъ дворахъ, но одинъ изъ прислужниковъ бѣжитъ на кухню и въ погребъ и громко кричитъ: «Государю кушанье!», т. е., Великій Князь хочетъ кушать. Тогда тотчасъ же все готово. Ихъ Царскія Величества садятся за столъ одни; если же къ столу приглашается патріархъ, или другіе большіе господа, то для нихъ приготовляется особо, по сторонамъ царскаго стола. Кушанья, которыхъ бываетъ до 50-ти и болѣе, не всѣ ставятся на столъ Великаго Князя, но ихъ держатъ на рукахъ слуги, приподнявъ ихъ вверхъ, и, по возвѣщеніи о нихъ стольникомъ, какого кушанья Его Царское Величество пожелаетъ, то и подается и ставится на столъ, остальныя же блюда, какъ кушанья пожалованныя, разсылаются нѣкоторымъ господамъ и слугамъ, какъ нѣмцамъ, такъ и русскимъ, въ особенности г-мъ докторамъ, лейбъ-медикамъ и врачамъ. (Олеарій, 263—264 стр.).

За столомъ Царю прислуживаютъ трое или четверо испытанныхъ слугъ, которые подаютъ и убираютъ кушанья, которыя приносятся къ дверямъ столовой другими придворными слугами. Они же и пробуютъ кушанья и напитки. Предъ началомъ обѣда начальникъ стольниковъ или придворныхъ слугъ, подаетъ къ нему знакъ, ударяя палкою по деревянной доскѣ. Обѣдаетъ Царь обыкновенно одинъ, но ужинаетъ вмѣстѣ съ Царицей. Въ торжественныхъ случаяхъ, когда къ столу приглашаются чужеземцы или свои вельможи, то обѣды устраиваются необычайно роскошно и блестяще. Тогда длинные ряды болѣе важныхъ придворныхъ лицъ стоятъ, тѣсно сплоченные, неподвижно по всему дворцу въ широкихъ шелковыхъ, изукрашенныхъ дорогими камнями одеждахъ, а другіе на подобіе легко вооруженныхъ воиновъ, одѣтые полегче задыхаясь бѣгаютъ взадъ и впередъ. Тогда каждая зала, обтянутая шпалерами изъ разноцвѣтнаго шелка, соткапными горящими драгоцѣнными камнями и золотомъ, являетъ по истинѣ царскій видъ и открыто, конечно, тогда щеголяетъ множествомъ самыхъ дорогихъ и разнообразныхъ блюдъ и напитковъ. (Рейтенфельсъ, 87 стр.).

Въ Рождество Христово мы были приглашены обѣдать у Царя. Намъ подавались тѣ же блюда и напитки, что и прежде, но прежде мы не видали въ такомъ множествѣ столь дорогой и богатой посуды. Этотъ день въ присутствіи Царя обѣдало до 500 иностранцевъ и 200 русскихъ, и для всѣхъ поставлена была золотая посуда, при томъ же поставлено

было столько, сколько можно было умѣстить, ставя одну подлѣ другой. Кромѣ того стояло 4 шкафа, наполненныхъ золотой и серебряной посудой; между прочими предметами выдавались 12 серебряныхъ боченковъ, каждый вмѣстимостью до 12 галлоновъ, на краяхъ этого боченка было по 6 золотыхъ обручей. Обѣдъ этотъ продолжался 6 часовъ. (Неизвѣстный Англичанинъ, 17 стр.).

Во время обѣда пришло 6 пѣвцовъ, которые стали посреди залы, лицомъ къ Царю, и принимались 3 раза пѣть; ихъ пѣсни и голоса мало или почти вовсе не услаждали нашихъ ушей. Царь не кладетъ не перекрестясь въ ротъ ни одного куска; то же онъ дѣлаетъ, когда пьетъ, по своимъ обычаямъ онъ очень набоженъ и почитаетъ своихъ духовныхъ больше, чѣмъ знатныхъ. (Неизвѣстный Англичанинъ, 14—15 стр.).

4) Дворцовое хозяйство и царскія сокровища.

Кладовыя царскаго дворца полнехоньки всѣмъ, что только Амальтея придумаетъ излить изъ своего рога изобилія для роскоши смертныхъ, а винные погреба не только уставлены множествомъ боченковъ съ Критскимъ, Испанскимъ, Французскимъ, Рейнскимъ и Астраханскимъ винами, но также и бочекъ съ пивомъ, различными медами и водкой, а въ лѣтнее время всегда набиты грудами льда; все это составляетъ немаловажную статью въ счетѣ издержекъ царскаго расхода. Потому что это должно служить не только для ежедневнаго содержанія самой многочисленной толпы придворныхъ, но и для весьма частыхъ пирушекъ бояръ, которые, употребляя во зло снисходительность Алексѣя, безъ его вѣдома просятъ эконома и погребщика нацѣживать себѣ вдоволь всего, для угощенія пышными обѣдами своихъ гостей; даже еще самовластно приказываютъ имъ это; однако жъ, никто не посмѣетъ доносить на нихъ Великому Князю. (Майербергъ, 173 стр.).

Князь ихъ отлично распоряжается домашнимъ хозяйствомъ, не презирая ничѣмъ, такъ что продаетъ даже солому. На пирахъ его подаются большіе кубки золотые и серебряные, называемые соломенными, т. е. сдѣланными на деньги, вырученныя за продажную солому. Онъ имѣетъ еще ту выгоду отъ хорошаго распредѣленія должностей, что тѣ, которыхъ онъ посылаетъ защищать предѣлы своей земли, исправлять различныя общественныя дѣла, и даже въ посольства самыя дальнія, исполняютъ все это на свой счетъ, не получая ничего отъ князя. И если они сдѣлаютъ все по его желанію, то награждаются, не деньгами, а мѣстами начальниковъ. (Михалонъ Литвинъ).

14 апрѣля утромъ, когда м. Грей и я были уже готовы отправиться въ Англію, за нами пришли дьяки и просили насъ придти къ нимъ въ приказъ, гдѣ, по нашемъ прибытіи, намъ показали громадное число царскихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ и богатыхъ платьевъ, прося насъ замѣтить и осмотрѣть ихъ внимательно, чтобы мы по пріѣздѣ въ Англію могли разсказать, что видѣли здѣсь. Главнѣйшая вещь—это корона Его Величества, замкнутая наверху, прекрасной работы; по моему мнѣнію, немногіе могли бы улучшить отдѣлку такого количества золота. Она была украшена и изобильно покрыта дорогими драгоцѣнными каменьями, между прочимъ былъ рубинъ, возвышавшійся на верху короны на небольшой проволокѣ, онъ былъ величиною съ добрый бобъ; корона эта была подбита прекраснымъ чернымъ соболемъ, стоющимъ по разсказу, 40 рублей. Мы видѣли

всѣ платья Его Величества, очень богато усѣянныя каменьями; намъ показали много другихъ каменьевъ различныхъ родовъ; но большая часть изъ нихъ неровны, какъ необдѣланные, потому что русскіе больше цѣнятъ величину каменьевъ, чѣмъ соотношеніе частей.

Также мы видѣли два дорогихъ платья, которыя такъ тяжелы, какъ только съ удобствомъ можно носить; всѣ въ жемчужинахъ одни надъ другой. По краямъ посажены сапфиры и дорогіе камни. Одно изъ этихъ платьевъ очень роскошно, потому что жемчугъ крупный, круглый, восточный. Остальныя царскія одѣянія и платья изъ дорогой парчи и подбиты черными соболями. (Неизвѣстный Англичанинъ, 20—21 стр.).

Московскіе бояре, бывшіе съ нами, тотчасъ, по выходѣ изъ нашей комнаты помѣнялись верхними одеждами съ другими своими родственниками, чтобы такимъ образомъ показать намъ свое богатство, что однако мы встрѣчали болѣе со смѣхомъ, чѣмъ съ какимъ-либо удивленіемъ. Невозможно сказать, какъ этотъ народъ любитъ наружное щегольство. Самъ Великій Князь также имѣетъ обыкновеніе показывать чужестраннымъ посламъ свое великолѣпіе сколько возможно съ большимъ тщаніемъ. Тоже самое случилось и въ это время: онъ почти изъ всѣхъ областей созвалъ своихъ дворянъ или бояръ, которые, одѣтые въ красивыя и блестящія одежды, наполняли весь тотъ городъ, гдѣ мы были. У Московскаго Князя сложено огромное число самыхъ блестящихъ одеждъ, сдѣланныхъ для этой цѣли, въ его кладовой. Итакъ, когда приходятъ иностранные послы, онъ уступаетъ оныя своимъ боярамъ, которые вообще довольствуются дешевымъ платьемъ, и они очень заботятся, чтобы не замарать ихъ; если же будетъ какой-нибудь вредъ, то принуждены бываютъ заплатить извѣстную пеню начальнику казны и изъянъ вознаградить. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 53 стр.).

Его шатеръ покрывается золотой и серебряной парчей, до того усыпанной драгоцѣнными камнями, что чудно смотрѣть; я видѣлъ шатры королей Англійскаго и Французскаго, которые великолѣпны, однако же и не походятъ на этотъ. Когда русскихъ посылаютъ въ отдаленныя иностранныя земли, или когда къ нимъ являются иностранцы, то они одѣваются чрезвычайно пышно; а то и Князь самъ ходитъ въ плохенькомъ платьѣ, когда онъ переѣзжаетъ изъ одного города въ другой, то онъ одѣвается умѣренно сравнительно съ другими временами. Пока я жилъ въ Москвѣ, Князь отправилъ 2 пословъ къ Польскому королю; они взяли съ собой по меньшей мѣрѣ 500 лошадей, пышность ихъ была выше всякой мѣры; не только на нихъ самихъ, но и на лошадяхъ ихъ были: бархатъ, золотая и серебряная парча, усыпанныя жемчугомъ и при томъ не въ маломъ числѣ. Что сказать мнѣ дальше, никогда я не слышалъ и не видалъ столь пышныхъ людей; но это вовсе не ежедневное ихъ одѣяніе. Когда нѣтъ случая, ихъ обиходъ только посредственнѣ, какъ я уже сказалъ. (Ченслеръ, 5 стр.).

Это была обширная палата, коей сводъ посединѣ поддерживался колонной, которая и мѣшаетъ поставить княжескій тронъ посединѣ, почему онъ и былъ поставленъ предшественниками князя въ сторонѣ.

Этотъ тронъ хотя и не великъ, но драгоцѣненъ; состоитъ онъ изъ 4 украшенныхъ разными изображеніями позолоченныхъ колоннъ; верхняя часть похожа на кровлю или сводъ, кончаясь конусомъ, и замѣчательна какъ пышностью, такъ и цѣнностью. На верху трона—орелъ двухглавый съ коронами на обѣихъ головахъ да, кромѣ того, надъ этими коронами высились по серединѣ еще третья; это княжескій гербъ, часто встрѣчавшійся

намъ въ иныхъ мѣстахъ во время путешествія по Московіи на верху башенъ и зданій.

На этомъ тронѣ высоко возсѣдалъ Великій Князь Московскій. Величіе его, къ удивленію присутствовавшихъ, превосходило его возрастъ (ему было 18 лѣтъ); голову Князя украшала блиставшая шапка, поверхъ коей была золотая, богато украшенная дорогими камеиьями и другими драгоцѣнностями, корона. Въ рукахъ былъ княжескій скипетръ. Кафтанъ, на который отъ чрезмѣрнаго блеска (я стоялъ близко) нельзя было пристально смотрѣть, былъ столь роскошенъ, что и послѣ, при возвращеніи на посольское подворье, только и было разговору, что о немъ. Верхнее одѣяніе, накинутое какъ мантія, такъ и блистало алмазами и жемчужинами, что Московскаго Царя, красовавшагося въ этомъ убранствѣ, назвали убраннымъ звѣздами солнцемъ. (Таннеръ, 51—52 стр.).

5) Царскіе выѣзды.

Когда выѣзжаетъ государь на прогулку по городу, то весьма часто видите его одѣтымъ просто въ какомъ нибудь цвѣтномъ кафтанѣ безъ золота, и беретъ онъ съ собою лишь нѣсколько слугъ пѣшихъ, безъ конной свиты; а какъ по всѣмъ улицамъ бываетъ тамъ множество народа, то иногда, находясь въ толпѣ, возитъ онъ съ собою у луки сѣдла небольшой барабанъ, въ родѣ того, какой имѣютъ у себя на лошади Мавры; и какъ ударитъ онъ по немъ рукояткой плети, какую обыкновенно имѣютъ всѣ ѣздоки, народъ тотчасъ же раздается въ разныя стороны; впрочемъ такой инструментъ случалось мнѣ видѣть и у сыновей его, да и у другихъ знатнѣйшихъ бояръ. (Барберини, 36—37 стр.).

12-го числа Великій Князь ѣздилъ на богомолье въ церковь, находящуюся въ полумили отъ города, въ сопровожденіи своихъ бояръ, князей и 1000 человѣкъ войска. Впереди ѣхалъ верхомъ на лошади Великій Князь одинъ съ плетью въ рукѣ, а за нимъ бояре и князья, по 10 въ каждой шеренгѣ, представляя собою великолѣпное зрѣлище. Затѣмъ слѣдовала Великая Княгиня съ дѣтьми: молодымъ княземъ и княжною, въ деревянной, рѣзной, большой каретѣ, сверху покрытой краснымъ сукномъ, а по сторонамъ завѣшенной желтой тафтою; карету везли 16 бѣлыхъ лошадей. Потомъ слѣдовали царскія придворныя госпожи въ 22 деревянныхъ каретахъ, раскрашенныхъ зеленою краскою и покрытыхъ также краспымъ сукномъ, которымъ покрыта была и вся конская упряжь. Кареты были плотно притворены и завѣшены, чтобы никого изъ сидящихъ внутри нельзя было видѣть; но, на мое счастье, случилось такъ, что вѣтеръ приподнялъ нѣсколько занавѣсъ въ проѣзжавшей мимо меня каретѣ Великой Княгини, и я могъ видѣть ея лицо и платье; послѣднее было чрезвычайно роскошно и великолѣпно. По сторонамъ поѣзда шло болѣе 100 стрѣльцовъ, съ бѣлыми палками въ рукахъ, которыми они разгоняли съ дороги народъ, сбѣжавшійся отовсюду. Народъ же этотъ, вообще любящій и глубоко почитающій свое Правительство, посылалъ вслѣдъ поѣзду, громкія желанія всякаго счастія и благополучія. (Олеарій, 60—61 стр.).

Два раза мнѣ случалось встрѣтить Царя на улицѣ, отправляющагося для развлеченія за городъ. Я остановился, чтобы поглядѣть на его поѣздъ, слѣдовавшій въ такомъ порядкѣ. Впереди шли два скорохода, сгонявшіе народъ съ улицы и въ дома, чтобы кто не попался Царю навстрѣчу; если не было мѣста, гдѣ скрыться, какъ напр., за городомъ, тогда каждый дол-

женъ былъ падать ницъ и лежать до тѣхъ поръ, пока Царь не проѣдетъ. Подойдя ко мнѣ скороходы спросили:

— «Каки ти чловѣкъ? Посольски»?—т. е. изъ числа ли я посольскихъ челядниковъ?

Я отвѣтилъ:

— «Такъ естить»,—т. е. такъ есть. На это они, замотавъ головой, отвѣчали:

— «Добросте, цустай»,—т. е. хорошо, хорошо, оставайся—и пошли дальше. Спустя немного прослѣдовалъ царскій поѣздъ: впереди вели 18 подъ богатѣйшими сѣдлами коней; за ними слѣдовало множество придворныхъ, всѣ безъ шапокъ; наконецъ ѣхалъ самъ Царь верхомъ на прекраснѣйшемъ конѣ, съ золотымъ скипетромъ въ рукѣ и въ золотой, всѣми частями блиставшей и усѣянной алмазами, коронѣ, сверхъ подбитой собольимъ мѣхомъ шапки. Когда я сдѣлалъ ему надлежащій поклонъ, онъ, чуть качнувъ головою и скипетромъ, отвѣтилъ мнѣ благосклонной улыбкой. Затѣмъ длиннымъ рядомъ ѣхалъ кухонный обозъ и разныя принадлежности. И это былъ неоффиціальный выѣздъ Царя, который величіе свое заявляетъ, не какъ иные монархи, толпою царедворцевъ, а больше всего роскошью одеждъ и красотою коней. (Таннеръ, 108 стр.).

6) Царскія развлеченія.

1 октября Великій Князь отправился въ монастырь Святой Троицы, лежащій въ 12 миляхъ отъ Москвы. Мы спрашивали нашихъ переводчиковъ, въ какомъ числѣ обыкновенно выѣзжаетъ Великій Князь? Они сказали, что въ иное время, когда ѣдетъ прогуляться за 2 или за 3 мили, беретъ съ собой 2000 и 3000 верховыхъ, а сколько теперь взялъ, они хорошенько не знаютъ.

7-го числа Великій Князь охотился, по возвращеніи изъ выше сказаннаго монастыря, и убилъ до 65 лосей. 8 числа убилъ еще 56 лосей, а на другой день прислалъ, съ своимъ начальникомъ охотниковъ Васильичемъ, 7 большихъ лосей въ подарокъ послу, въ числѣ ихъ одинъ былъ съ рогами о 22 вѣткахъ, да еще большого медвѣдя, а сыну посла подарилъ тоже лося да черную лисицу, которую по словамъ охотничаго, Великій Князь поймалъ своими руками. Двоимъ ихъ дворянамъ тоже подарены были Великимъ Княземъ 2 лося. 10 числа Великій Князь вернулся опять въ Москву со своими придворными. (Варкочъ, 18—19 стр.).

Вблизи Москвы есть мѣсто, поросшее кустарниками и очень удобное для зайцевъ; въ немъ какъ будто въ заячьемъ питомникѣ, разводится великое множество зайцевъ, причемъ, подъ страхомъ величайшаго наказанія, никто не дерзаетъ ихъ ловить, а также рубить тамъ кустарникъ. Огромное количество зайцевъ разводитъ Государь также въ звѣриныхъ загонахъ и въ другихъ мѣстахъ. И всякій разъ, какъ онъ пожелаетъ насладиться такой забавой, онъ велитъ свозить зайцевъ изъ различныхъ мѣстностей, ибо, чѣмъ больше онъ поймаетъ зайцевъ, тѣмъ съ большимъ, по его мнѣнію, забавой и почетомъ прикончилъ онъ дѣло. Точно также, когда прибудетъ на поле, то отправляетъ за послами нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми придворными или рыцарями и велитъ имъ проводить къ нему пословъ. Когда ихъ приведутъ и они станутъ приближаться къ Государю, то принуждены бываютъ, по внушенію совѣтниковъ, сойти съ коней и сдѣлать къ Государю нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Точно

такимъ же образомъ провожали на охотѣ къ нему и насъ, и онъ ласково принялъ насъ, причемъ сидѣлъ на разукрашенномъ конѣ, одѣтъ былъ въ блестящее одѣяніе, безъ рукавицъ, но съ покрытою головою. Онъ протянулъ намъ голую руку и сталъ говорить чрезъ толмача: «Мы выѣхали для своей забавы и позвали васъ принять участіе въ нашей забавѣ и получить отъ этого какое-нибудь удовольствіе. Поэтому садитесь на коней и слѣдуйте за нами». Головнымъ уборомъ его служитъ такъ называемый у нихъ колпакъ. Этотъ колпакъ съ обѣихъ сторонъ и сзади и спереди, имѣлъ какъ-бы ожерелья, изъ которыхъ золотыя пластинки направлялись въ высь на подобіе перьевъ и, сгибаясь, развѣвались вверхъ и вниз. Платье его было на подобіе терлика и расшито золотыми нитями. На поясѣ, по обычаю ихъ родины, висѣли у него два продолговатые ножичка и также продолговатый кинжалъ; на спинѣ подъ поясомъ онъ имѣлъ особый видъ оружія, напоминающій древне-римскій цестъ; этимъ оружіемъ они обычно пользуются на войнѣ. Это—палка нѣсколько длиннѣе локтя, къ которой прибитъ кожаный ремень длиною въ двѣ пяди; на краю ремня находится или желѣзная или мѣдная булава, въ видѣ какого то обрубка. Но у Государя этотъ обрубокъ со всѣхъ сторонъ украшенъ золотомъ. Съ праваго боку его ѣхалъ изгнанный Казанскій Царь, татаринъ, по имени Шигъ-Алей, а съ лѣваго два молодые князя. Одинъ изъ нихъ держалъ въ правой рукѣ сѣкиру изъ слоновой кости, называемую ими топоромъ и имѣющую почти такой же видъ, какъ изображаемый на Венгерскихъ золотыхъ; у другого же была булава, также подобная Венгерской, которую они называютъ шестоперомъ, т. е. имѣющую шесть перьевъ. Царь Шигъ-Алей былъ опоясанъ двойнымъ колчаномъ: въ одномъ были спрятаны стрѣлы, а въ другомъ, такъ сказать, заключенъ лукъ. Въ полѣ находилось болѣе трехсотъ всадниковъ. Когда мы такимъ образомъ подвигались по полю, то Государь нѣсколько разъ повелѣвалъ намъ останавливаться, то на одномъ, то на другомъ мѣстѣ и иногда ближе подъѣзжать къ нему. Затѣмъ, когда насъ препроводили на мѣсто охоты, Государь обратился къ намъ говоря, что всякій разъ, какъ онъ находится на охотѣ и забавѣ своей, у нихъ существуетъ обыкновеніе, по которому самъ онъ и другіе знатные люди собственноручно ведутъ охотничьихъ собакъ; то же самое совѣтовалъ онъ сдѣлать и намъ. Затѣмъ онъ приставилъ къ каждому изъ насъ двухъ людей, каждый изъ которыхъ велъ собаку, чтобы мы пользовались ими для своей забавы. На это мы отвѣчали, что съ благодарностью принимаемъ настоящую его милость, и что тотъ же самый обычай существуетъ и у нашихъ земляковъ. Къ оговоркѣ же этой онъ прибѣгъ потому, что собака у нихъ считается животнымъ нечистымъ и касаться ея голой рукой позорно. Межъ тѣмъ въ длинномъ ряду стояли почти сто человѣкъ, половина которыхъ была одѣта въ черный, другая въ желтый цвѣтъ. Невдалекѣ отъ нихъ остановились всѣ другіе всадники, препятствуя зайцамъ перебѣгать по той дорогѣ и ускользать. Въ началѣ никому не дозволялось спустить охотничью собаку, кромѣ Царя Шигъ-Алея и насъ. Государь первый закричалъ охотнику, повелѣвая начинать; тотъ немедленно самымъ быстрымъ бѣгомъ мчится на конѣ къ прочимъ охотникамъ, число которыхъ было велико. Вслѣдъ за тѣмъ они кричатъ всѣ въ одинъ голосъ, и спускаютъ меделянскихъ и ищейныхъ собакъ. И подлинно, весьма пріятно было слышать столько собакъ съ ихъ весьма разнообразнымъ лаемъ.

У Государя имѣется огромное количество собакъ и притомъ отличныхъ. Одни, по имени Курцы, употребляются только для травли зайцевъ,

очень красивыя съ мохнатыми хвостами и ушами, вообще смѣлыя, но непригодныя къ преслѣдованію и бѣгу на болѣе дальнее разстояніе. Когда появляется заяцъ, то выпускаютъ трехъ, четырехъ, пять или болѣе собакъ, и тѣ отовсюду нападаютъ на него. Когда собаки схватятъ зайца, то охотники поднимаютъ крикъ и громко рукоплещутъ, какъ если бы пойманъ большой звѣрь. Если иногда зайцы выбѣгаютъ не слишкомъ скоро, то Государь обычно тотчасъ же зоветъ кого-нибудь, кого онъ замѣтитъ среди кустарниковъ съ зайцемъ въ мѣшкѣ и кричитъ ему: «Гуй, гуй»; этимъ возгласомъ онъ указуетъ, что надлежитъ выпустить зайца. Поэтому иногда зайцы выходятъ какъ будто сонные и прыгаютъ среди собакъ, словно козлята и ягнята среди стадъ. Чья собака поймаетъ больше, тотъ считается въ тотъ день какъ бы совершившимъ выдающійся воинскій подвигъ. Равнымъ образомъ самъ Государь открыто привѣтствуетъ посла, собака котораго схватила большее количество зайцевъ. Наконецъ, по окончаніи охоты, всѣ собрались и снесли вмѣстѣ зайцевъ; затѣмъ ихъ стали считать, а всего насчитано было около 300. Тамъ были тогда лошади Государя, но не въ очень большомъ количествѣ и недостаточно красивыя. Ибо, когда я участвовалъ въ подобной забавѣ въ первое посольство, я видѣлъ лошадей гораздо больше и красивѣе, въ особенности изъ той породы, которую мы называемъ турецкими, а они аргамаками. Съ охоты Государь отправился къ одной деревянной башнѣ, отстоящей отъ Москвы на пять тысячъ шаговъ. Тамъ разбиты были нѣсколько шатровъ: первый великій и обширный, наподобіе дома, для Государя, второй для Царя Шигъ-Алея, третій для насъ, затѣмъ другіе для другихъ лицъ и вещей. Когда насъ проводили туда по чину, и равнымъ образомъ Государь вошелъ въ свой шатеръ, онъ перемѣнилъ платье и тотчасъ позвалъ насъ къ себѣ. При нашемъ появленіи онъ сидѣлъ на сѣдалищѣ изъ слоновой кости; съ правой стороны его былъ Шигъ-Алей, а мы сѣли напротивъ на мѣстѣ и въ другое время назначенномъ для пословъ, когда ихъ выслушиваютъ, или ведутъ съ ними переговоры о дѣлахъ. Ниже Царя сидѣли извѣстные князья и совѣтники, а съ лѣвой стороны его младшіе князья, которымъ Государь выражаетъ особое благоволеніе и милость. Итакъ, когда всѣ разсѣлись по мѣстамъ, намъ прежде всего поставили варенья (какъ они называютъ) изъ кишнеца, аниса и миндалей, затѣмъ орѣхи, миндаль и цѣлую пирамиду сахару; служители держали это и подавали Государю, Царю и намъ, преклонивъ колѣна. Равнымъ образомъ по обычаю давали и напитки, и Государь изъявилъ свою милость (какъ онъ обычно это дѣлаетъ на обѣдахъ). Въ первое мое посольство мы на томъ мѣстѣ и обѣдали. И когда среди обѣда шатеръ случайно пошатнулся, и упалъ на землю хлѣбъ, который они именуютъ хлѣбомъ Пресвятой Дѣвы и который они, обычно, чтутъ и даже вкушаютъ какъ бы до извѣстной степени священный, храня его, наконецъ, вообще въ жилищахъ съ почетомъ и на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, то Государь и другіе были весьма сильно поражены этимъ случаемъ и стояли въ ужасѣ. Тогда немедленно позванъ былъ священникъ и съ величайшимъ тщаніемъ и благоговѣніемъ сталъ собирать этотъ хлѣбъ изъ травы. По окончаніи небольшого угощенія и послѣ принятія напитковъ, которые предложилъ намъ Государь, онъ отпустилъ насъ со словами: «Теперь ступайте». Послѣ отпуска насъ съ почетомъ проводили до самыхъ нашихъ гостиницъ. Есть у Государя и другой родъ забавы, на который (какъ я узналъ) онъ обычно приглашаетъ другихъ пословъ. Откармливаютъ медвѣдей въ нѣкоемъ весьма обширномъ и нарочито для того устроенномъ домѣ; въ этомъ помѣщеніи

Государь, взявъ съ собою пословъ, обычно устрояетъ игры. У него есть нѣсколько людей самаго низкаго званія, которые по приказу и на глазахъ Государя, приступаютъ съ деревянными вилами къ медвѣдямъ и вызываютъ ихъ на бой. Наконецъ они сходятся и если случайно раздраженные и разъяренные медвѣди поцарапаютъ ихъ, то эти люди бѣгутъ къ Государю съ крикомъ: «Государь, вотъ мы ранены!». На это Государь отвѣчаетъ: «Уходите, я окажу вамъ милость». Затѣмъ онъ велитъ лечить ихъ и, кромѣ того выдать имъ платья и нѣсколько мѣръ хлѣба. (Герберштейнъ, 209, 210, 211, 212, 213 стр.).

Другая особенная потѣха есть бой съ дикими медвѣдями, которыхъ ловятъ въ ямахъ и тенетами и держатъ въ желѣзныхъ клѣткахъ, пока Царь не пожелаетъ видѣть это зрѣлище. Бой съ медвѣдемъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ, обнесенный стѣною, ставятъ человѣка, который долженъ возиться съ медвѣдемъ, какъ умѣетъ, потому что бѣжать некуда. Когда спустятъ медвѣдя, то онъ прямо идетъ на своего противника съ отверзтою пастью. Если человѣкъ съ перваго раза даетъ промахъ и подпуститъ къ себѣ медвѣдя, то подвергается большой опасности; но какъ дикій медвѣдь весьма свирѣпъ, то это свойство даетъ перевѣсъ надъ нимъ охотнику. Нападая на человѣка, медвѣдь поднимается обыкновенно на заднія лапы и идетъ къ нему съ ревомъ и разинутою пастью. Въ это время, если охотникъ успѣетъ ему всадить рогатину въ грудь между двумя передними лапами (въ чемъ, обыкновенно, успѣваетъ) и утвердить другой конецъ ея у ноги такъ, чтобы держать его по направленію къ рылу медвѣдя, то, обыкновенно, съ одного раза сшибаетъ его. Но часто случается, что охотникъ даетъ промахъ и тогда лютый звѣрь или убиваетъ, или раздираетъ его зубами и когтями на части. Если охотникъ хорошо выдержитъ бой съ медвѣдемъ, его ведутъ къ царскому погребу, гдѣ онъ напивается до пьяна въ честь Государя, и въ этомъ вся его награда за то, что онъ жертвовалъ жизнію для потѣхи царской. Чтобы пользоваться этимъ удовольствіемъ, Царь содержитъ нѣсколько ловчихъ, опредѣленныхъ для ловли дикихъ медвѣдей. Травлею Царь забавляется, обыкновенно, по праздникамъ. (Флетчеръ, 121 стр.).

Въ этотъ же день, субботу на масленицѣ, Царь устроилъ также на Москвѣ-рѣкѣ, покрытой льдомъ, травлю, въ которй боролись между собой громадныя англійскія и другихъ породъ собаки съ бѣлыми медвѣдями изъ страны самоѣдовъ. Зрѣлище было крайне забавное, такъ какъ и тѣ и другіе часто не могли удержаться на ногахъ на семъ скользскомъ помостѣ. Вечеромъ же Царь ходилъ туда же смотрѣть на летающіе потѣшные огни. (Рейтенфельсъ, 98 стр.).

12 декабря Его Величество съ знатными своими выѣхалъ въ поле, свита его была на испанскихъ и турецкихъ жеребцахъ, изобильно разукрашенныхъ золотомъ и серебромъ. На Царѣ было парчевое платье, на головѣ его алая шапка, усыпанная не только жемчугомъ, но и другими драгоцѣнными каменьями. Царскіе придворные всѣ были въ парчевыхъ платьяхъ, ѣхали они передъ Царемъ въ порядкѣ, по трое, впереди ихъ шли стрѣльцы по 5 въ рядъ; каждый стрѣлецъ несъ пищаль на лѣвомъ плечѣ и фитиль на правой рукѣ. Въ такомъ порядкѣ они слѣдовали на поле, гдѣ была установлена артиллерія.

До прибытія Царя на поле, тамъ былъ сдѣланъ помостъ изъ небольшихъ свай, длиною въ $^1/_4$ мили; въ 60 аршинахъ отъ этого помоста были поставлены кабаны льду, 2 фута толщиной и 6 футовъ высотой, во всю

длину помоста. Какъ только Царь прибылъ на поле, стрѣльцы взошли на помостъ и размѣстились въ порядкѣ; когда же Царь занялъ мѣсто, откуда онъ могъ бы видѣть всю артиллерію, стрѣльцы начали стрѣлять въ ледяной рядъ, какъ будто бы была стычка, или битва, и не прекращали стрѣльбы до тѣхъ поръ, пока не разбили и не повалили на землю всѣ льдины.

Послѣ стрѣльцовъ стрѣляли на воздухъ греческимъ огнемъ, что представляетъ великолѣпное зрѣлище. Затѣмъ начали стрѣлять изъ пушекъ, начиная съ самыхъ маленькихъ и постепенно переходя къ большимъ и, наконецъ, изъ самыхъ большихъ. Когда выстрѣлили изъ всѣхъ, пушки снова были заряжены, и стрѣляли въ такомъ же порядкѣ три раза, начиная съ самыхъ маленькихъ и кончая наибольшими. Замѣтьте, что еще до окончанія стрѣльбы, 2 дома, въ которые стрѣляли, были разбиты вдребезги, несмотря на то, что они были прочно сдѣланы изъ дерева и набиты землей, имѣя, по крайней мѣрѣ, 30 футовъ въ ширину. По окончаніи этого торжества, Царь отправился домой въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ онъ прибылъ на поле. Артиллерія ежегодно стрѣляетъ въ декабрѣ такимъ порядкомъ. (Неизвѣстный Англичанинъ, 16—17 стр.).

Въ двухъ миляхъ отъ города, близъ рощи, предназначенной для охотъ, среди обширнаго поля, возвышался домъ, весь обтянутый внутри пурпурными и златотканными настѣнными коврами, а снаружи—краснымъ сукномъ. Съ трехъ сторонъ устланныя также драгоцѣнными коврами крыльца въ 12 ступеней вели ко входу въ него, а все это сооруженіе было ограждено на большомъ разстояніи кругомъ для сдерживанія толпы деревянными перилами, обернутыми красною тканью, а около нихъ также кругомъ стояли въ большомъ количествѣ пушки; въ видѣ, какъ бы подкрѣпленія, была протянута еще цѣпь солдатъ. Недалеко отъ сего бросалась въ глаза нѣкая круглая, искусно изъ дерева выстроенная, съ окнами во всѣ стороны, и обитая разноцвѣтнымъ шелкомъ башня, въ которой весело играли трубачи и литаврщики. Противъ царскаго престола было выстроено до пяти тысячъ пѣхоты съ развѣвающимися знаменами; между ею и выше описаннымъ домомъ проходили знатные военачальники съ своими конными отрядами, привѣтствуя Царя низкимъ наклоненіемъ головы, и, спѣшиваясь, представляли ему безъ замедленія донесенія о своемъ отрядѣ, каждый особо. Богатое убранство солдатъ, бывшихъ на этомъ смотру, хотя и уступало въ гуляществѣ убранству, употребляемому въ Европѣ, но зато превосходило его дороговизною тканей и азіатскою роскошью. Всѣ зрители съ изумленіемъ останавливали взоры на всадникахъ, изъ которыхъ исключительно состояло все это войско, не только изъ за ихъ блестящаго, разнообразнаго оружія, но и вслѣдствіе красиваго вида ихъ одеждъ. За каждымъ изъ нихъ вели разукрашенныхъ коней безъ сѣдоковъ, а въ поводу, въ сопровожденіи многочисленной свиты рабовъ. У коней не только грива, шея, голова, ноги, копыта блистали серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, но и уздечки, попоны, нахвостники, и чапраки, были до того отягчены драгоцѣнностями, что лошади насилу могли двигаться. (Рейтенфельсъ, 128, 129 стр.).

7) Христосованіе Царя съ боярами.

Царь во всѣ первые три дня Пасхи занятъ пріемомъ къ цѣлованію своей руки вельможъ и прочихъ придворныхъ. Вельможи и всѣ, старающіеся добиться для себя ихъ положенія исправленіемъ придворныхъ долж-

ностей, подносятъ ему нѣсколько собольихъ мѣховъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, но удержавъ у себя хлѣбъ и соль все другое онъ отдаетъ имъ назадъ съ благодарностью.

Прочіе подходятъ къ нему безъ подарковъ и, цѣлуя его сжатую въ кулакъ, правую руку, подставляютъ ему свои, тоже правыя, въ которыя и опускаетъ онъ изъ кулака по два яйца каждому. (Майербергъ, 46 стр.).

8) Царскія похороны.

Когда кто-либо, царской крови, умираетъ, то онъ почти въ самый день смерти хоронится въ соборѣ св. Архангела Михаила, безъ многовѣщательной нагробной надписи, безъ дорогихъ куреній, въ простомъ неукрашенномъ гробѣ. Оставшіеся въ живыхъ, родственники и домашніе его въ изорванныхъ темныхъ одеждахъ оплакиваютъ его и за время, назначенное для скорби, отращиваютъ себѣ волосы. Состоящія при дворѣ женщины провожаютъ покойника до могилы съ непрерывающимися воплями, усердно проливая слезы, съ распущенными въ безпорядкѣ волосами, непокрытой головой и неумолкаемыми похоронными пѣснями. Самъ Царь удаляется во внутреніе покои и, облекшись въ поношенную одежду предается тяжкой печали, пока, понемногу, выслушивая утѣшеніе друзей не вернетъ себѣ прежняго спокойнаго состоянія духа. Во все это время онъ оказываетъ бѣднымъ многія благодѣянія: подастъ милостыню, отпускаетъ рабовъ на волю, освобождаетъ заключенныхъ въ темницахъ и воспоплѣшныхъ и назначаетъ своимъ поддашнымъ либо облегченіе въ налогахъ, либо полное освобожденіе отъ нихъ. (Рейтенфельсъ, 91 стр.).

9) Выборъ невѣсты.

Задумавъ жениться, московитскіе Государи, по обычаю, дѣлаютъ выборъ изъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ въ цѣломъ царствѣ и велятъ привести къ себѣ всѣхъ, особенно отличающихся своею наружностью и душевными качествами. Потомъ они приказываютъ свѣдущимъ людямъ и надежнымъ женщинамъ осмотрѣть ихъ и притомъ съ такою тщательностью, что имъ дозволяется ощупать и изслѣдовать даже болѣе сокровенное. А затѣмъ уже послѣ долгаго мучительнаго ожиданія родителей, достойной брака съ Царемъ признается та изъ нихъ, которая придется по душѣ Государю. А остальныя изъ дѣвицъ, состязавшихся о первенствѣ въ красотѣ, цѣломудріи и нравственности, часто въ тотъ же самый день въ угоду Государямъ выходятъ замужъ за вельможъ и воиновъ. Такимъ образомъ, въ силу того, что Государи пренебрегаютъ славными отпрысками царскаго рода на высоту царственнаго ложа, подъ покровительствомъ красоты, взбираются по большей части дѣвушки невысокаго званія, какъ мы видимъ это въ обычаѣ и у Турокъ Оттомановъ. (Павелъ Іовій, 273—274 стр.).

10) Домашній бытъ Царицы.

Дома Царицы проводятъ всю жизнь уединенно на женской половинѣ въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и женщинъ и никому изъ нашего брата, мужчинъ, кромѣ весьма немногихъ прислужниковъ, не дозволяется видѣть ихъ, ни разговаривать съ ними. Мало того, онѣ обыкновенно не могутъ на-

бирать себѣ, по собственному желанію, боярынь изъ общаго числа знатныхъ женщинъ. Съ Царемъ онѣ рѣдко садятся за одинъ столъ и для препровожденія времени и развлеченія занимаются лишь вышиваньемъ золотомъ или больше приготовленіемъ притираній. (Рейтенфельсъ, 83 стр.).

Разъ, когда Царица лежала больная въ постели, она пожелала принять приглашеннаго врача въ своей спальнѣ, сумрачной по случаю завѣшенныхъ оконъ, чтобы ему было не видать ее, и подали ему для изслѣдованія правую руку, покрывъ сначала жилу у ней самою тонкою тканью, а то обнаженную онъ могъ бы осквернить своимъ прикосновеніемъ. Когда она пожелаетъ выѣхать пользоваться воздухомъ ее везутъ въ закрытой каретѣ, или саняхъ, смотря по времени года. Если случится увидать запряженную многими бѣлыми лошадьми карету Царицы, подражающей Юпитеру или солнцу, подумаешь, что видишь четверыхъ камилловъ, справляющихъ свой тріумфъ. А при выходахъ въ церковь, она ходитъ туда изъ дворца сѣнями, закрытыми со всѣхъ сторонъ, чтобы случайно не осквернилъ ее грубый взглядъ прохожихъ; въ торжественные дни, или въ обыкновенные праздники, идущая позади у ней знатная дѣвица держитъ надъ головой ея круглый зонтъ, привѣшенный на придѣланной къ нему длинной рукояткѣ. Въ самые большіе праздники, когда надѣваетъ вѣнецъ четыре такихъ же дѣвицы посятъ надъ нею длинный зонтъ (балдахинъ), подъ которымъ между нею и идущими впереди ея Царскими сестрами, мамки, обреченныя монастырю въ случаѣ смерти ихъ питомцевъ, несутъ дѣтей обоего пола, пока они еще не подросли. Впереди ея всегда идутъ нѣсколько благородныхъ дѣвицъ, держащія восковыя свѣчи въ темную пору; если она намѣрена служить панихиду по душамъ усопшихъ, вмѣстѣ съ дѣвицами идетъ вдова изъ знатныхъ, несущая въ протянутой впередъ рукѣ небольшой серебрянный сосудъ съ медомъ, пшеномъ, смоквами и сахаромъ, называемый кутьею, чтобы поставить ее на гробницѣ. (Майербергъ, 172—173 стр.).

11) Выѣзды Царицы.

Когда Царицы проѣзжаютъ по городу, среди народа, въ каретахъ, или ѣдутъ за городъ, то онѣ до того окутаны покрывалами, что ни ихъ не видно ни сами онѣ ничего не видятъ. Поэтому, обыкновенно, устраиваютъ такъ, что онѣ совершаютъ свои поѣздки большею частью либо рано утромъ, либо поздно вечеромъ, причемъ впереди ѣдутъ нѣсколько солдатъ, не подпускающіе встрѣчныхъ по пути близко къ каретамъ. Кареты, въ которыхъ ѣздятъ царскія супруги, обиты краснымъ сукномъ и везутъ ихъ большею частью, восемь бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей, украшенныхъ нагрудниками и нахвостниками изъ краснаго шелка, а по бокамъ идетъ длинный рядъ тѣлохранителей. За каретою Царицы слѣдуютъ нѣсколько каретъ наиболѣе знатныхъ боярынь, запряженныхъ, однако, лишь одною или двумя лошадьми. Кромѣ своей домовой во дворцѣ церкви, онѣ крайне рѣдко посѣщаютъ какія-либо другія, а на торжественныя всенародныя молебствія или собранія не являются никогда. (Рейтенфельсъ, 82, 83 стр.).

15-го числа Великій Князь возвратился съ супругой домой. За Великимъ Княземъ ѣхали его бояре и придворные, за Великою Княгинею 36 ея боярышень и дѣвушекъ, въ красныхъ одеждахъ и бѣлыхъ шапочкахъ, отъ которыхъ вдоль спины висѣли длинные красные снурки. Вокругъ шеи у нихъ были бѣлыя покрывала, сами же онѣ были нарумянены очень замѣтно. Онѣ ѣхали верхами на лошадяхъ, какъ мужчины. (Олеарій, 95 стр.).

12) Воспитаніе царскихъ дѣтей.

Дѣтей Царя не пускаютъ ни на какія торжественныя и многолюдныя собранія, живутъ они во внутреннихъ помѣщеніяхъ дворца, куда никто не смѣетъ проникнуть, кромѣ лицъ, на попеченіи коихъ они находятся. Способъ воспитанія у нихъ почти тотъ же, что у всѣхъ азіатскихъ народовъ. Наружу они выходятъ не иначе, какъ послѣ того, какъ удалятъ всѣхъ, могущихъ попасть имъ навстрѣчу, и закрытые со всѣхъ сторонъ распущенными зонтами. На 19-омъ лишь году отъ роду (русскіе въ этомъ возрастѣ становятся совершеннолѣтними) можетъ являться народу лишь тотъ Царевичъ, который въ будущемъ имѣетъ наслѣдовать престолъ отъ отца. Остальные же, равно какъ и дочери, обречены на вѣчное проживаніе въ монастырѣ. Въ настоящее время на это смотрятъ уже болѣе правильно, нежели прежде, и дѣти, ежедневно, въ опредѣленные часы, упражняются въ разныхъ играхъ, либо въ ѣздѣ верхомъ, либо въ стрѣльбѣ изъ лука. Зимою имъ устраиваютъ деревянныя горы и посыпаютъ ихъ снѣгомъ; съ нихъ они быстро, но плавно, скатываются на саняхъ или въ лубочныхъ корытцахъ, палкою направляя ихъ. Танцы, кулачные бои, и другія распространенныя у насъ благороднѣйшія упражненія у русскихъ не допускаются вовсе. Въ такъ называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названію и ходу своему, по истинѣ царскую, они играютъ ежедневно и очень искусно, развивая ею свой умъ до удивительной степени. Науками общеобразовательными они, даже самымъ поверхностнымъ образомъ, не занимаются, кромѣ всеобщаго краткаго политическаго обозрѣнія, ибо наставники ихъ обучаютъ исключительно только одному умѣнью читать, писать и считать и знакомятъ ихъ съ состояніемъ собственной страны и другихъ сосѣднихъ державъ, чего де должно имъ ожидать и чего опасаться. Главное вниманіе въ этихъ занятіяхъ обращается на то, чтобы дѣти точнѣе изучали языкъ и нравы разнообразныхъ своихъ подданныхъ, привыкали неуклонно слѣдовать стариннымъ обычаямъ и ревностно оберегать вѣру, причемъ все это для нихъ безусловно обязательно. (Рейтенфельсъ, 84, 85 стр.).

13) Дома знатныхъ и простыхъ людей.

Жилые городскіе дома (за исключеніемъ принадлежащихъ большимъ боярамъ и богатѣйшимъ изъ купцовъ и нѣмцевъ, которые на дворахъ своихъ имѣютъ каменныя палаты) всѣ построены изъ дерева, изъ положенныхъ другъ на друга (на концахъ крестообразно) сосновыхъ и еловыхъ балокъ. Крыши на домахъ дѣлаются изъ теса, поверхъ котораго настилается березовая кора (береста), а иногда и дернъ, отъ чего бываютъ частые большіе пожары, такъ что не проходитъ не только мѣсяца, но даже недѣли, чтобы не сгорѣло нѣсколько домовъ, а иногда, при сильномъ вѣтрѣ, и цѣлыхъ улицъ. (Олеарій, 107 стр.).

Дома ихъ деревянные, безъ извести и камня, построены весьма плотно и тепло изъ сосновыхъ бревенъ, которыя кладутся одно на другое и скрѣпляются по угламъ связями. Между бревнами кладутъ мохъ (его собираютъ въ большомъ изобиліи въ лѣсахъ) для предохраненія отъ дѣйствія наружнаго воздуха. Каждый домъ имѣетъ лѣстницу, ведущую въ комнаты со двора или съ улицы, какъ въ Шотландіи. Деревянная постройка для Русскихъ, повидимому, гораздо удобнѣе, нежели каменная или кирпичная, потому что въ послѣднихъ больше сырости и онѣ холоднѣе, чѣмъ деревянные

дома, особенно изъ сухого сосноваго лѣса, который больше даетъ тепла. Провидѣніе наградило ихъ лѣсами въ такомъ изобиліи, что можно выстроить порядочный домъ рублей за двадцать, или за тридцать, или немного болѣе, даже тамъ, гдѣ мало лѣсу. Неудобны же деревянныя строенія особенно тѣмъ, что подвергаются опасности сгорѣть; пожары тамъ случаются очень часто и бываютъ очень страшны по причинѣ сухости и смолы, заключающейся въ деревѣ, которое, разъ загорѣвшись, пылаетъ подобно факелу, такъ что трудно бываетъ потушить огонь, пока все не сгоритъ. (Флетчеръ, 118—119 стр.).

Дома въ Московіи мало украшаютъ и мало обращаютъ на нихъ вниманія; воздвигая ихъ не прибѣгаютъ къ разнаго рода ухищреніямъ и отдѣлкамъ. Но пренебрегая каменными домами, они совершенно справедливо полагаютъ, что гораздо здоровѣе по причинѣ сильныхъ и постоянныхъ холодовъ, запираться, подобно татарамъ и китайцамъ, въ деревянные. Простой народъ выводитъ дома лишь въ одинъ ярусъ, остальные-же выше двухъ. Многіе дома даже среди города, не имѣя дымовыхъ трубъ выпускаютъ дымъ чрезъ крайне узкія окна и не заключаютъ въ своихъ стѣнахъ ничего другого, кромѣ печи для варки пищи, стола со скамьями и небольшой иконы какого-нибудь святого. Бояре живутъ также очень тѣсно и въ деревянныхъ тоже, по большей части, домахъ, а рабы укрываются въ маленькихъ, расположенныхъ на томъ-же дворѣ, вокругъ дома ихъ господина, домикахъ, кои въ другихъ странахъ были бы сочтены за свиные хлѣвы. У воротъ они воздвигаютъ небольшія деревянныя башенки, гдѣ рабы обыкновенно содержатъ стражу и извѣщаютъ о каждомъ часѣ ночи ударами дубины по бревнамъ. Богатые люди присоединяютъ къ городскимъ домамъ своимъ садики, засаженные пахучими растеніями, и бани, въ которыхъ они чуть не ежедневно моются и сильно потѣютъ, причемъ хлещутъ себя березовыми вѣниками. Такого же рода бани существуютъ и общественныя, назначенныя для пользованія тому и другому полу, гдѣ за небольшую плату ихъ владѣльцу народъ моется, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю, и откуда люди часто изъ сильнѣйшаго жара выбѣгаютъ на рѣку или на снѣгъ для охлажденія, безъ всякаго вреда для ихъ голаго тѣла. Ворота ведущія во дворъ около дома они стоятъ высокими и широкими, дабы хоть этимъ выказать свое великолѣпіе. Крыши деревянныя, или соломенныя, промазанныя глиною. (Рейтенфельсъ, 153 стр.).

Домъ для нашего помѣщенія отведенъ былъ довольно просторный и каменный, а это рѣдкость въ Москвѣ, потому что большинство Москвитянъ живетъ въ деревянныхъ. Только нѣсколько лѣтъ назадъ многіе изъ нихъ стали строить себѣ дома изъ кирпича, либо по тщеславію, либо для того, чтобы безопаснѣе жить въ нихъ отъ частыхъ пожаровъ, совсѣмъ тѣмъ строятъ себѣ спальни изъ сосновыхъ бревенъ, а для связи ихъ прошиваютъ ихъ, мхомъ, говоря, что известка всегда имѣетъ вредное свойство для здоровья, что и правда. Тамошніе зимніе холода имѣютъ такую пронзительную силу, что пробираются сквозь самыя толстыя каменныя стѣны, вмѣстѣ съ сыростью и, замораживая ее, покрываютъ снѣговой корой: это видалъ я много разъ самъ. (Майербергъ, 60—61 стр.).

Что касается ихъ палатъ, находящихся въ этомъ городѣ, то большая часть ихъ новыя, изъ камня и кирпича и построены по образцу нѣмецкихъ франковъ, у которыхъ научились теперь строить московиты. Мы дивились на ихъ красоту, украшенія, прочность, архитектуру, изящество, множество

оконъ и колонъ съ рѣзьбой, кои по сторонамъ оконъ, на высоту ихъ этажей, какъ будто опѣ крѣпости, на ихъ огромныя башни, на обильную раскраску разноцвѣтными красками снаружи и внутри: кажется, какъ будто это дѣйствительно куски разноцвѣтнаго мрамора, или тонкая мозаика. (Павелъ Алепскій, 33 стр. вып. III).

Обыкновенно, всѣ строенія въ этомъ городѣ скрѣплены огромными желѣзными связями внутри и снаружи; всѣ двери и окна сдѣланы тоже изъ чистаго желѣза—работа удивительная. Надъ верхнею площадкою каждой лѣстницы воздвигаютъ куполъ на четырехъ столбахъ съ четырьмя арками въ серединѣ каждой арки выступъ арочный, утвержденный прямо, съ удивительнымъ искусствомъ: обтесываютъ камень въ очень красивую форму и, просверливъ его, пропускаютъ сквозь него желѣзный шестъ съ двумя вѣтвями на концахъ, заклепываютъ ихъ и заканчиваютъ стройку надъ этимъ камнемъ, который представляется великимъ чудомъ ибо виситъ въ серединѣ, спускаясь прямо. (Павелъ Алепскій, 33, 34 стр.). (вып. III).

Дома въ этомъ городѣ, какъ и въ прочихъ городахъ и селеніяхъ, небольшіе и дурно расположены, безъ всякаго удобства и надлежащаго устройства. Во-первыхъ, большая изба, гдѣ ѣдятъ, работаютъ, однимъ словомъ дѣлаютъ все; въ ней находится печь, нагрѣвающая избу; и на этой печи обыкновенно ложится спать все семейство; между тѣмъ, не придетъ имъ въ голову хотя бы провести дымовую трубу; а то даютъ распространяться дыму по избѣ, выпуская его только черезъ двери и окна, такъ что не малое наказаніе тамъ оставаться. (Барберини, 10 стр.).

Дома знатныхъ и городскихъ жителей малы и по большей части крытые соломой. Всѣ комнаты, которыя мы видѣли въ Московіи, печей не имѣютъ. Такъ какъ у нихъ печи бываютъ только для приготовленія пищи и хлѣба, то все наполняется дымомъ; а какъ люди и скотъ находятся вмѣстѣ, то все очень грязно. Вмѣсто оконъ они употребляютъ льняной холстъ, пропитанный масломъ для того, чтобы туда проникало больше свѣта, либо бычачьи пузыри потому что стекла у нихъ совсѣмъ нѣтъ. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 69 стр.).

14) Домовыя церкви у бояръ.

Въ домѣ каждаго изъ нихъ есть чудесная изящная церковь и каждый тщеславится передъ другими ея красотой и наружнымъ и внутреннимъ ея расписаніемъ; при всякой церкви три или четыре священника, кои состоятъ исключительно при бояринѣ и его семействѣ, получая отъ него содержаніе и одежду. Каждый вельможа ежедневно, въ теченіе всего года, отправляется къ Царю не раньше, какъ священникъ прочтетъ положенныя молитвы, отъ полунощницы до конца часовъ, вмѣстѣ съ канонами и девятымъ часомъ, а затѣмъ отслужитъ обѣдню въ церкви. У всякаго въ домѣ имѣется безчисленное множество иконъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями и не только внутри домовъ, но и за всѣми дверями, даже за воротами домовъ; и это бываетъ не у однихъ бояръ, но и у крестьянъ въ селахъ. Они зажигаютъ передъ каждой иконой по свѣчкѣ утромъ и вечеромъ; знатные же люди зажигаютъ не только свѣчи, но имѣютъ подсвѣчники съ большими мѣдными сосудами наверху, кои наполняютъ воскомъ и вставляютъ въ нихъ фитили, которые горятъ ночью и днемъ въ теченіе долгаго времени. (Павелъ Алепскій, 31, 32 стр. вып. III).

15) Жилые покои и ихъ убранство.

Но кромѣ образовъ Святыхъ во всей Московіи нельзя видѣть другихъ изображеній. А изваяній ровно нѣтъ никакихъ, такъ что память дѣдовъ и внуковъ, а часто и родителей, у дѣтей погибаетъ разомъ съ ихъ смертью. На крыльцахъ домовъ тоже не ставятъ никакихъ изваяній, представляющихъ предковъ, славныхъ знаменитыми дѣлами, не вѣшаютъ по стѣнамъ комнатъ и ихъ изображеній, которыя служили бы побужденіемъ къ добродѣтели для потомковъ и воспламеняли въ нихъ благородное соревнованіе. (Майербергъ, 51 стр.).

Большая часть Русскихъ, особенно изъ простонародья, расходуетъ на свое житье-бытье весьма мало. Какъ жилища ихъ плохи и бѣдны, точно такъ и запасы, и домашняя утварь, находящаяся въ этихъ жилищахъ, крайне ничтожны и не обильны, хотя и достаточны для нихъ. У большей части хозяевъ найдется 3, 4 глиняныхъ горшка и столько же глиняныхъ, или деревянныхъ, блюдъ; рѣдко встрѣтишь оловянную, а тѣмъ менѣе серебряную посуду, и то развѣ однѣ чарки для водки, или меду. Русскіе не привыкли также прилагать трудъ держать чище свою посуду, или полировать ее. Даже и въ Великокняжеской оловянной и серебряной посудѣ, на которой подавались кушанья послапникамъ, попадалась почернѣвшая и помятая, точно посуда та и кружки принадлежали какой-нибудь лѣнивой хозяйкѣ, которая цѣлый годъ, а можетъ быть и никогда, ихъ не чистила. По этому-то ни въ одномъ домѣ, ни у богатыхъ, ни у бѣдныхъ людей, посуда не разставляется, какъ украшеніе, и видны однѣ голыя стѣны, которыя у знатныхъ только обиваются плетенной рогожей, да пара живописныхъ святыхъ (образовъ). Пуховики изъ перьевъ рѣдко у кого бываютъ, большинство же не употребляетъ ни-какихъ перинъ и спитъ на подушкахъ, на соломѣ, рогожѣ, или на своей одеждѣ. Мѣста для спанья у нихъ обыкновенно лавки, а зимою, какъ и у жителей Ливоніи, печи; въ этихъ печахъ они готовятъ себѣ кушанье, а вверху устраиваютъ гладкія площадки, на которыхъ и спятъ всѣ повалкой: мужъ, жена, дѣти, слуги и дѣвицы. Подъ печью и лавками, по селеніямъ, видали мы въ нѣкоторыхъ избахъ свиней и куръ. (Олеарій, 193—194 стр.).

Столовыя въ этой странѣ, которыя называютъ палатками, бываютъ четырехугольныя, съ однимъ только столбомъ посединѣ, будетъ ли строеніе изъ камня или строганого дерева. Вокругъ столба имѣются полки, въ видѣ ступенекъ, одна надъ другой, покрытыя матеріями. На каждую ступень ставятъ серебряные вызолоченные кубки разныхъ видовъ и формъ, большіе и малые, и чаши восьмигранныя, круглыя и продолговатыя, какъ корабль. При каждомъ обнесеніи присутствующихъ потчуютъ изъ новой посуды. (Павелъ Алеппскій, 26 стр., вып. III).

Домашняя утварь ихъ весьма малочисленна и не изящна. Нѣсколько ложекъ, роговыхъ, деревянныхъ, или оловянныхъ, ножъ, глиняныя кастрюли и горшки, подойникъ, солонка да столъ, безъ тарелокъ и скатерти—вотъ весь столовый приборъ ихъ. (Рейтенфельсъ, 152 стр.).

Знатные очень часто ставятъ на своихъ столахъ деревянныя чаши и стаканы, которыя, однако, монахи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ дѣлаютъ весьма изящно и искусно украшаютъ кругомъ золотомъ. Оловянные сосуды у нихъ очень рѣдки, умалчивая о другихъ, болѣе дорогихъ. Однако, всякій изъ бояръ или знатныхъ держитъ у себя серебряную чарку, которую всѣмъ подноситъ выпить съ водкой, въ какое бы время дня то ни

случилось. Если бы они были хотя нѣсколько людьми образованными, и если бы имъ была по сердцу жизнь болѣе человѣческая, то они съ небольшими издержками могли бы жить пышно. (Даніилъ принцъ изъ Бухова, 68 стр.).

16) Ѣда и питье.

Обыкновенный образъ жизни Московитянъ, даже и знатныхъ, никогда не нарушаетъ правилъ умѣренности. На длинный и узкій столъ, покрытый скатертью изъ плохого льна, ставятся уксусница, перечница и солонка. Каждому изъ обѣдающихъ кладутъ ложку и хлѣбъ, но только не всегда, а тарелки, салфетки, ножа и вилки не кладутся никому, кромѣ знатныхъ. Потомъ подаются кушанья, каждое порознь, одно за другимъ и во множествѣ, если много гостей; блюда одинаковаго вида, у всѣхъ почти знатныхъ и другихъ людей побогаче оловянныя, также, какъ и весь столовый приборъ, и по неряшеству прислуги запачканныя. Начало обѣда дѣлаетъ водка. Первую подачу кушанья составляетъ холодная вареная говядина, приправленная уксусомъ и сырымъ лукомъ. Другія потомъ кушанья подаются либо вареныя, либо жареныя, либо съ подливою, но ни въ одномъ нѣтъ недостатка въ большихъ пріемахъ чеснока и луку, которые у Московитянъ самыя изысканныя возбуждающія вкусъ средства. Тутъ ужъ навѣрное нѣтъ ничего поварского, никакихъ издѣлій кухмистерскаго искусства, которое изгнано изъ всей Московіи. Со всѣмъ тѣмъ на эти кушанья они напускаются съ такою жадностью, что скорѣе пожираютъ, нежели ѣдятъ. Оглодавши все мясо кругомъ какой-нибудь кости, они бросаютъ ее оглоданную опять въ то же блюдо, изъ котораго взяли ее съ мясомъ; туда же, потрясывая рукой, отряхаютъ и приставшую къ пальцамъ слюну, которая отдѣлилась во рту отъ глоданья и смѣшалась съ подливой. Напитки у нихъ разные: вино, пиво, которое пьютъ рѣдко, всякіе меда въ болѣе частомъ употребленіи, и водка, составляющая начало и конецъ обѣда. Для этихъ напитковъ назначены и разные, особенные для каждаго сосуды; братины, кубки, кружки, чаши, стопы, рюмки, чарки, стаканы, всѣ большею частью оловянные или деревянные, рѣдко серебряные, да и тѣ почернѣвшіе и грязные, потому-то забота, чтобы они не истерлись, не позволяетъ Московитянамъ ихъ чистить. Когда же захотятъ дать пиръ друзьямъ, тогда выставляютъ на показъ все, что есть у нихъ; считаютъ, что пиръ не пышно устроенъ или не искусно приготовленъ, если вмѣстѣ съ мясами и птицами не подано будетъ множества блюдъ съ разною рыбою, за которую Московитяне, хотя и изъ грубой роскоши, платятъ дорого. Впрочемъ они не съ такимъ тонкимъ вкусомъ, чтобы бросать эту рыбу или брезгать ею, если она, по обыкновенію, и испортилась. О сладкихъ закускахъ (десертъ) послѣ обѣда Московитянамъ и заботы нѣтъ, потому что пока еще придетъ пора подавать ихъ, они больше уже не находятъ для нихъ мѣста у себя въ желудкахъ, раздувшихся отъ начинки пищею. Предѣлъ питью полагаетъ одно опьяненіе, и никто не выходитъ изъ столовой, если его не вынесутъ. Въ продолженіе стола вдругъ разражаются самою звонкою рыготней, съ отвратительнымъ запахомъ непереваренной смѣси чеснока, лука, рѣдьки и водки, и эта рыготня съ позволенія стоиковъ, представляющихъ полную свободу ей и чревобѣсію, сливаясь съ громозвучными испареніями ихъ желудковъ, обдаетъ окружающихъ самымъ вреднымъ спертымъ смрадомъ. Носовой платокъ держатъ не въ карманѣ, а въ шапкѣ, но за столомъ сидятъ съ открытыми головами, такъ что когда нужно бываетъ высморкаться,

за отсутствіемъ платка, должность его исправляютъ пальцы, которые вмѣстѣ съ ноздрями вытираютъ потомъ скатертью. Рѣчи разговаривающихъ, какъ людей не образованныхъ никакой школой, или грамотностью,— рѣшительный вздоръ, очень часто оскорбляющій порядочный слухъ. Злословіе, восхищеніе самыми мерзкими дѣлами или наглымъ хвастовствомъ, которое порочитъ честное имя другихъ, составляютъ замѣчательныя изрѣченія и остроты многихъ рѣчей. Иной разъ на этихъ пирахъ не бываетъ недостатка и въ подаркахъ своего рода. Всегда входитъ въ столовую и жена хозяина, въ самой нарядной тѣлогрѣѣ и во всемъ женскомъ убранствѣ, въ сопровожденіи двухъ или многихъ прислужницъ; она подаетъ знатнѣйшему изъ собесѣдниковъ чару водки, омочивъ въ ней края своихъ губъ. А пока пьетъ онъ, она поспѣшно уходитъ въ свою комнату, надѣваетъ на себя другую тѣлогрѣю, и точасъ же приходитъ назадъ, для исполненія такой же обязанности къ другому собесѣднику. Повторивъ этотъ обрядъ съ каждымъ изъ прочихъ гостей, потомъ она всегда становится у передней стѣны, стоя тамъ съ опущенными на полъ глазами, и сложивъ по бокамъ свѣшенныя внизъ руки, она отдаетъ терпѣливыя уста поцѣлуямъ собесѣдниковъ, которые подходятъ къ ней по степени своего достоинства и отъ которыхъ такъ и разитъ непріятнымъ запахомъ всего, что они ѣли и пили. (Майербергъ, 35—37 стр.).

Чрезъ все время нашего тамъ пребыванія никто не посѣщалъ насъ, кромѣ двухъ бояръ, мужей престарѣлыхъ, которые сначала казались весьма важны, но понеже грубы были нравами, для того какъ они себя вели передъ нами, легко можно всякаго увѣрить, дабы показать ученому свѣту, какое у нихъ грубіянство и сколь они мужиковаты и невѣжливы, какъ волы и ослы. Ибо 19 числа мѣсяца іюля, въ вечеру, пришли къ намъ передъ ужиномъ, сѣли съ нами за столъ, потомъ, когда досыта наѣлись, и довольно напились меду по своему обычаю, поставили мы на столъ сыръ, который, какъ скоро увидѣли они и отвѣдали, стали насъ просить, чтобы имъ весь отдать, въ чемъ и удовольствовали мы ихъ прошеніе: они получа отъ насъ сыръ, велѣли тотчасъ слугамъ своимъ спрятать; послѣ того поданы были заѣдки сахарные, гранатовыя яблоки, смоквы, винныя ягоды, инбирныя приправы и другіе симъ подобные изъ Даціи вывезенные, тѣ всѣ закуски до сытости ѣли, а что осталось на блюдцахъ, то все унесли съ собою, завязавши въ платки; помоча пальцы въ похлебку съ омерзеніемъ облизывали, какъ малые ребенки или нищіе, которые предъ дверьми просятъ милостыни; хотя же и довольно представлено было имъ пива и меду, однако, мало для нихъ то казалось, но просили еще нашихъ напитковъ, ренскаго вина, или другого, въ чемъ также не отказали мы, и подали имъ краснаго амеканту, котораго какъ прикушали, пили другъ до друга съ поцѣлуями, ибо при поданіи изъ рукъ въ руки стакана одинъ другого цѣловали. (Яковъ Ульфельдъ, 15—16 стр.).

Во всей Московіи крестьяне голодъ утоляютъ хлѣбомъ пшеничнымъ, ржанымъ, бобами съ чеснокомъ, а жажду—водою, въ которой заквашена мука, или свѣже зачерпнутой изъ колодца или изъ рѣки. При такомъ скудномъ питаніи они жадно, какъ никто другой, пьютъ водку, считая ее нектаромъ, средствомъ для согрѣванія и лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Когда они захотятъ устроить роскошный пиръ, то варятъ похлебку изъ воды и нѣсколькихъ изрѣзанныхъ листовъ капусты; въ случаѣ, если это блюдо имъ не приходится по вкусу, то они наливаютъ въ него много кислаго молока. Они доятъ коровъ, съ которыми живутъ вмѣстѣ въ одной избушкѣ,

только ради этого, не умѣя совершенно приготовлять сыръ, хотя бы въ маломъ количествѣ. Коровье масло (которое они приготовляютъ также жидкимъ, такъ что оно никогда не твердѣетъ), они отдаютъ въ пользу своихъ господъ. (Рейтенфельсъ, 138 стр.).

Здѣсь очень много бѣднаго люду, среди котораго ежедневно помираютъ отъ недостатка пищи, такъ что жалко смотрѣть на это. Въ непродолжительное время, въ эти 2 года, было похоронено до 80 лицъ молодыхъ и стариковъ, умершихъ исключительно отъ недостатка ѣды; имѣй они достаточно соломы и воды, они бы какъ-нибудь пробились; очень многіе принуждены высушивать солому, утрамбовывать ее, дѣлать изъ нея хлѣбъ или ѣсть ее вмѣсто хлѣба. Лѣтомъ они порядочно пробиваются злаками, травами, кореньями, древесная кора—вкусная для нихъ пища. Нѣтъ народа въ свѣтѣ, думаю, который жилъ бы такъ нищенски, какъ живутъ здѣсь бѣдняки. Громадное большинство людей обезпеченныхъ и имѣющихъ возможность помогать нуждающимся такъ безпощадно, что нисколько не заботится, сколько народу помираетъ на улицахъ отъ голода.

Много здѣсь разныхъ злокачественныхъ болѣзней; лучшее лѣкарство отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, думаютъ здѣсь, чаще ходить въ баню, такъ что здѣсь каждый хозяинъ имѣетъ собственную баню, которую топитъ обыкновенно дважды въ недѣлю; тамъ моются и парятся всѣ домочадцы. (Неизвѣстный Англичанинъ, 28—29 стр.).

17) Домашній бытъ знатныхъ и простыхъ людей.

Ѣдятъ москвитяне такъ много, что послѣ обѣда они вынуждены спать часа три и тотчасъ послѣ ужина ложиться спать. Зато они встаютъ весьма рано. Даже и въ походахъ каждый солдатъ, не исключая и стражи, непремѣнно спитъ послѣ обѣда. Лѣтомъ, въ полдень, они совершенно раздѣваются, купаются и спятъ въ такомъ видѣ. Дождя они не любятъ и дождь у нихъ идетъ рѣдко. Они носятъ шапки и при встрѣчѣ съ пріятелемъ каждый крестится, послѣ чего они жмутъ другъ другу руку. (Невилль, 270 стр.).

Во все время 12-ти мѣсячнаго самаго скучнаго нашего пребыванія въ Москвѣ я съ любопытствомъ замѣтилъ, что тамъ люди знатные и дворяне позажиточнѣе пользуются мягкими постелями потому, что подушки, изголовья и перины набиваются самымъ нѣжнымъ лебяжьимъ пухомъ, такъ какъ лебедей тамъ изобиліе. Однако же всѣ эти вещи не льняныя, но у однихъ изъ шерстяной, у нѣкоторыхъ изъ шелковой ткани, смотря по состоянію, и кладутся на придѣланной къ стѣнѣ лавкѣ, къ которой плотно придвигаютъ подвижную и изнутри задергиваютъ растянутымъ надъ постелью занавѣсомъ, изъ трехъ разрѣзныхъ полосъ. Стѣны у многихъ голыя, если замысловатые пауки не заплетутъ ихъ своимъ ткаиьемъ. У немногихъ почистоплотнѣе обиты золоченой и расписанной кожей, бельгійской работы, однако-жъ довольно неряшливо.

А простой народъ, не только бѣдняки, нищіе и люди, поддерживающіе свою убогую жизнь заработками, но и купцы очень далеки отъ какой-бы то ни было нѣги въ своемъ быту. Растянувшись на тюфякѣ, набитомъ шерстью, или соломой, многіе даже на голой лавкѣ или кровати, или на палатяхъ, храпятъ во всю ивановскую. (Майербергъ, 78 стр.).

Москвитяне всегда пропахшіе чеснокомъ и лукомъ, всѣ безъ различія ходятъ часто въ бани и, закаленные привычкою, подвергаютъ себя безъ перемежки вліянію чрезвычайнаго жара и стужи, безъ всякаго вреда для

здоровья. Потому что всѣ въ поту, вызванномъ сильнымъ жаромъ бани, они растягиваются на полкахъ и стараются сѣчь и хлестать себя еловыми вѣтками до тѣхъ поръ, пока разгоряченная кровь, протекши къ кожѣ, не поддѣнетъ подъ нее розоваго чехла. И тогда они выбѣгаютъ совсѣмъ нагіе изъ бани къ рѣчкѣ, которая, по обыкновенію, течетъ или разливается очень близко оттуда, и обливаются. Либо когда суровая зима затянетъ льдомъ воду, которая оттого и откажется исполнять для нихъ свою обязанность, они прибѣгаютъ къ снѣгу и, послѣ долгаго натиранія имъ, будто мыломъ, возвращаются въ банный жаръ, а потомъ опять бѣгутъ туда же, и повторяютъ эти крайности безъ всякой перемежки, но и безъ вреда для себя, сколько имъ будетъ угодно. Въ общественныхъ баняхъ бываютъ въ большомъ—числѣ и женщины простого званія; но хотя моются тамъ отдѣльно отъ мужчинъ за перегородкой, однако же совсѣмъ нагія входятъ въ одну дверь съ ними, а если которой-нибудь придетъ такая охота, она остановится на ея порогѣ да и не стыдится разговаривать при постороннихъ съ мужемъ, который моется съ самой вздорной болтовней. Да даже и сами онѣ, вызвавши кровь такимъ же, какъ и мужья ихъ сѣченіемъ и хлестаніемъ къ самой кадкѣ, тоже бѣгутъ къ ближней рѣкѣ, смѣшавшись съ мужчинами, и нисколько не считая за важность выставлять ихъ нахальнымъ взглядамъ свою натуру, возбуждающую любострастіе. (Майербергъ, 85—86 стр.).

18) Одежда русскихъ людей.

Бояре одѣваются такимъ образомъ. Во-первыхъ, на голову надѣваютъ тафью, или небольшую ночную шапочку, которая закрываетъ немного поболѣе маковки и обыкновенно богато вышита шелкомъ и золотомъ и украшена жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Волосы на головѣ стригутъ плотно до самой кожи, кромѣ того, когда кто бываетъ въ опалѣ у Царя. Тогда отращаетъ онъ волосы до плечъ, закрывая ими лицо, какъ можно уродливѣе и безобразнѣе. Сверхъ тафьи носятъ большую шапку изъ мѣха чернобурой лисицы (почитаемаго за лучшій мѣхъ) съ тіарою или длинною тульею, которая возвышается изъ мѣховой опушки наподобіе персидской или вавилонской шапки. На шею (всегда голую) надѣвается ожерелье изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. шириною въ три и четыре пальца. Сверхъ рубахи изукрашенной шитьемъ (потому что лѣтомъ они дома носятъ ее одну) надѣвается зипунъ, или легкая шелковая одежда, длиною до колѣнъ, которая застегивается спереди, и потомъ кафтанъ, или узкое застегнутое платье, съ персидскимъ кушакомъ, на которомъ вѣшаютъ ножи и ложку. Кафтаны шьются, обыкновенно, изъ золотой парчи и спускаются до самыхъ лодыжекъ. Сверхъ кафтана надѣваютъ распашное платье изъ дорогой шелковой матеріи, подбитое мѣхомъ и обшитое золотымъ галуномъ: оно называется ферезью. Другая верхняя одежда изъ камлота или подобной матеріи есть охабень, весьма длинный, съ рукавами и воротникомъ, украшеннымъ каменьями и жемчугомъ. При выходѣ изъ дому набрасывается сверхъ всей этой одежды (которая очень легка, хотя состоитъ изъ нѣсколькихъ платьевъ), такъ называемая однорядка, похожая на охабень, съ тою разницею, что шьется безъ воротника; она бываетъ, обыкновенно, изъ тонкаго сукна или камлота. Сапоги, которые носятъ вмѣсто исподняго платья, съ заправленными въ нихъ онучками (вмѣсто носковъ), дѣлаются изъ персидской кожи, называемой сафьянъ, и вышиваются жемчугомъ. Нижнее платье обыкновенно изъ золотой парчи. Со двора они всегда выѣз-

жаютъ верхомъ, хотя бы на самое близкое разстояніе, что соблюдается и боярскими (дѣтьми), или дворянами.

Боярскіе дѣти, или дворяне, одѣваются точно такъ же, употребляя только другую матерію на платья, но кафтанъ или нижнее платье и у нихъ бываетъ иногда изъ золотой парчи, а прочее платье суконное или шелковое.

Благородныя женщины (называемыя женами боярскими) носятъ на головѣ тафтяную повязку (обыкновенно красную), а сверхъ нея шлыкъ, называемый науруса бѣлаго цвѣта. Сверхъ этого шлыка надѣваютъ шапку (въ видѣ головного убора, изъ золотой парчи), называемую шапкою земскою, съ богатою мѣховою опушкою, съ жемчугомъ и каменьями, но съ недавняго времени перестали унизывать шапки жемчугомъ, потому что жены дьяковъ и купеческія стали подражать имъ. Въ ушахъ носятъ серьги въ два дюйма и болѣе, золотыя, съ рубинами, сапфирами или другими драгоцѣнными каменьями. Лѣтомъ часто надѣваютъ покрывало изъ тонкаго бѣлаго полотна или батиста, завязываемое у подбородка, съ двумя длинными висящими кистями. Все покрывало густо унизано дорогимъ жемчугомъ. Когда выѣзжаютъ верхомъ или выходятъ со двора въ дождливую погоду, то надѣваютъ бѣлыя шляпы съ цвѣтными завязками (называемыя шляпами земскими). На шеѣ носятъ ожерелье, въ три и четыре пальца шириною, украшенное дорогимъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Верхняя одежда широкая, называемая опашень, обыкновенно красная, съ пышными и полными рукавами, висящими до земли, застегивается спереди большими золотыми или, по крайней мѣрѣ, серебряными вызолоченными пуговицами, величиною почти съ грецкій орѣхъ. Сверху, подъ воротникомъ, къ ней пришитъ еще другой большой широкій воротникъ изъ дорогого мѣха, который виситъ почти до половины спины. Подъ опашнемъ, или верхнею одеждою, носятъ другую, называемую лѣтникомъ, шитую спереди безъ разрѣза, съ большими широкими рукавами, коихъ половина до локтя дѣлается, обыкновенно, изъ золотой парчи, подъ нею же ферезь земскую, которая надѣвается свободно и застегивается до самыхъ ногъ. На рукахъ носятъ весьма красивое запястье, шириною пальца въ два, изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ. У всѣхъ на ногахъ сапожки изъ бѣлой, желтой, голубой или другой цвѣтной кожи, вышитые жемчугомъ. Такова парадная одежда знатныхъ женщинъ въ Россіи.

Платье простыхъ дворянскихъ женъ отличается только матеріею, но покрой одинъ и тотъ же.

Что касается до мужиковъ и женъ ихъ, то они одѣваются очень бѣдно: мужчина ходитъ въ однорядкѣ или широкомъ платьѣ, которое спускается до самыхъ пятъ и подпоясано кушакомъ, изъ грубаго бѣлаго или синяго сукна, съ надѣтою подъ нимъ шубою или длиннымъ мѣховымъ или овчиннымъ камзоломъ, въ мѣховой шапкѣ и въ сапогахъ. У мужиковъ побѣднѣе однорядки изъ коровьей шкуры. Такъ одѣваются они зимою. Лѣтомъ обыкновенно не носятъ они ничего, кромѣ рубахи на тѣлѣ и сапогъ на ногахъ. Женщина, когда она хочетъ нарядиться, надѣваетъ красное или синее платье и подъ нимъ теплую мѣховую шубу зимою, а лѣтомъ только двѣ рубахи (ибо такъ они ихъ называютъ), одна на другую, и дома, и выходя со двора. На головѣ носятъ шапки изъ какой-нибудь цвѣтной матеріи, многія также изъ бархата или золотой парчи, но большею частію повязки. Безъ серегъ серебряныхъ, или изъ другого металла, и безъ креста на шеѣ вы не увидите ни одной русской женщины, ни замужней, ни дѣвицы. (Флетчеръ, 125—126—127 стр.).

Нарядъ ихъ однообразенъ. Мужчины ходятъ въ длинныхъ свиткахъ бодяно-пепельнаго цвѣта, съ рукавами, почти въ три фута; очень многіе, кто побогаче, сбираютъ ихъ складками на локтяхъ; носятъ высокія шапки; волосы подобно жидамъ подстригаютъ; бороду вообще рыжую, не брѣютъ, подпоясываются кушакомъ, отчего и бываютъ толстобрюхи. Сапоги носятъ изъ турецкой кожи желтой, голубой, а то и зеленой, подешевле изъ черной, плотно и ловко обтягивающіе ноги. Женщины средняго сословія носятъ шелковую одежду, большею частью желтаго цвѣта, съ длинными рукавами, которые либо волочатся по землѣ, либо собираются въ складки на локтяхъ; безъ нихъ рѣдкая обойдется—иначе ее сочтутъ, лишенною лучшаго украшенія. По праздникамъ надѣваютъ онѣ верхнюю одежду, обшитую всюду галунами на манеръ нашихъ жидовокъ въ шабашѣ, тоже со спускающимися внизъ рукавами. Голову покрываютъ шапками, наподобіе шляпы, сверху круглыми, со скошенною въ четыре рога опушкою, на которую ради приличія накидываютъ еще персидское покрывало, закрывая имъ лицо. Однако прочую одежду на тѣлѣ совсѣмъ не стягиваютъ, отчего и бываютъ чудовищной толщины. (Таннеръ, 101—102 стр.).

Женщины въ странѣ московитовъ красивы лицомъ и очень миловидны; ихъ дѣти походятъ на дѣтей франковъ, но болѣе румяны. Головной уборъ женщинъ—маленькая грузинская шапочка съ отвороченными краями, подбитая ватой; таковъ уборъ крестьянокъ. Въ большихъ селеніяхъ и городахъ сверхъ этой шапочки надѣваютъ колпакъ съ чудеснымъ чернымъ мѣхомъ, подъ которымъ скрываются всѣ волосы, такъ что шея женщины остается на виду, нескрытою. Дѣвицы въ странѣ московитовъ носятъ на головѣ родъ очень высокой шапки съ мѣховымъ отворотомъ. Что касается убора женъ богатыхъ людей, то онѣ носятъ колпаки, расшитые золотомъ, украшенные драгоцѣнностями, или же изъ матеріи съ прекраснымъ чернымъ мѣхомъ (лисьимъ) или инымъ, съ длиннымъ чернымъ волосомъ, быть можетъ, въ пядень длиною. Одежда мужчины по мѣркѣ человѣка, ни больше ни меньше, и непремѣнно съ пуговицами и тонкими петлицами, застегнутыми сверху до низу, которые дѣлаются изъ разрѣзовъ на полахъ. Волосы на головѣ они брѣютъ только разъ въ годъ. (Павелъ Алеппскій, 128, 129 стр., вып. II).

Всѣ они имѣютъ сходное одѣяніе или тѣлесное убранство; кафтаны они носятъ длинные безъ складокъ, съ очень узкими рукавами почти на венгерскій ладъ; при этомъ христіане носятъ узелки, которыми застегивается грудь на правой сторонѣ, а татары, имѣющіе очень похожее одѣяніе, на лѣвой. Сапоги они носятъ по большей части красные и притомъ очень короткіе, такъ что они не доходятъ до колѣнъ, а подошвы у нихъ подбиты желѣзными гвоздиками. Рубашки у всѣхъ почти разукрашены около шеи разными цвѣтами; застегиваютъ ихъ запястьями или шариками серебряными или мѣдными вызолоченными, присоединяя ради украшенія жемчугъ. Они подпоясываются отнюдь не по животу, но по бедрамъ, и даже отпускаютъ поясъ до паха, чтобы животъ больше выдавался. (Герберштейнъ, 80 стр.).

Молодые люди обоего пола одѣваются по своему. Парни ходятъ въ короткихъ кафтанахъ пепельнаго цвѣта, не доходящихъ до колѣнъ; чтобы быть тонкими и проворными, они крѣпко подпоясываются; къ бедру привѣшиваютъ длинный ножъ въ ножнахъ (сабли, наызваемыя чечуги, позволяется носить только солдату), коимъ въ ссорахъ нерѣдко распарываютъ животы другъ другу. Шею тоже украшаютъ ожерельемъ, шириной въ три

пальца, унизаннымъ жемчужинами; въ рукѣ носятъ палку, по ихнему тарволку. Дѣвицы, болѣе чѣмъ замужнія сбирая складки рукава рубашки, носятъ длинныя голубого цвѣта платья съ рукавами, по обыкновенію, волочащимися поземи. Волосы, подобно нашимъ жидовкамъ, расчесываютъ на двѣ стороны, съ широкими повязками и съ заплетенными двумя лентами на концѣ. На лобъ (который немилосердно румянятъ, какъ и все лицо) привѣшиваютъ украшенный сверкающими звѣздочками и жемчужинами ободокъ. (Таннеръ, 102 стр.).

Вседневная одежда Москвитянъ, даже и знатныхъ, не разстроитъ очень состоянія. Весьма узкое исподнее платье изъ дешеваго сукна, да шелковый, немного не достающій до икръ, зипунъ и надѣтый сверхъ его кафтанъ съ длинными рукавами, лѣтомъ изъ зуфи, (камлота), а зимой изъ сукна на мѣховомъ подбоѣ. Хотя эти оба платья и поизотрутся, и позапачкаются въ носкѣ, Москвитяне, однако-жъ, не пренебрегаютъ ими до того, чтобы бросать ихъ. Когда же надобно быть у пріема пословъ иноземныхъ государей, или при отправленіи общественныхъ молебствій, или на свадебныхъ торжествахъ, тогда все, что дѣлается дорогого на Атталійскихъ ткацкихъ станкахъ, вся цѣнная добыча съ ободранныхъ звѣрей, всѣ произведенія въ драгоцѣнныхъ камняхъ богатаго Востока, всѣ приношенія въ жемчужныхъ раковинахъ Эритрейскаго (Чермнаго или Краснаго) моря, все это Москвитяне, обвѣшанные крестъ-на-крестъ по плечамъ тяжелыми золотыми цѣпочками, чванливо выставляютъ на показъ изъ самой пустой пышности на ферязяхъ и шубахъ, которыя никогда не выходятъ изъ моды по неизмѣнному своему покрою и передаются для долгой носки внукамъ, далѣе на остроконечныхъ шапкахъ, на повязкахъ или лучше ожерельяхъ, облегающихъ ихъ шею. Если недостаточное состояніе не дозволяетъ кому-нибудь запастись такою одеждою, тому выдается она въ ссуду, соотвѣтственно его званію, изъ Царской Казны, за какую-нибудь ничтожную плату. Только, кто бы онъ ни былъ, пускай остерегается изорвать, или запачкать, взятое въ ссуду платье, либо украсть, или потерять, сколько-нибудь жемчуга на немъ, а то за всякую долженъ будетъ заплатить—дорогою цѣной, а за вину свою, или за нерадѣніе, вытерпѣть наказаніе батогами. (Майербергъ, 57—58 стр.).

19) Экипажи и сбруя.

Зимой ѣздятъ на саняхъ; дорога въ городѣ и странѣ крѣпкая, гладкая, покрытая снѣгомъ; воды и рѣки всѣ замерзаютъ.. Лошадь можетъ провезти въ 3 дня сани съ человѣкомъ на 400 верстъ. Лѣтомъ дорога отъ грязи становится топкою и путешествовать очень трудно. Русскій, если онъ человѣкъ съ достоинствомъ, никогда не выходитъ изъ дому пѣшкомъ, но всегда зимой въ саняхъ, лѣтомъ верхомъ на лошади; въ саняхъ онъ садится на коверъ или на шкуру бѣлаго медвѣдя; сани везетъ лошадь, покрытая хвостиками лисицъ и волковъ, мальчуганъ, сидя на спинѣ ея, правитъ, слуги стоятъ на задѣ саней. (Дженкинсонъ, 35—36 стр.).

Москвитяне любятъ ходить пѣшкомъ и очень быстро шагаютъ. Экипажи у нихъ самые жалкіе и большая часть москвитянъ ѣздятъ по городу верхомъ, на плохихъ лошадяхъ, предшествуемые слугами, бѣгущими впереди, съ непокрытою головою. Зимою лошаденку запрягаютъ въ сани—единственный ихъ экипажъ. Женщины ѣздятъ въ дурныхъ экипажахъ, коляскахъ въ родѣ паланкина, обыкновенно запряженныхъ въ одну лошадь. Садится ихъ въ такую повозку пять, шесть, какъ будто въ ящикъ, потому

что скамеекъ внутри нѣтъ. Хотя въ Москвѣ находится до 500 даже, можетъ быть, до 600,000 жителей, но въ ней нѣтъ и трехъ сотъ такихъ колясокъ, но зато имѣется съ тысячу маленькихъ телѣжекъ, запряженныхъ въ одну лошадь, для перевозки публики, за небольшую плату съ одного мѣста на другое. Имѣется въ Москвѣ также нѣсколько колясокъ въ родѣ французскихъ, которыя болѣе богатые люди выписали изъ Голландіи и Данцига. Царскія кареты всѣ очень старыя; причина этому та, что они сами таковыхъ не покупаютъ, такъ какъ надѣются получить ихъ въ подарокъ отъ иностранныхъ государей или посланниковъ. Лучшія, которыя они имѣютъ, дѣлаются, по обычаю страны, съ дверцами или же въ формѣ паланкиновъ. Сани царскія—великолѣпны. Тѣ, которыя открыты, дѣлаются изъ золоченаго дерева и обиваются внутри бархатомъ и широкими галунами. Ихъ запрягаютъ въ шесть лошадей, шлеи которыхъ украшены такимъ-же бархатомъ. Тѣ сани, которыя закрыты, дѣлаются въ видѣ каретъ, со стеклами, снаружи обиваютъ краснымъ сукномъ, внутри же соболями.

Въ такихъ саняхъ можно лежать и спать во время переѣздовъ, которые въ виду такого удобства, москвитяне совершаютъ зимою и ночью. Когда Цари выѣзжаютъ за городъ, то вмѣсто саней и колясокъ употребляютъ обыкновенные простые экипажи. (Невилль, 28 стр.).

За послами прислано было двое прекрасныхъ саней, изъ которыхъ одни были обиты краснымъ атласомъ, другія красной камкой, внутри обложены шкурой бѣлаго медвѣдя, а сверхъ шкуры покрыты прекрасными турецкими коврами. Хомуты на лошадяхъ были вызолочены и увѣшаны множествомъ лисьихъ хвостовъ: это самое роскошное украшеніе санной упряжи, не только у знатныхъ бояръ, но даже и усамого Царя. (Олеарій, 65 стр.).

Русскіе употребляютъ сѣдла, сдѣланныя изъ дерева и жилъ; сидѣнье покрывается сукномъ узорчатой работы, иногда сафьяномъ, съ золотомъ, хорошо выстеганнымъ. Къ дугамъ они привѣшиваютъ колокольчики, чтобы отъ звона ихъ лошадь бѣжала скорѣе. Когда русскій ѣдетъ верхомъ въ походъ или путешествіе, при немъ турецкій мечъ, и такіе же лукъ и стрѣлы. Въ городѣ оружія они не носятъ, кромѣ двухъ-трехъ ножей, рукоятки которыхъ дѣлаютъ изъ зубовъ рыбы, называемой моржъ. (Дженкинсонъ, 35 стр.).

20) Пріемъ и угощеніе гостей.

Народъ этотъ въ обращеніи чрезвычайно какъ церемоненъ; встрѣтясь на улицѣ, хотя бы шли за дѣломъ, тотчасъ снимаютъ шапки и въ нѣсколько пріемовъ кланяются другъ другу, строжайше соблюдая, чтобы отдать поклонъ за поклонъ, да и снова поклониться, дѣлая знакъ головою и рукою, что это для нихъ бездѣлица. Здѣсь разумѣется о равныхъ между собою; потому, что, если кто стоитъ выше другого, всячески старается не прежде того снять шапку, и прибѣгаетъ тутъ къ хитрости смышленѣй даже иного бискайца! Имѣютъ еще обыкновеніе при встрѣчѣ, если долгое время не видались, цѣловаться.

Благодарятъ они такимъ образомъ: если одинъ обѣщаетъ что-нибудь на словахъ, то другой, снявъ шапку, пренизко ему кланяется, опуская руку книзу; если требуется большей благодарности, въ такомъ случаѣ достаетъ онъ рукою даже до земли; а еще для большаго подобрастія или, показывая какъ умѣетъ онъ цѣнить обѣщаемую милость, касается земли обѣими руками. Если же, притомъ, одинъ изъ нихъ сановникъ и оказы-

ваетъ какую-нибудь милость или покровительство, или тому подобное, другому, который меньше его званіемъ, тогда сей послѣдній становится на колѣни, и обѣими руками, касаясь пола, бьетъ еще челомъ о земь. Такимъ же образомъ поступаютъ, когда идутъ и просить какой милости, чтобы по ходатайству того была оказана; и поэтому самому большая часть изъ нихъ имѣютъ мозоли на головѣ; у нихъ уже такъ принято, что чѣмъ сильнѣе бьютъ по головѣ о земь, тѣмъ соблюдается болѣе церемоніи и чинности. (Барберини, 23—24 стр.).

Въ каждомъ домѣ и жилищѣ, на болѣе почетномъ мѣстѣ, у нихъ имѣются образа святыхъ, нарисованные или литые; и когда одинъ приходитъ къ другому, то, войдя въ жилище, онъ тотчасъ обнажаетъ голову, и оглядывается кругомъ, ища, гдѣ образъ. Увидѣвъ его, онъ трижды осѣняетъ себя знаменіемъ креста и, наклоняя голову, говоритъ: «Господи помилуй». Затѣмъ привѣтствуетъ хозяина слѣдующими словами: «Дай Богъ здоровья». Потомъ они тотчасъ протягиваютъ другъ другу руки, взаимно цѣлуются и кланяются. Затѣмъ немедленно одинъ смотритъ на другого, именно, чтобы узнать, кто изъ двухъ ниже поклонился и согнулся, и такимъ образомъ они наклоняютъ голову поперемѣнно три или четыре раза и до извѣстной степени состязаются другъ съ другомъ въ оказаніи взаимнаго почета. Послѣ этого они садятся, и, по окончаніи своего дѣла, гость выходитъ прямо на средину помѣщенія, обративъ лицо къ образу и снова осѣняетъ себя трижды знаменіемъ креста и повторяетъ, наклоняя голову, прежнія слова. Наконецъ, послѣ взаимнаго обмѣна привѣтствіями въ прежнихъ выраженіяхъ, гость уходитъ. Если это—человѣкъ, имѣющій какое-нибудь значеніе, то хозяинъ слѣдуетъ за нимъ до ступенекъ; если же это—человѣкъ еще болѣе знатный, то хозяинъ провожаетъ его и дальше, принимая во вниманіе и соблюдая достоинство каждаго. Они соблюдаютъ изумительные обряды. Именно, ни одному лицу болѣе низкаго званія нельзя въѣзжать въ ворота дома какого-нибудь болѣе знатнаго лица. Для людей болѣе бѣдныхъ и незнакомыхъ труденъ доступъ даже къ обыкновеннымъ дворянамъ. Эти послѣдніе, настоящіе-ли или такъ называемые, показываются въ народъ очень рѣдко, чтобы сохранить тѣмъ больше значенія и уваженія къ себѣ. Ни одинъ также дворянинъ изъ тѣхъ, кто побогаче, не дойдетъ пѣшкомъ до четвертаго или пятаго дома, если за нимъ не слѣдуетъ лошадь. Однако въ зимнее время, когда они не могутъ изъ за льда безопасно пользоваться неподкованными лошадьми, или когда они случайно отправляются ко двору государя или во храмы Божіи, они обычно оставляютъ лошадей дома. Господа, пребывая въ четырехъ стѣнахъ своихъ домовъ, обыкновенно сидятъ и рѣдко, а пожалуй и никогда, не занимаются чѣмъ-нибудь, прохаживаясь. Они сильно удивлялись, когда видѣли, что мы прохаживаемся въ нашихъ гостинницахъ и на прогулкѣ часто занимаемся дѣлами. (Герберштейнъ, 86—87 стр.).

Когда это наше шествіе вступило въ Кремль, насъ повели направо, къ жилищу Бориса Ѳедоровича: это было очень обширное зданіе, только все деревянное. Тутъ кто ѣхалъ на лошади, сошелъ съ нея, а мы, несшіе подарки, скрылись за г. посломъ и пошли черезъ два покоя, гдѣ находились служители Бориса Ѳедоровича, одѣтые по ихъ обычаю пышно. Въ третьемъ покоѣ, въ который вошли мы, находился Борисъ Ѳедоровичъ съ нѣсколькими боярами. Этотъ покой и по полу, и кругомъ устланъ былъ прекрасными коврами, а на лавкѣ, на которой сидѣлъ Годуновъ, лежала красная бархатная подушка. На немъ было такое платье: во-первыхъ на головѣ была надѣта вы-

сокая московская шапка съ маленькимъ околышемъ изъ самыхъ лучшихъ бобровъ; спереди у ней вшитъ былъ прекрасный большой алмазъ, а сверху его ширинка изъ жемчуга, шириною въ два пальца. Подъ этой шапкой носилъ онъ маленькую московскую шапочку, вышитую прекрасными крупными жемчужинами, а въ промежуткахъ у нихъ вставлены драгоцѣнные камни. Одѣтъ онъ былъ въ длинный кафтанъ изъ золотой парчи, съ красными и зелеными бархатными цвѣтами. Сверхъ этого кафтана надѣтъ на немъ еще другой покороче, изъ краснаго съ цвѣтами бархата, и бѣлое атласное исподнее платье. У этого кафтана внизу и спереди кругомъ, и сверху около рукавъ было прекрасное жемчужное шитье, шириною въ руку, на шеѣ надѣто нарядное ожерелье и повѣшена крестъ-на-крестъ превосходная золотая цѣпочка, пальцы обѣихъ рукъ были въ кольцахъ, большею частью съ сапфирами. (Варкочъ, 20—21 стр.).

Нижегородскій воевода былъ весьма вѣжливый и разумный человѣкъ и въ домѣ своемъ держалъ приличную обстановку. Такъ, когда мы были приглашены къ нему черезъ нашего пристава, насъ встрѣтили на дворѣ два человѣка и провели прекрасно убраннымъ входомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, до самой лѣстницы, стояли слуги и рабы; въ передней насъ приняли двое почтенныхъ стариковъ и проводили въ покой воеводы, убранный коврами, занавѣсами, серебряными чарами и ковшами. Воевода стоялъ въ кафтанѣ изъ золотой парчи, окруженный многими богато одѣтыми мужами, дружески принялъ насъ, благодарилъ за поклонъ и подарокъ посланниковъ длинною, почтительною рѣчью, затѣмъ пригласилъ насъ сѣсть за столъ и предложилъ выпить за здоровье Его Царскаго Величества, Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго и посланниковъ его. Во время угощенія за столомъ, состоявшаго изъ медовыхъ пряниковъ, отличной водки и различныхъ родовъ меду, воевода велъ разные пріятные и полные мысли разговоры, такъ что мы удивлялись ему, зная, что это чуждо русскимъ. (Олеарій, 400 стр.).

Помѣстье перваго министра и боярина, господина Льва Кирилловича Нарышкина, называемое Фили, въ семи верстахъ отъ Москвы: онъ здѣсь приготовилъ для господина посла очень роскошный обѣдъ, на который приглашалъ его еще за нѣсколько дней назадъ. Когда мы пріѣхали на мѣсто, они всѣ принимали насъ съ такою вѣжливостью, какъ будто бы старались перещеголять другъ друга учтивостями. Каждый старался выразить свою дружбу, многіе силились яснѣе высказать искренность своихъ чувствъ. Наконецъ, столы, приготовленные къ великолѣпному обѣду всѣхъ къ себѣ притянули. Кромѣ перваго министра и его родственника, а также обычнаго нашего переводчика Шверенберга, изъ русскихъ не было никого на этомъ пиру. Но зато много было приглашено нѣмцевъ. Обѣдъ былъ приготовленъ съ царскою пышностью и не по русскому обычаю, но совершенно въ нѣмецкомъ вкусѣ; чрезвычайное множество кушаній, драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ и разные роды самыхъ лучшихъ напитковъ, замѣтно выказывали свойство хозяина съ царскимъ домомъ. Послѣ обѣда пускали стрѣлы изъ лука, и никто не могъ отъ этого отговориться, ссылаясь на иностранный обычай или на незнаніе дѣла, по непривычкѣ къ оному. Листъ картузной бумаги, воткнутый въ землю, служилъ цѣлью. Стрѣла перваго министра при рукоплесканіяхъ всѣхъ гостей, угодила въ самую середину его. Дождь принудилъ насъ оставить это весьма пріятное развлеченіе и возвратиться въ покои боярина. Нарышкинъ, взявъ подъ руку императорскаго посла, повелъ его въ кабинетъ своей жены для

взаимнаго ихъ привѣтствія; у русскихъ это означаетъ самое большое уваженіе, знакъ самаго большого почтенія со стороны хозяина къ гостю, если тотъ представитъ его своей женѣ, чтобы она его поцѣловала и поднесла ему горячаго вина. (Корбъ, 187, 189, 190 стр.).

21) Похоронные обряды.

При похоронахъ у нихъ существуетъ также множество суевѣрныхъ и языческихъ обрядовъ, какъ, напримѣръ, они кладутъ въ руки покойнику письмо къ Св. Николаю, котораго почитаютъ главнымъ своимъ заступникомъ и стражемъ вратъ Царствія Небеснаго, какимъ паписты считаютъ Петра.

Въ зимнее время, когда все бываетъ покрыто снѣгомъ и земля такъ замерзаетъ, что нельзя дѣйствовать ни заступомъ, ни ломомъ, они не хоронятъ покойниковъ, а ставятъ ихъ (сколько ни умретъ въ теченіе зимы) въ домѣ, выстроенномъ въ предмѣстьѣ или за городомъ, который называютъ Божедомъ, или Божій домъ: здѣсь трупы накладываются другъ на друга, какъ дрова въ лѣсу, и отъ мороза становятся твердыми, какъ камень; весною же, когда ледъ растаетъ, всякій беретъ своего покойника и предаетъ его тѣло землѣ. (Флетчеръ, 118 стр.).

Московитяне во всѣхъ другихъ случаяхъ, не скупящіеся высказывать свое тщеславіе, при отправленіи общественныхъ обрядовъ, обыкновеннно дѣлаютъ похороны своимъ покойникамъ не такъ, чтобы съ большой пышностью, зато съ большимъ суевѣріемъ. Трупъ, обмытый мыльщиками и обернутый полотномъ, кладутъ въ деревянный гробъ и выносятъ, впереди его, вмѣсто растрепанныхъ плакальщицъ, родственницы покойнаго поютъ, или лучше, завываютъ съ дикимъ воплемъ, жалобныя похоронныя пѣсни. Священникъ несетъ образъ, особенно уважаемый покойникомъ при жизни; за гробомъ идетъ нѣсколько духовныхъ лицъ, множество родныхъ и друзей, съ зажженными восковыми свѣчами. Гробъ открываютъ на кладбищѣ, внѣ котораго изъ русскихъ никто не хоронится, кромѣ застигнутыхъ скоропостижною смертью, или лишенныхъ общенія съ другими по приговору церкви; всѣ провожатые нѣсколько разъ цѣлуя усопшаго, говорятъ послѣднее прости покойнику, котораго тотчасъ же могильщики и предаютъ землѣ съ обращенными къ востоку лицами.

Смѣшно то сумасбродство равнодушнаго невѣжества Московитянъ, что передъ тѣмъ, какъ закрывать гробъ, священникъ вкладываетъ въ пальцы похороняемаго бумагу, за подписью золотыми буквами и печатью духовнаго причта того мѣста, гдѣ проживалъ онъ; духовные удостовѣряютъ своимъ свидѣтельствомъ въ этой бумагѣ, что покойный при жизни исповѣдывалъ греческую вѣру, и хотя грѣшилъ, но вполнѣ очищалъ себя исповѣдью, разрѣшеньемъ и причащеніемъ, соблюдалъ посты, часто повторялъ молитвы, чтилъ Бога и всѣхъ Святыхъ почему и данъ ему этотъ листъ, для предъявленія Святому Петру, чтобы онъ безъ задержки впустилъ его въ райскія двери къ блаженной радости. (Майербергъ, 102 стр.).

Подъ каменными храмами у нихъ подвалы, а подъ деревянными—комнаты, и туда помѣщаютъ болѣе богатыхъ умершихъ, заключивши ихъ въ склепѣ, а черезъ 40 дней устрояютъ въ честь ихъ поминки. Для погребенія простого народа вырываютъ большой ровъ и кладутъ въ него, и если кто умеръ безъ священныхъ обрядовъ, совсѣмъ не бросаютъ земли, но спустя три или четыре мѣсяца устраиваютъ тамъ домикъ и похороны

сопровождаются надъ умершими большимъ плачемъ и воплемъ всѣхъ сошедшихся родственниковъ и сосѣдей, но хоронятъ по обряду религіи; эти церемоніи исполняются три раза ежегодно. Хотя отъ труповъ умершихъ происходитъ величайшее зловоніе, однако, легко увидишь, что къ такого рода поминкамъ стекается большое множество людей; по окончаніи же ихъ, чтобы забыть свою печаль, они въ сосѣдней харчевнѣ предаются пьянству. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 41 стр.).

Мертвыхъ русскіе погребаютъ до истеченія 24 часовъ, не исключая ни Царя, ни раба, такъ что умершаго утромъ, вечеромъ уже хоронятъ. Усопшаго обыкновенно оплакиваютъ нанятыя женщины, взывая въ нему: «Зачѣмъ ты умеръ? Развѣ Царь тебя не жаловалъ? Развѣ у тебя мало было богатства, дѣтей, или не имѣлъ ты жены честной?». Если же умираетъ женщина, приговариваютъ: «Развѣ ты не имѣла добраго мужа?» и подобныя глупости. На покойника надѣваютъ новую рубаху, чулки, башмаки похожіе на туфли, и шапку; потомъ кладутъ его въ гробъ и несутъ на кладбище, въ присутствіи родныхъ и друзей, которые послѣ погребенія плачутъ на могилѣ, съ жалобными воплями. Въ концѣ шестой недѣли приходятъ на могилу вдова и нѣсколько ближайшихъ друзей, приносятъ нанитки, явства, и послѣ довольныхъ слезъ, съ прежними стонами, ѣдятъ принесенныя кушанья, раздавая остатки ихъ нищимъ. Такъ поступаетъ простой народъ; въ случаяхъ же смерти особы значительной, дается пиръ въ домѣ, по возвращеніи съ кладбища, гдѣ родственники сами дѣлаютъ вопросы, или нанимаютъ для того женщинъ; причемъ раздаютъ бѣднымъ все, что приносятъ на могилу. Такіе пиры бываютъ ежегодно по одному разу въ память усопшаго. По прошествіи 6 недѣль, трауръ оканчивается и вдова можетъ снова выйти замужъ. (Маржеретъ, 262—263 стр.).

Древне-русская семья.

1) Положеніе женщины.

Положеніе женщинъ весьма плачевное. Они не вѣрятъ въ честь ни одной женщины, если она не живетъ взаперти дома и не находится подъ такой охраной, что никуда не выходитъ. Я хочу сказать, что они не признаютъ женщину цѣломудренной въ томъ случаѣ, если она даетъ на себя смотрѣть постороннимъ или иностранцамъ. Заключенныя же дома онѣ только прядутъ и сучатъ нитки, не имѣя совершенно никакого права или дѣла въ хозяйствѣ. Всѣ домашнія работы дѣлаются руками рабовъ. Всѣмъ, что задушено руками женщинъ, будь то курица или другое какое животное, они гнушаются, какъ нечистымъ. У тѣхъ же, кто побѣднѣе, жены исполняютъ домашнія работы и стряпаютъ. Но если онѣ хотятъ зарѣзать курицу, а мужья ихъ и рабы случайно отсутствуютъ, то онѣ стоятъ предъ дверями, держа курицу, или другое животное и ножъ, и усердно просятъ проходящихъ мужчинъ, чтобы тѣ умертвили животное. (Герберштейнъ, 73 стр.).

Супруги и вообще женщины не пользуются у нихъ такимъ почетомъ, какъ у прочихъ народовъ, а считаются почти наравнѣ со служанками. Именитые мужи удивительнымъ образомъ слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ, и весьма тщательно охраняютъ ихъ цѣломудріе. Поэтому ихъ не пускаютъ на пиршества и не позволяютъ ходитъ къ церковнымъ службамъ въ болѣе отдаленные храмы, и вообще безцѣльно показываться въ народѣ. Но даже иностранцу можно легко и притомъ, за небольшую цѣну, склонить къ лю-

бовнымъ утѣхамъ всякую женщину изъ простонародья, отсюда можно думать, что знатные мужи мало стараются о снисканіи ихъ любви. (Павелъ Іовій, 273 стр.).

2) Боярскій теремъ и его нравы.

Вотъ какое у нихъ обычное правило: если не бить жену разъ въ недѣлю кнутомъ, она не будетъ доброю женою, поэтому русскіе наблюдаютъ это аккуратно; да и жены, если мужья ихъ не бьютъ, говорятъ, что они не любятъ ихъ.

Русскіе обыкновенно женятъ очень молодыхъ сыновей, лѣтъ 16—18, дочерей 12—13 и моложе; держатъ своихъ женъ они взаперти, такъ что у людей съ нѣкоторымъ достоинствомъ никто не можетъ видѣть женъ, развѣ, когда онѣ идутъ въ церковь на Рождествѣ или Пасхѣ или навѣщаютъ своихъ пріятельницъ. Большая часть женщинъ ѣздитъ верхомъ съ стременами, какъ мужчины, а нѣкоторыя въ саняхъ, что лѣтомъ неудобно. Мужъ обязанъ давать женѣ краски, такъ какъ у русскихъ существуетъ обыкновеніе краситься. Это такъ обычно между ними, что нисколько не считается позорнымъ. Онѣ такъ намазываютъ свои лица, что почти на разстояніи выстрѣла можно видѣть налѣпленныя на лицахъ краски; всего лучше сравнить ихъ съ женами мельниковъ, потому что онѣ выглядятъ, какъ будто около ихъ лицъ выколачивали мѣшки муки; брови онѣ раскрашиваютъ въ чорную краску, подъ цвѣтъ чагота. Лучше, что умѣютъ здѣсь женщины—хорошо шить и прекрасно вышивать шелкомъ и золотомъ. (Неизвѣстный Англичанинъ, 28 стр.).

Люди позажиточнѣе прячутъ своихъ женъ отъ всѣхъ глазъ въ 4-хъ стѣнахъ дома и, не поручая ихъ заботливости никакого хозяйства, осуждаютъ ихъ шить и прясть, какъ бывало древніе римляне своихъ невольницъ въ ихъ острогѣ. Выходитъ имъ запрещено по общему закону мужниной ревности, который отмѣняется чревычайно рѣдко для посѣщенія церкви, либо родныхъ. У женщинъ всѣхъ разрядовъ въ Московіи всѣ потребности состоятъ въ ежедневной ѣдѣ, да въ нарядахъ: выѣзжая куда-нибудь, онѣ носятъ на своемъ платьѣ доходы со всего отцовскаго наслѣдства, и выставляютъ на показъ всю пышность своихъ изысканныхъ нарядовъ, хотя сами никогда не бываютъ опрятны. Потому что если природа и не обезобразитъ ихъ какимъ ни есть недостаткомъ, который исправляется искусствомъ, тѣмъ не менѣе, всѣ онѣ натираютъ все лицо съ шеей бѣлилами, а для подкраски щекъ и губъ прибавляютъ еще румянъ. Этотъ ложный обычай подкрашивать себѣ цвѣтъ лица до того укоренился, что даже въ числѣ свадебныхъ подарковъ глупый женихъ посылаетъ невѣстѣ также и румяна, чтобы она себя поддѣлывала. Когда улицы занесетъ снѣгомъ, онѣ выѣзжаютъ въ крытыхъ саняхъ съ слюдяными окошками, въ прочее время года въ колымагахъ, въ сопровожденіи густой толпы слугъ. Но у женщинъ низшаго званія, которыхъ не такъ строго держатъ взаперти дома, всегда готовы тысячи предлоговъ, выдуманныхъ надобностей, чтобы позволили имъ ходить, гдѣ угодно. Онѣ не прочь бываютъ и выпить, даже взапуски попиваютъ съ своими поклонниками и нерѣдко восхищаютъ у нихъ пальму большей даровитости въ этомъ дѣлѣ, но зато падаютъ въ изнеможеніи среди побѣды. (Маейрбергъ, 84 стр.).

Женщины у московитовъ имѣютъ свои особыя собранія, на которыя никто изъ мужчинъ не допускается; у нихъ считается также большимъ

срамомъ, если молодой человѣкъ заговоритъ съ молодою дѣвицею. (Какашъ и Тектандеръ, 23 стр.).

Вообще люди, хоть сколько-нибудь знатные, воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступныхъ ни кому покояхъ, держатъ ихъ сокрытыми отъ сторонних людей, и женихъ не прежде можетъ увидать свою невѣсту, какъ уже по совершеніи брака, въ брачномъ своемъ покоѣ. Поэтому иного обманываютъ, вмѣсто красивой, иной получаетъ безобразную и уродливую жену, иногда даже, вмѣсто дочери, дадутъ ему какую-нибудь другую родственницу, даже просто служанку, почему не удивительно, что новобрачные живутъ между собою, какъ кошки съ собакою, и что побои женъ у Русскихъ такъ обыкновенны. (Олеарій, 205 стр.).

Женщины благороднаго званія, которымъ достались мужья не такъ сердитые и ревнивые, получаютъ иногда отъ нихъ позволеніе ходить въ церковь, входятъ въ особенную дверь, отворяемую со стороны церковнаго погоста, на отгороженное мѣсто за рѣшеткой, устраиваемое на лѣвой сторонѣ въ каждой церкви (кромѣ Соборной) и стоятъ тамъ, укрытыя отъ глазу мужчинъ. Когда же священникъ, возжегши ладанъ, подойдетъ и повернется къ нимъ, по обыкновенію, слегка покачивая кадиломъ, слѣдующимъ за движеніемъ его руки, для того, чтобы оно дымилось, онъ держитъ глаза внизъ, изъ страха оскорбить какую-нибудь женщину своимъ взглядомъ черезъ рѣшетку. А женщины простого званія обыкновенно никогда не посѣщаютъ храмовъ, развѣ только въ такое время, когда никого нѣтъ, чтобы поклониться иконамъ. (Майербергъ, 94 стр.).

3) Выѣзды знатныхъ женщинъ.

Женщины высшаго класса, какъ то жены князей и бояръ, обыкновенно ѣздятъ въ небольшой колымагѣ, въ родѣ маленькой кареты, въ одну лошадь въ хомутѣ, съ какимъ-нибудь мальчикомъ вмѣсто кучера или босоножки холопомъ, въ жалкомъ полушубкѣ. Роль скамейки играетъ въ повозкѣ раба, которой на голову и плечи дородная госпожа ради каприза и удобства ставитъ свои ноги. Прелюбопытное зрѣлище можно было видѣть, какъ при малѣйшемъ движеніи экипажа то и дѣло раскачивалась грузная женская фигура. (Таннеръ, 102 стр.).

Княжескія, боярскія и другихъ вельможъ жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ; кареты эти, поставленныя на полозья, употребляютъ онѣ и въ зимнее время. Въ этихъ каретахъ или колымагахъ сидятъ онѣ, во всемъ великолѣпіи, какъ богини, а въ ногахъ у нихъ помѣщается крѣпостная дѣвочка, служанка. Подлѣ кареты бѣгутъ обыкновенно ихъ холопы и крѣпостные люди въ большомъ числѣ, иногда по 30 и по 40 человѣкъ. Лошадь, запряженная въ такую карету, или сани, убирается подобно той, которая возитъ невѣсту, лисьими хвостами, что, впрочемъ, не въ свадебное время встрѣчается рѣдко. (Олеарій, 211 стр.).

4) Сватовство и свадьба.

Къ намъ приводили мальчика 12 лѣтъ, который женился за нѣсколько недѣль предъ нашимъ пріѣздомъ, а позднѣе въ Твери мы видѣли замужнюю женщину 11 лѣтъ. Въ Россіи и Финляндіи уже такой обычай—женить дѣтей 12 и моложе лѣтъ. Такіе браки большею частью бываютъ между вдовами и мальчиками сиротами, собственно для того, чтобы эти послѣдніе, оставаясь послѣ родителей, находились лучше на попеченіи доброй жены, чѣмъ друзей, или опекуновъ. (Олеарій, 82—83 стр.).

Безчестнымъ и позорнымъ считается для молодого человѣка самому свататься за дѣвушку, чтобы ее отдали ему въ супружество. Дѣло отца обратиться къ юношѣ съ предложеніемъ, чтобы онъ женился на его дочери. Высказываютъ они это обычно въ такихъ словахъ: «такъ какъ у меня есть дочь, то я хотѣлъ бы тебя себѣ въ зятья». На это юноша отвѣчаетъ: «если ты просишь меня въ зятья, и тебѣ это угодно, то я пойду къ своимъ родителямъ и доложу имъ объ этомъ». Потомъ, если родители и родственники изъявятъ согласіе, они собираются вмѣстѣ и обсуждаютъ о томъ, что отецъ пожелаетъ дать дочери подъ именемъ приданаго. Затѣмъ, опредѣливъ приданое, назначаютъ день для свадьбы. Въ этотъ промежутокъ времени жениха до такой степени отстраняютъ отъ дома невѣсты, что если онъ случайно попроситъ хоть увидѣть ее, то родители обычно отвѣчаютъ ему: «Узнай отъ другихъ, кто ее знаетъ, какова она». Во всякомъ случаѣ, доступъ къ невѣстѣ предоставляется ему не иначе, какъ если обрученіе не будетъ раньше подтверждено величайшими карами, такъ что женихъ, если-бы даже онъ пожелалъ, не могъ бы отказаться отъ нея подъ тяжкимъ наказаніемъ. Въ качествѣ приданаго по большей части даются лошади, платье, оружіе, скотъ, рабы и тому подобное. Приглашенные на свадьбу рѣдко подносятъ деньги, но все же посылаютъ невѣстѣ подношенія или дары, каждый изъ которыхъ женихъ старательно отмѣчаетъ и откладываетъ. По окончаніи свадьбы онъ ихъ вынимаетъ и снова разсматриваетъ по порядку, и тѣ изъ нихъ, которые ему нравятся и кажутся пригодными для будущаго, онъ посылаетъ на рынокъ и велитъ тѣмъ, кто́ назначаетъ стоимость предметовъ, оцѣнить каждый изъ нихъ, а всѣ остальные подарки и каждый порознь отсылаетъ каждому порознь съ выраженіемъ благодарности. За то, что онъ сохранилъ, онъ возмѣщаетъ въ годовой срокъ, согласно оцѣнкѣ, деньгами или другой какой вещью одинаковой стоимости. Затѣмъ, если кто-нибудь оцѣнитъ свой подарокъ дороже, то женихъ тотчасъ обращается къ присяжнымъ оцѣнщикамъ и заставляетъ его подчиниться ихъ оцѣнкѣ. Точно также, если женихъ, по прошествіи года не удовлетворитъ кого-нибудь или не вернетъ полученнаго подарка, то онъ обязанъ удовлетворить то лицо вдвойнѣ. Наконецъ, если онъ по небрежности не представитъ чьего-нибудь подарка для оцѣнки присяжнымъ, то онъ принужденъ возмѣстить за него по волѣ и усмотрѣнію подарившаго. И такой обрядъ самъ народъ соблюдаетъ обычно при всякой щедрости, или родѣ подарковъ. (Герберштейнъ, 71, 72 стр.).

Отецъ, давъ согласіе на предстоящее бракосочетаніе, призываетъ къ себѣ дочь; та является къ нему, покрытая льнянымъ покрываломъ. Отецъ спрашиваетъ: желаетъ-ли она выйти замужъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, отецъ хватаетъ новую плеть и слегка, разъ или два, хлестнувъ ею дочь, приговариваетъ; «Этотъ послѣдній ударъ, милая моя дочь, напоминаетъ тебѣ отцовскую власть. Ты жила до сихъ поръ, покорная отцовской власти, нынѣ я выпускаю тебя изъ своихъ рукъ, но помни, что ты не столько освобождаешься отъ власти, сколько переходишь подъ другую, и если ты не будешь держать себя прилично въ отношеніи къ мужу, то онъ, вмѣсто меня, поучитъ тебя этой плетью». Кончивъ эту рѣчь, отецъ подаетъ плеть жениху, причемъ тотъ въ нѣсколькихъ словахъ отказывается ее брать, ссылается на свой характеръ и говоритъ: «Я не думаю, чтобы эта плеть мнѣ попадобилась». Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ ее принять и заткнуть себѣ за поясъ, какъ будто какой-нибудь богатый подарокъ. (Корбъ, 290 стр.).

Въ день, назначенный для совершенія брака, на невѣсту надѣваютъ

покрывало изъ тонкаго вязанья или полотна, которое накидывается ей на голову и опускается до пояса. Послѣ того невѣста и женихъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, отправляются въ церковь, всѣ верхами, хотя бы церковь находилась подлѣ самаго дома и сами они были простого званія. Слова, произносимыя во время совершенія брака, и другіе, соблюдаемые при этомъ, обряды весьма сходны съ нашими, не исключая и того, что невѣстѣ также подаютъ кольцо. Какъ скоро она его надѣнетъ и провозглашены будутъ слова брачнаго союза, руку ее соединяютъ съ рукою жениха, который во все это время стоитъ по одну сторону аналоя, или стола, а невѣста по другую.

Когда такимъ образомъ священникъ свяжетъ брачный узелъ, невѣста подходитъ къ жениху (стоящему у самаго конца аналоя) и падаетъ ему въ ноги, прикасаясь головою къ его обуви, въ знакъ ея покорности и послушанія, а женихъ покрываетъ ее полою кафтана, или верхней одежды, въ знакъ обязанности своей защищать и любить ее. Послѣ женихъ и невѣста становятся рядомъ у самаго конца аналоя, и здѣсь къ нимъ подходятъ сперва отецъ и другіе родные невѣсты, кланяясь низко жениху, потомъ родные жениха, кланяясь невѣстѣ, въ знакъ будущаго между ними свойства и любви. Вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ жениха подноситъ ломоть хлѣба священнику, который тутъ же отдаетъ его отцу и другимъ родственникамъ невѣсты, заклиная его передъ Богомъ и образами, чтобы онъ выдалъ приданое въ цѣлости и сполна въ назначенный день и чтобы всѣ родственники хранили другъ къ другу неизмѣнную любовь. Тутъ они разламываютъ хлѣбъ на куски и ѣдятъ его въ изъявленіе истиннаго и чистосердечнаго согласія на исполненіе этой обязанности и въ знакъ того, что будутъ съ тѣхъ поръ, какъ бы крохами одного хлѣба или участниками одного стола.

По окончаніи этихъ обрядовъ, женихъ беретъ невѣсту за руку и вмѣстѣ съ нею и родными, которые за ними слѣдуютъ, идетъ на паперть, гдѣ встрѣчаютъ, ихъ съ кубками и чашами, наполненными медомъ и русскимъ виномъ сперва женихъ беретъ полную чарку, или небольшую чашку, и выпиваетъ ее за здоровье невѣсты, а за нимъ сама невѣста, приподнявъ покрывало и поднося къ губамъ, какъ можно ниже (чтобы не видѣлъ ее женихъ), отвѣчаетъ ему тѣмъ же. По возвращеніи изъ церкви, женихъ идетъ не къ себѣ домой, а въ домъ къ своему отцу; такъ точно и невѣста отправляется къ своимъ, и здѣсь оба угощаютъ порознь своихъ родственниковъ. При входѣ въ домъ жениха и невѣсты, на нихъ бросаютъ изъ оконъ зерновой хлѣбъ въ знакъ будущаго изобилія и плодотворности.

Вечеромъ невѣсту привозятъ въ домъ отца женихова, гдѣ она и проводитъ ночь, все еще не снимая покрывала съ головы. Во всю эту ночь она не должна произносить ни одного слова (ибо такъ приказывается ей по особому преданію матерью ея и другими пожилыми женщинами изъ ея родственницъ), дабы женихъ не могъ ни слышать, ни видѣть ее до другого дня послѣ брака. Также въ продолженіе трехъ слѣдующихъ дней не услышишь отъ нея ничего, кромѣ нѣсколькихъ опредѣленныхъ словъ за столомъ, которыя она должна сказать жениху съ особенною важностью и почтительностью. Если она держитъ себя иначе, то это считается для нея весьма предосудительнымъ и остается пятномъ на всю ея жизнь, да и самимъ женихомъ вовсе не будетъ одобрено.

По прошествіи трехъ дней супруги отправляются въ свой собственный домъ и даютъ общій пиръ своимъ роднымъ съ обѣихъ сторонъ. Въ

день свадьбы и во все время празднества жениха величаютъ молодымъ княземъ, а невѣсту молодою княгинею. (Флетчеръ, 113—114 стр.).

Свадьба Русскихъ и торжественное сопровожденіе невѣсты совершаются съ особенною пышностью, а именно: свадьбы знатныхъ Князей, бояръ и дѣтей боярскихъ справляются слѣдующимъ образомъ:

Къ жениху и невѣстѣ приставляются двѣ женщины, называемыя у нихъ свахами, въ родѣ ключницъ, которыя въ домѣ, вѣнчающихся должны все устроить и приготовить. Сваха невѣсты въ день свадьбы идетъ въ домъ жениха и приготовляетъ тамъ брачную постель. Съ нею идетъ до 100 разодѣтыхъ въ кафтаны слугъ, которые несутъ на головахъ каждый что-либо, принадлежащее къ брачной постели, или къ украшенію брачнаго покоя. Брачная постель приготовляется на 40 ржаныхъ снопахъ, положенныхъ рядомъ и одинъ на другомъ, и первые снопы кладетъ самъ женихъ; затѣмъ, въ томъ же покоѣ, ставится нѣсколько кадокъ, или боченковъ, съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ, что означаетъ и какъ бы способствуетъ тому, чтобы вступающіе въ бракъ въ сожительствѣ своемъ имѣли всегда изобиліе въ пищѣ и въ средствахъ къ жизни.

Проведши цѣлый день въ такихъ приготовленіяхъ и устройствѣ должнымъ порядкомъ всего нужнаго, уже позднимъ вечеромъ женихъ отправляется, со всѣми своими друзьями и пріятелями, предводимый священникомъ, долженствующимъ вѣнчать его и ѣдущимъ верхомъ на лошади, въ домъ невѣсты. Здѣсь, собравшіеся уже друзья и пріятели невѣсты принимаютъ жениха со всѣми его сопутниками, и важнѣйшіе изъ нихъ, или ближайшіе пріятели жениха, приглашаются къ столу, на которомъ поставлено уже три блюда, но къ блюдамъ этимъ никто изъ гостей не прикасается. Въ верхнемъ концѣ стола оставляется мѣсто для жениха, который, по приходѣ, остается нѣкоторое время на ногахъ и бесѣдуетъ съ друзьями и дружками невѣсты; въ это время на оставленное для жениха мѣсто сажаютъ мальчика, котораго женихъ, кончивъ свою бесѣду, долженъ почтительно снять со скамьи. Когда, такимъ образомъ, снявши мальчика женихъ сядетъ на свое мѣсто, приводятъ невѣсту, съ закрытымъ лицомъ и великолѣпно разодѣтую, сажаютъ ее рядомъ съ женихомъ, и чтобы они не могли видѣть другъ друга, между ними протягивается кусокъ красной тафты, который держатъ два мальчика. Затѣмъ, приходитъ сваха невѣсты, чешетъ ей волосы, которыя у нея распущены, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы, надѣваетъ ей на голову вѣнецъ и другія украшенія, которыя и оставляетъ такъ на ней открытыми. Вѣнецъ дѣлается изъ тонко кованнаго листоваго золота, или серебра, подбивается матеріей и по сторонамъ, около ушей, гдѣ вѣнецъ нѣсколько загибается къ низу, привѣшиваются, къ нему 4, 6 и болѣе нитокъ крупнаго жемчуга, которыя ниспадаютъ на грудь. Верхній кафтанъ невѣсты, спереди сверху до низу, около рукавовъ, которые бываютъ шириною аршина въ два, а также и на твердо стоячемъ воротникѣ, бывающемъ пальца въ три шириною и охватывающемъ шею будто собачій ошейникъ, плотно унизанъ крупнымъ жемчугомъ, и такой кафтанъ стоитъ иногда далеко дороже 1000 талеровъ.

Сваха расчесываетъ также и жениха, а между тѣмъ нѣсколько женщинъ, вскочивши на лавки, поютъ всякаго рода срамныя пѣсни. Затѣмъ приходятъ два молодыхъ человѣка, весьма богато одѣтые, и приносятъ на носилкахъ огромной величины сыръ и нѣсколько хлѣбовъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанныхъ соболями. Такіе же хлѣбы приносятся и со стороны невѣсты, и хлѣбы эти называются коровайниками. Попъ благославляетъ при-

несенные сыръ и хлѣбы, которые и относятся послѣ этого въ церковь. Затѣмъ приносятъ большое серебряное блюдо, кладутъ на него четвереугольныя кусочки атласа и тафты, столько, чтобы изъ нихъ можно было сшить небольшой кошель, также четвереугольныя небольшія серебряныя пластинки, хмѣль, ячмень и овесъ, все это перемѣшивается на блюдѣ, и самое блюдо ставятъ на столъ. Тогда опять появляется сваха, которая снова покрываетъ невѣсту и изъ блюда посыпаетъ всѣхъ бояръ и прочихъ мужчинъ, которые, если хотятъ, подбираютъ разбросанные свахою кусочки атласа и серебра, а между тѣмъ во все это время поются пѣсни. Наконецъ, встаютъ родители жениха и невѣсты, и заставляютъ послѣднихъ обмѣниваться кольцами.

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ сваха беретъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани, и все еще съ закрытымъ лицомъ везетъ ее въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту въ церковь, вокругъ шеи и подъ дугою обвѣшивается множествомъ лисьихъ хвостовъ. За невѣстой тотчасъ же отправляется женихъ, сопровождаемый своими дружками и священникомъ, причемъ этого послѣдняго иногда, готоваго уже отъ свадебныхъ напитковъ, свалиться съ лошади, нужно бываетъ поддерживать съ обѣихъ сторонъ, какъ во время его поѣзда въ церковь верхомъ на ней, такъ и въ церкви, при совершеніи имъ вѣнчанія. Подлѣ саней ѣдутъ нѣкоторые хорошіе друзья и множество прислуги (рабовъ), и въ это время отпускаются при поѣздѣ самыя грубыя и непристойныя шутки.

Въ церкви довольно большое пространство пола, гдѣ долженъ совершиться обрядъ вѣнчанія, покрывается красною тафтою, а на ней постилается еще особый кусокъ этой матеріи, на которую и становятся женихъ съ невѣстой. Передъ вѣнчаніемъ дѣлаются священнику, по его требованію, приношенія, состоящія изъ пироговъ и другихъ печеній; затѣмъ надъ головами жениха и невѣсты держатъ образа и благославляютъ брачущихся. Потомъ попъ обѣими своими руками беретъ правую руку жениха, лѣвую невѣсты, и трижды спрашиваетъ ихъ: желаютъ ли они имѣть другъ друга и жить неразлучно? Получивъ отвѣты, священникъ обводитъ вѣнчающихся кругомъ и поетъ 127-й псаломъ, который женихъ и невѣста, обходя кругъ, какъ-бы приплясывая, повторяютъ по частямъ. Послѣ такого кругового хожденія священникъ возлагаетъ на головы жениха и невѣсты довольно красивыя короны или венцы; но если изъ брачущихся кто-либо вдовецъ, или вдова, то вѣнцы возлагаются не на головы, а на плечи причемъ, во всякомъ случаѣ, попъ произноситъ: «Растите и множитеся», а соединяя ихъ, говоритъ далѣе: «что Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ» и проч. Между тѣмъ, предстоящіе въ церкви свадебные гости зажигаютъ маленькія восковыя свѣчи и подаютъ попу деревянную, вызолоченную чашу, или просто стеклянную рюмку съ краснымъ виномъ, изъ которой священникъ даетъ пить брачущимся, такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ пить по три раза, и за послѣднимъ разомъ допить все вино. Тутъ женихъ бросаетъ пустую рюмку объ полъ, разбиваетъ ее и топчетъ кусочки ея ногами, вмѣстѣ съ невѣстою, съ слѣдующими словами: «да растопчутся такъ, и да потребятся такъ нашими ногами всѣ тѣ, которые вознамѣрятся возбудить вражду и ненависть между нами». Тутъ предстоящія женщины обсыпаютъ новобрачныхъ льняннымъ и конопляннымъ сѣменемъ, желаютъ имъ счастія, и нѣкоторыя дергаютъ и тащутъ невѣсту, какъ-бы желая отнять ее у жениха, но женихъ и невѣста крѣпко держатся другъ за друга. Наконецъ, женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви къ санямъ, сажаетъ ее, самъ же опять ѣдетъ за нею вер-

хомъ. Около саней невѣсты несутъ шесть горящихъ восковыхъ свѣчей, а провожающіе гости и пріятели опять начинаютъ выдѣлывать разныяя грубѣйшія шутки.

По прибытіи въ свадебный домъ, т. е., въ домъ жениха, гости съ женихомъ садятся за столы, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣста уже тотчасъ уходитъ въ брачный покой, раздѣвается до рубашки и ложится въ постель. Едва только женихъ начнетъ ѣсть, какъ его требуютъ къ невѣстѣ. Ему предшествуютъ 6, или 8, мальчиковъ, съ зажженными факелами. Услыхавъ о приближеніи жениха, невѣста встаетъ съ постели накидываетъ на себя соболью шубу, и съ поклономъ принимаетъ своего возлюбленнаго. Мальчики ставятъ свои зажженные факелы въ выше помянутые боченки съ рожью и ячменемъ и удаляются. Тогда женихъ садится съ невѣстой за приготовленный уже столъ, и тутъ только въ первый разъ онъ видитъ ее съ открытымъ лицомъ. Приносятся кушанья и, между прочимъ, жареная курица, которую разрѣзываетъ самъ женихъ, и первую отрѣзанную ножку, или крыло, онъ бросаетъ позади себя, а другую ѣстъ самъ. Послѣ такого стола, продолжающагося, впрочемъ, очень не долго, женихъ идетъ съ невѣстой въ постель, и при этомъ всѣ удаляются, кромѣ одного стараго служителя, который долженъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ дверями спальни. Въ это время родители и пріятели жениха и невѣсты скоморошничаютъ и совершаютъ разныя чары на благополучное сожительство новобрачныхъ. Слуга же, поставленный на часахъ у дверей брачной спальни, отъ времени до времени долженъ спрашивать: «Сталось ли дѣло?» Если женихъ отвѣтитъ: «Да», тотчасъ начинаютъ трубить и бить въ барабаны, заранѣе уже припасенные, все громче и веселѣе. Затѣмъ немедленно топится баня, въ которую, спустя нѣсколько часовъ, идутъ мыться, отдѣльно, впрочемъ, другъ отъ друга, новобрачные, гдѣ и моются, и обдаются водою, медомъ и виномъ; послѣ бани молодая жена даритъ своего мужа рубашкою, у которой воротъ вышитъ жемчугомъ и новымъ, весьма дорогимъ, полнымъ платьемъ.

Слѣдующіе два дня проводятся въ непомѣрномъ употребленіи яствъ, напитковъ, въ пляскахъ и всякаго рода увеселеніяхъ, какія только могутъ придумать. Тутъ же играетъ и разная музыка, между прочимъ на инструментѣ, называемомъ псалтырь, похожемъ на гусли, который, во время игры на немъ, кладется на колѣни и играютъ на немъ пальцами по струнамъ, какъ на арфѣ.

Во время этихъ пиршествъ замужнія женщины позволяютъ себѣ разнаго рода шалости и продѣлки съ своими знакомыми не женатыми людьми, а также и съ мужьями другихъ женъ, такъ какъ ихъ собственные мужья не могутъ наблюдать за ними, будучи совершенно пьяными; онѣ пользуются этимъ случаемъ сборищъ, или собраній для того, чтобы предаться своимъ удовольствіямъ, такъ какъ удовольствія эти наилучшимъ образомъ могутъ совершить онѣ посредствомъ такихъ собственныхъ пиршествъ. Все сказанное сотавляетъ правдивое повѣствованіе объ обрядахъ и обычаяхъ во время свадьбы теперешнихъ большихъ боляръ въ Москвѣ.

Если же затѣютъ свадьбу простолюдины, или горожане, то женихъ, обыкновенно, за день до свадьбы посылаетъ своей невѣстѣ новое платье, шапочку и пару сапоговъ, а также ящичекъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. На другой день, когда должна совершиться свадьба, приходитъ попъ съ серебрянымъ крестомъ въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженныя восковыя свѣчи; онъ благословляетъ прежде мальчиковъ, по-

томъ и гостей. Затѣмъ женихъ и невѣста садятся за столъ и между ними также протягивается кусокъ тафты. Когда сваха уберетъ невѣсту, она заставляетъ молодыхъ приблизиться лицами другъ къ другу, смотрѣться въ зеркало и любезно улыбаться другъ другу. Между тѣмъ другія свахи обсыпаютъ молодыхъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ этого отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе совершается описаннымъ уже выше образомъ.

Послѣ свадьбы молодыя жены содержатся въ своихъ покояхъ, рѣдко выходятъ въ люди и чаще посѣщаются своими хорошими знакомыми, чѣмъ сами посѣщаютъ ихъ. (Олеарій, 205—206—207—208—209—210 стр.).

Брачные обряды у Русскихъ вовсе не торжественны, а въ высшей степени отвратительны; заключаются они приблизительно, какъ я могъ узнать, въ слѣдующемъ:

Когда слюбятся обѣ стороны, женихъ посылаетъ невѣстѣ сундучекъ или ящикъ, въ которомъ лежатъ: кнутъ, иголки, нитки, шелкъ, холстъ, ножницы и т. под. вещи, которыми она должна будетъ работать, когда сдѣлается его женою, иногда еще изюмъ, винныя ягоды, и т. п., давая ей понять этими подарками; кнутомъ—если оскорбитъ мужа, то будетъ бита имъ; иголками, нитками, холстомъ—что она должна прилежно заниматься шитьемъ, и работать, что лучше умѣетъ; изюмомъ и плодами онъ обѣщаетъ, что при хорошемъ своемъ поведеніи у ней не будетъ недостатка ни въ какой хорошей вещи, ничего не будетъ слишкомъ дорогимъ для нея. Невѣста посылаетъ жениху рубашку, платки и т. п. собственной работы.

По окончательномъ сговорѣ, назначается день вѣнчанія. Когда слѣдуетъ идти въ церковь, невѣста ни за что добромъ туда не идетъ, а упорствуетъ и споритъ съ убѣждающими ее идти и притворяется, плачущею до того, наконецъ, что двѣ женщины выводятъ ее и ведутъ въ церковь, плотно закрывши ея лицо, чтобы притворство ея не могло быть открыто замѣчено; невѣста же производитъ большой шумъ, какъ будто рыдаетъ, плачетъ до самаго прихода въ церковь, гдѣ снимаютъ покрывало съ ея лица. Женихъ приходитъ въ сопровожденіи своихъ пріятелей, которые приносятъ съ собой большой кувшинъ меду или вина. Тогда священникъ совокупляетъ ихъ во многомъ согласно съ нашими обрядами, они оба даютъ обѣщаніе любить и служить другъ другу въ продолженіе своей жизни. Затѣмъ они пьютъ вино, сперва невѣста, потомъ женихъ, который тотчасъ же бросаетъ чашу на полъ и спѣшитъ тотчасъ-же наступить на нее, то же дѣлаетъ и невѣста, и кто изъ нихъ первый наступитъ, того побѣда и тотъ всегда будетъ господиномъ (обыкновенно, это удается жениху; ему удобнѣе наступить на чашу, которую онъ самъ бросаетъ). Послѣ этого идутъ домой; лицо новобрачной открыто. При этомъ уличные мальчики кричатъ и шумятъ бранными словами.

По приходѣ домой жена садится за самый высокій конецъ стола, мужъ около нея; тогда начинается попойка, иногда при этомъ бываетъ пѣвецъ или два, а двое приведшіе новобрачную изъ церкви, голые танцуютъ довольно долго передъ компаніей. Когда всѣ перепьются, новобрачные идутъ спать;—бракосочетаніе у нихъ всегда бываетъ вечеромъ; передъ этимъ молодой кладетъ въ одинъ изъ своихъ сапоговъ деньги, золотыя и серебряныя, если только они есть у него, и садится въ комнатѣ, скрестивши ноги; молодая должна снять одинъ сапогъ по своему выбору; если ей удается снять тотъ сапогъ, въ которомъ деньги, она не только получаетъ ихъ за свой трудъ, но впредь съ этого дня не обязана снимать съ мужа сапоги; напротивъ, если не угадаетъ, то теряетъ деньги и должна посто-

янно уже снимать съ мужа сапоги. Слѣдующіе 3 дня они проводятъ въ попойкахъ и пированіяхъ въ обществѣ съ знакомыми, и въ теченіе этихъ дней молодой называется княземъ, а молодая княгиней, хотя бы они были самые бѣдные люди. (Неизвѣстный Англичанинъ, 26—27 стр.).

При выхожденіи изъ церкви пономарь или дьячекъ осыпаетъ невѣсту хмѣлемъ и желаетъ, чтобы у нея столько же было дѣтей, сколько во хмѣлѣ былинокъ; другой, одѣтый въ овчинный тулупъ на выворотъ, идетъ къ ней навстрѣчу, и желаетъ, чтобы у нее столько же было дѣтей, сколько волосъ на его одеждѣ. (Коллинсъ, 3 стр.).

5) Вдовы.

Отъ мужчины никогда не требуется и, вовсе у нихъ не въ обычаѣ, чтобы онъ дѣлалъ какой-нибудь даръ въ видѣ вознагражденія за приданое; но если у него будетъ уже дитя, то жена, отъ которой оно родилось, получаетъ на прежитокъ третью часть по смерти мужа; а когда у него двое или болѣе отъ нея дѣтей, то получаетъ она еще болѣе, по благоусмотрѣнію мужа. Но если мужъ умретъ, не оставивъ дѣтей отъ жены, то ее отсылаютъ домой въ ея семейство, безъ всякаго вознагражденія, кромѣ того, что ей возвращается ея приданое, въ томъ случаѣ, когда послѣ мужа останется настолько имѣнія. (Флетчеръ, 112 стр.).

6) Разводы и мужеубійство.

Если новобрачный увидитъ, что новобрачная обладаетъ какимъ-либо тѣлеснымъ недостаткомъ, или порокомъ, что она хромаетъ, слѣпа, стара или больна, то онъ можетъ развестись съ нею, но не иначе, какъ давъ ей новое приданое. (Впрочемъ, эти обычаи и подобные имъ, у простого народа, отчасти измѣнены, отчасти-же не въ употребленіи). Воспрещается вступать въ бракъ между собою родственникамъ по крови до четвертаго колѣна, связаннымъ духовнымъ родствомъ и тѣмъ, кто когда-либо были свидѣтелями въ одномъ дѣлѣ. Вступающихъ въ третій разъ въ бракъ, они обзываютъ женщинъ—неистовыми, а мужчины подвергаются не меньшему также нареканію. Разводъ у нихъ часто бываетъ изъ за пустяковъ, по бракоразводнымъ грамотамъ и по приговору священника. (Рейтенфельсъ, 177 стр.).

Народъ этотъ, когда женится беретъ себѣ только одну жену, и если она умретъ, могутъ вторично жениться. Когда случится, что мужъ и жена, оба согласны развестись и покинуть другъ друга, въ такомъ случаѣ соблюдается у нихъ слѣдующій обычай: оба идутъ къ текучей водѣ, мужъ становится по одну сторону, жена по другую, и взявъ съ собою кусокъ тонкаго холста, тутъ тащатъ его къ себѣ, каждый за свой конецъ, и раздираютъ пополамъ, такъ что у каждаго въ рукахъ остаетсяя по куску; послѣ чего расходятся оба въ разныя стороны, куда кому вздумается и остаются свободными. Есть еще у большей части этого народа обычай, что когда замѣчаютъ жизнь свою въ опасности и уже не надѣются спастись отъ смерти, поступаютъ въ монахи и отпускаютъ отъ себя жену, если же потомъ и случится, что оживутъ и оправятся отъ своей болѣзни, все-таки должны уже, хотя не хотя, остаться на всю жизнь въ монашествѣ, а жены ихъ ищутъ своей доли. (Барберини, 17—18 стр.).

Въ эти дни случилось, что какая-то женщина, влюбившись въ одного изъ посольскихъ, хотѣла завести съ нимъ интригу, о чемъ узналъ мужъ и сталъ ее бранить, либо бить. Озлобленная любовью женщина частью ради большей свободы, частію и изъ мести зарѣзала мужа и тѣмъ выместила свою досаду. Ее уличили, и она должна была подвергнуться наказанію, но не казни, потому что здѣсь, въ случаѣ человѣкоубійства ставятъ одну лишь свѣчу, либо нѣсколько, за душу убіеннаго и во искупленіе своей вины. Однако, за мужеубійство ей назначили кару, обнаживъ и связавъ ей назадъ руки, закопать ее до половины въ землю на трое сутокъ, а по прошествіи ихъ отпустить на свободу. Что же вышло? Голодныя тощія собаки, бѣгающія по всему городу, почуявъ, напали на несчастную, стали ее кусать и, несмотря на то, что она отбивалась, къ ужасу присутствовавшихъ, (ибо они они даже защитить ее не смѣли), терзать. Безоружная, воя и барахтаясь, скрежеща зубами, коими схватила не одну собаку, она защищалась, какъ могла, наконецъ, потеряла силы и черезъ нѣсколько времени умерла.

Собаки ее послѣ вырыли и почти цѣликомъ сожрали. Представляю читателямъ судить, каковъ этотъ поступокъ—тиранскій или ужъ вовсе звѣрскій. (Таннеръ, 81—82 стр.).

Нравы и обычаи.

1) Основныя черты народнаго характера.

Народъ московскій по природѣ гордъ и надмененъ: такъ какъ своего Князя они предпочитаютъ всѣмъ государямъ, то и себя также считаютъ выше всѣхъ другихъ народовъ. Нерѣдко, переступая предѣлы истины, чрезвычайно превозносятъ все свое и этимъ хвастовствомъ и тщеславіемъ думаютъ придать много достоинства своему Князю. Если кто-нибудь изъ присутствующихъ вспомнитъ о немъ и тѣ не обнажатъ головъ, то имъ тотчасъ напоминаютъ объ этой обязанности. Если они приносятъ кому-либо его грамоты, то несутъ ихъ взявшись двумя за нихъ пальцами и поднявши къ верху, и передаютъ съ величайшимъ почтеніемъ, кому они слѣдуютъ. Свое имя на нихъ онъ обыкновенно никогда не подписываетъ, но писецъ предпосылаетъ началу цѣлый титулъ. Даже и простые люди обыкновенно никогда не предпосылаютъ свои имена письмамъ, а подписываться считаютъ для себя позорнымъ. (Даніилъ, принцъ изъ Бухова, 67—68 стр.).

Не было тайною для насъ, что, по царскому запрещенію, никому изъ Московитянъ, нельзя заносить ногу за предѣлы отечества, ни дома заниматься науками, оттого, не имѣя никакихъ свѣдѣній о другихъ народахъ и странахъ міра, они предпочитаютъ свое отечество всѣмъ странамъ на свѣтѣ, ставятъ самихъ себя выше всѣхъ народовъ, а силѣ и величію своего Царя, по предосудительному мнѣнію, даютъ первенство передъ могуществомъ и значеніемъ какихъ бы то ни было Королей и Императоровъ. Предаваясь мечтѣ о своемъ высокомъ превосходствѣ, они до того презираютъ всѣхъ иноземцевъ, какъ людей ниже себя, что если доведется имъ принимать посланниковъ какого-нибудь государя, тѣ, кому прикажетъ Царь это дѣло, берутъ смѣлость требовать отъ нихъ точно несомнѣннаго долга, чтобы они первые выходили изъ кареты, или слѣзали съ лошадей, и первые же снимали шляпы. А потому, когда поѣдутъ провожать ихъ, не стыдятся прежде всѣхъ занимать для себя самыя почетныя мѣста. И все это съ такою наглостью, что иногда, послѣ нѣсколькихъ часовъ жаркаго спора, имъ при-

ходитъ охота показать, будто бы изъ одной только вѣжливости они отказываются отъ своего права, соглашаясь, чтобы настойчивый посолъ въ одно и то же время съ ними ступалъ на землю, или снималъ шляпу. (Майербергъ, 33—34 стр.).

Московиты всѣ, отъ большихъ до малыхъ имѣютъ пятый темпераментъ, а именно: коварство; ни одному чужеземцу ни о какомъ предметѣ ничего не сообщаютъ ни хорошаго, ни дурного, такъ что, когда нашъ владыка патріархъ спрашивалъ ихъ, отъ вельможъ и священниковъ до простолюдиновъ, о дѣлахъ Царя, то никто изъ нихъ ничего не говорилъ, кромѣ слова «не знаемъ», даже дѣти. Съ извѣстныхъ, именитыхъ греческихъ купцовъ, къ нимъ пріѣзжающихъ, они также брали клятву, что тѣ не разнесутъ вѣстей о нихъ и никогда не измѣнятъ государству. Какая это великая строгость! Въ устахъ у всѣхъ одинъ языкъ. Какъ мы узнали со всѣхъ берется клятва на крестѣ и евангеліи, и всѣ находятся подъ страхомъ патріаршаго отлученія, чтобы своихъ дѣлъ не открывать чужеземцамъ, но, что, если услышатъ какое-либо извѣстіе, возбуждающее подозрѣніе, то донесутъ о томъ Царю. (Павелъ Алеппскій, 199, 200 стр., вып. II).

Мы не можемъ вполнѣ надивиться всей испорченности нравовъ русскаго народа; ложь и клятвопреступленіе безнаказанны въ этомъ краѣ. Среди русскихъ всегда и вездѣ найдешь людей, готовыхъ лжесвидѣтельствовать; понятія московитянъ тамъ и сямъ до того извращены, что искусство обманывать считается у нихъ признакомъ высокихъ умственныхъ способностей. (Корбъ, 77, 78 стр.).

Вообще русскіе—народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами, какъ, наприм., «собака» и проч. На улицахъ безпрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другой съ такимъ ожесточеніемъ, что не привыкшій къ этимъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣпятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ, а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо. Не было еще примѣра, чтобы русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ или огнестрѣльныхъ оружіемъ, какъ это нерѣдко дѣлается въ Германіи и другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные русскіе господа, и даже князья, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетьми, какъ разсказывали намъ это за достовѣрное, и, какъ мы сами видѣли, случилось это съ двумя боярскими дѣтьми, во время принятія турецкаго посланника. (Олеарій, 175 стр.).

Съ недавняго времени, впрочемъ, скверныя и страшныя брани и ругательства строго на строго воспрещены и виновныхъ въ нихъ при всѣхъ наказываютъ кнутомъ, или розгами, что въ началѣ въ точности исполнялось; по улицамъ и на рынкахъ между народомъ расхаживаютъ тайно, нарочно назначаемые для того люди, которые, съ помощью приставленныхъ къ нимъ стрѣльцовъ и палачей, хватаютъ на мѣстѣ виновныхъ, и тутъ же, въ примѣръ прочимъ, наказываютъ всенародно.

Но усвоенная съ давнихъ лѣтъ и такъ глубоко укоренившаяся привычка браниться скверными словами, требовала повсюду гораздо большаго надзора, чѣмъ сколько было его назначено, и причиняла надзирателямъ, судьямъ и палачамъ такую невыносимую работу, что имъ уже самимъ надоѣла и было не подъ силу безпрестанно задерживать и наказывать виновныхъ. (Олеарій, 176 стр.).

Справедливо и то, что русскіе не любятъ придираться къ словамъ: они очень просты въ обхожденіи и всякому говорятъ ты; а прежде были еще проще. Если имъ случалось иногда слышать что-либо сомнительное, или несправедливое, то вмѣсто словъ: ваше мнѣніе, или извините, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчали наотрѣзъ: «ты лжешь». Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ названный Мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомясь съ иноземцами, русскіе отвыкаютъ отъ прежней дерзости въ разговорѣ, бывшей обыкновенно лѣтъ за двадцать или за тридцать. (Маржеретъ, 296—297 стр.).

Они отличаются въ особенности безпримѣрною благотворительностью по отношенію къ бѣднымъ; для ихъ просьбъ у нихъ всегда открыты уши и разжаты руки, такъ что въ Москвѣ зачастую можно видѣть не безъ изумленія, какъ цѣлыя толпы нищихъ, получаютъ около домовъ богатыхъ людей пищу или иную какую-либо милостыню. Въ несчастьѣ они также всегда тверды духомъ, не поддаются скорби, а къ счастью, которое служитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для испытанія душъ, они относятся равнодушно; мало того, они, не впадая, ни въ чрезмѣрную радость, постоянно, чтобы ни случилось, утѣшаютъ себя слѣдующими словами: «такъ Богу угодно, Онъ такъ устроятъ все къ лучшему». (Рейтенфельсъ, 142 стр.).

Мало есть такихъ бѣдняковъ, которые ходятъ по этому городу, прося милостыню, ибо Царь распредѣлилъ ихъ между вельможами по извѣстному числу, для полученія ежедневнаго пропитанія по спискамъ; и каждый бояринъ содержитъ свое число бѣдняковъ. Существуетъ много домовъ для помѣщенія ихъ и ежедневная выдача отъ Царя и Царицы; равно получаютъ ее и заключенные. (Павелъ Алеппскій, 35 стр., вып. III).

Въ столовую привели нищихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безногихъ и поставили для нихъ столъ близъ патріарха; онъ подзывалъ каждаго изъ нихъ, кормилъ и поилъ ихъ съ полнымъ уваженіемъ. При видѣ всего этого мы почувствовали тошноту. Наконецъ, патріархъ поднялся, ему поднесли тазъ и кувшинъ и онъ обошелъ нищихъ, умывая, вытирая и лобзая ихъ ноги, всѣмъ по порядку, при чемъ раздавалъ имъ милостыню до послѣдняго. Говорили намъ, что таковъ обычай и ихъ Царей во время обѣдовъ. (Павелъ Алеппскій, 179 стр., вып. III).

2) Праздничные обычаи.

Когда случится у нихъ большой праздникъ, они проводятъ его со многими обычаями и церковными обрядами. По исполненіи обрядовъ и обычаевъ справляютъ праздникъ объяденьемъ и пьянствомъ; однако жъ, кромѣ праздничнаго времени, этого никогда не бываетъ явно, и опьяненіе считается гнуснымъ состояніемъ. Такое пьянство по праздникамъ продолжается цѣлые 8 дней. Если праздникъ еще не такъ святъ и великъ, то, рано исправивъ свои обряды въ церквахъ, они открываютъ потомъ свои лавки и торгуютъ. (Варкочъ, 34 стр.).

Болѣе именитые мужи чтутъ праздничные дни тѣмъ, что по окончаніи богослуженія устрояютъ пиршество и пьянство и облекаются въ болѣе нарядное одѣяніе, а простой народъ, слуги, и рабы, по большей части, работаютъ, говоря, что праздничать и воздерживаться отъ работы есть дѣло господское. Граждане и ремесленники присутствуютъ за богослуженіемъ, по окончаніи котораго возвращаются къ работѣ, считая, что заняться ра-

ботой болѣе почетно, чѣмъ попусту терять достатокъ и время въ питьѣ, игрѣ и тому подобныхъ дѣлахъ. Человѣку простого званія воспрещены напитки—пиво и медъ, но все же имъ позволено пить въ нѣкоторые болѣе торжественные дни, какъ напримѣръ: Рождество Господне, праздникъ Пасхи, Пятидесятницу и нѣкоторые другіе, въ которыхъ они воздерживаются отъ работы, конечно, не изъ набожности, а скорѣе для пьянства. (Герберштейнъ, 62 стр.).

Посту предшествуетъ у нихъ карнавалъ, который продолжается столько же дней, сколько и самый постъ. Въ теченіе этого карнавала безпорядокъ настолько великъ, что иностранцы, живущіе въ предмѣстіяхъ не рѣшаются выходить изъ дому и ходить въ городъ, ибо Московитяне дерутся, какъ дикіе звѣри, и напиваются водкою и другими крѣпкими и отвратительными напитками, проглотить которые, кромѣ нихъ, не въ состояніи никто въ цѣломъ мірѣ. Не удивительно, что Московитяне теряютъ тогда и послѣдюю каплю разума, котораго у нихъ еще имѣется и рѣжутся другъ съ другомъ длинными ножами, похожими на штыки. Лучшій другъ готовъ убить своего же друга изъ за копейки или су. Чтобы уменьшить этотъ безпорядокъ, довольствуются тѣмъ, что посылаютъ стражу, но солдаты бываютъ не трезвѣе народа, появляясь почти всегда уже послѣ преступленія, и если имъ обѣщана часть добычи, то преступникъ можетъ преспокойно скрыться. Тамъ не находятъ ничего ужаснаго въ томъ, что почти ежедневно встрѣчаются на улицахъ трупы убитыхъ людей. (Невилль, 269—270 стр.).

Послѣдняя недѣля передъ сорокадневнымъ постомъ называется у русскихъ масленицею, потому что хотя и воспрещается ѣсть мясо, но разрѣшается за то масло. Я бы скорѣе назвалъ это время Вакханаліями, потому что русскіе въ эти дни заняты только гульбой и въ ней проводятъ все время. Нѣтъ никакого стыда, никакого уваженія къ высшимъ, вездѣ самое вредное самовольство, какъ будто бы ни одинъ судья и никакой справедливый законъ не въ правѣ взыскивать за преступленія, въ это время совершаемыя. Разбойники пользуются такою безнаказанностью, и потому почти ни о чемъ болѣе не слышно, какъ о смертоубійствахъ и похоронахъ. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоятъ часовые для предупрежденій этихъ безчинствъ, но отъ нихъ мало пользы, такъ какъ и они постоянно пьяны, и запятнаны общими пороками, потому никто ихъ и не опасается, а смотрѣть за ними некому. Многіе патріархи выказывали похвальное рвеніе, стараясь совершенно искоренить эту заразу нравовъ, но болѣе ничего не могли сдѣлать, какъ только сократить время этихъ шалостей, продолжавшихся прежде четырнадцать дней. Они убавили это время восемью днями, чтобы безчинство, отъ котораго, по закоренѣлости обычаевъ, совершенно излѣчить невозможно, по крайней мѣрѣ, порождало менѣе зла, вслѣдствіе сокращенія времени этихъ мерзостей. (Корбъ, 146, 147 стр.).

Послѣ продолжительнаго и строго соблюдаемаго поста, дни Святой Пасхи проводятся въ непрестанномъ бражничаньѣ. При этомъ даже женщины не уступаютъ мужчинамъ въ невоздержаніи; весьма часто, онѣ первыя, напившись черезчуръ, безобразничаютъ и почти на каждой улицѣ можно встрѣтить эти блѣдно-желтыя, полунагія съ безстыдствомъ на челѣ, существа. Здѣсь чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ сильнѣе поводъ къ широкому пьянству. Смѣшно очень, что на гульбищахъ вмѣстѣ съ молодежью забавляются и старики, также празднуютъ главнѣйшіе свои праздники движеніемъ тѣла,

а именно, раскачивая постоянно доску, причемъ то сидятъ, то стоятъ на ея концахъ. Въ то же время, хотя ни въ одной церкви не совершается богослуженіе, тѣмъ не менѣе цѣлый день въ храмахъ звонятъ во всѣ колокола, какъ будто для ознаменованія празднества достаточно одного біенія неодушевленнаго воздуха. (Корбъ, 56, 57 стр.).

Винныя лавки и питейныя дома съ самаго начала поста до Новаго Воскресенья (Ѳомина) оставались запечатанными, содержателямъ ихъ никоимъ образомъ не разрѣшается на Святой недѣлѣ открывать свои заведенія, ибо въ продолженіи ея за этимъ наблюдаютъ гораздо строже, чѣмъ во время Великаго поста. Равнымъ образомъ и въ теченіе всего года питейныя дома, обыкновенно, остаются закрытыми отъ кануна воскресенья до утра понедѣльника, такъ же дѣлается и во время большихъ праздниковъ. На Святой недѣлѣ стрѣльцы рыскали по городу, какъ огонь и если, гдѣ находили пьянаго, производящаго безпорядокъ, то тащили его въ приказъ и засаживали подъ арестъ на нѣсколько дней, послѣ нанесенія многихъ ударовъ; это мы видѣли сплошь и рядомъ. (Павелъ Алепскій, 204 стр., вып. III).

Въ продолженіи Святой недѣли, русскіе, слѣдуя обычаю христосоваться другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ красными яйцами подносятъ вельможамъ и своимъ покровителямъ какія-нибудь драгоцѣнныяя вещи, жемчугъ или червонцы. Этотъ праздникъ единственное въ году время, когда сановники могутъ принимать подарки, рублей въ 10 или въ 12; берутъ и болѣе, но тайно: въ противномъ случаѣ, подвергаются наказанію. (Маржеретъ, 275—276 стр.).

3) Народное пьянство.

Надобно знать, что они весьма наклонны къ пьянству, и даже до такой степени, что отъ этого происходитъ у нихъ много соблазна, зажигательство домовъ и тому подобное. Обыкновенно Государь строго запрещаетъ имъ это; но чуть насталъ Николинъ день, имъ дается 2 недѣли праздника и полной свободы, и въ это время имъ только и дѣла, что пить день и ночь. По домамъ, по улицамъ, вездѣ, только и встрѣчается, что пьяныхъ отъ водки, которой пьютъ много, да отъ пива и напитка, приготовляемаго изъ меда. (Барберини, 16 стр.).

Главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство, которымъ они, впрочемъ, хвалятся и презираютъ тѣхъ, кои не слѣдуютъ ихъ примѣру. Вина у нихъ совсѣмъ нѣтъ; но вмѣсто него они употребляютъ напитокъ, сдѣланный изъ меда съ хмѣлемъ. Напитокъ этотъ очень недуренъ, въ особенности, когда онъ старъ. Впрочемъ, Великій Князь не всѣмъ позволяетъ варить его; ибо въ противномъ случаѣ они бы каждый день напивались до пьяна и дрались безпрестанно между собою, какъ животныя. Образъ жизни ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: утро до полудня проводятъ они на рынкѣ, а потомъ отправляются въ харчевню ѣсть и пить, такъ что вечеромъ никакой уже услуги ожидать отъ нихъ нельзя. (Контарини, 110—111 стр.).

У людей побогаче столъ умѣренный, а прочіе питаются однимъ хлѣбомъ и чеснокомъ и всѣ одинаково утомляютъ жажду чистой водой, или очень скупо приправленной подмѣсью закваски. Этой жажды ихъ однакожъ нельзя никогда утолить, если станешь подносить имъ водки, сколько душа ихъ пожелаетъ. Потому что они пьютъ, не процѣживая сквозь зубы, какъ курицы, а глотаютъ всей глоткой, точно быки и лошади, да и никогда не перестанутъ пить, пока не перестанешь наливать. Въ кабакахъ пьянствуютъ

до тѣхъ поръ, пока не вытряхнутъ мошну до послѣдней копѣйки. Да и не рѣдко бываетъ, что кто-нибудь за неимѣніемъ денегъ отдаетъ по уговорной цѣнѣ шапку, кафтанъ и прочую одежду, даже до голаго тѣла, чтобы попить еще, а тутъ безобразничаютъ, однако жъ хочетъ быть въ видѣ не Геркулеса, а отца Бахуса на новую стать. Отъ этой заразы не уцѣлѣли ни священники, ни монахи. Очень часто можно видѣть, какъ кто-нибудь изъ Московитянъ выйдетъ невѣрнымъ шагомъ изъ кабака, пойдетъ впередъ съ отяжелѣвшей отъ питья головой, да и валяется въ грязи, пока не подниметъ и не отвезетъ его къ домашнимъ какой-нибудь извозчикъ, въ видахъ платы за провозъ, а эти извозчики въ безчисленномъ множествѣ стоятъ на каждой почти улицѣ въ Москвѣ, съ своими наемными повозками. Бываетъ тоже, чрезвычайно часто, что этихъ бѣдняковъ, потерявшихъ всякое сознаніе извозчики завозятъ въ глухіе переулки и, обобравъ у нихъ деньги и платье, безчеловѣчно убиваютъ. (Майербергъ, 79 стр.).

Женщины также вовсе не считаютъ за стыдъ напиваться до пьяна и валяться пьяными на дорогѣ подлѣ мужей своихъ. Когда я былъ въ Нарвѣ, то мнѣ случилось видѣть въ гостиницѣ, гдѣ я жилъ, въ Нигофѣ, пирушку русскихъ, во время которой пришли на пиръ къ мужьямъ своимъ и нѣсколько русскихъ женщинъ, которыя подсѣли къ мужьямъ и преисправно пили съ ними водку. Когда мужья понапились вдоволь и хотѣли было итти домой, то жены, не напившись еще, воспротивились тому, и хотя получили отъ мужей по нѣсколько оплеухъ, но все-таки не двинулись съ мѣста и остались пировать далѣе. Когда же, наконецъ, мужья ихъ съ пьяну попадали на полъ и позаснули, жены сѣли на нихъ и продолжали тянуть водку, одна за другой, до тѣхъ поръ, пока не упились до нельзя. (Олеарій, 182 стр.).

Во время моего пребыванія въ Москвѣ я слышалъ о мужчинахъ и женщинахъ, пропивающихъ своихъ дѣтей и все свое добро въ царскихъ кабакахъ. Когда кто-нибудь, заложивши себя въ кабакѣ, не въ состояніи платить, то содержатель кабака выводитъ его на большую дорогу и бьетъ его по ногамъ. Проходящіе, узнавъ причину и сожалѣя его, подаютъ ему деньги, и, такимъ образомъ, онъ выкупается.

Въ каждомъ хорошемъ городѣ есть кабакъ, называемый корчмой, который Царь иногда отдаетъ въ аренду, иногда же жалуетъ на годъ или на два какому-нибудь боярину, или дворянину въ вознагражденіе за его службу. Тотъ на это время становится господиномъ всего города; беретъ, грабитъ, и дѣлаетъ все, что ему угодно. Когда же онъ разбогатѣетъ, Царь вызываетъ его и посылаетъ на войну, гдѣ онъ и растрачиваетъ все нажитое; такъ что Царю немного бремени отъ войны, а вся тягость лежитъ на бѣдномъ народѣ. (Дженкинсонъ, 34—35 стр.).

Передъ этимъ городомъ [1]) есть у нихъ общедоступное кружало, славящееся попойками и не всегда благородными, однако, свойственными Московитянамъ удовольствіями. У нихъ принято отводить мѣсто бражничанью не въ самой Москвѣ, или предмѣстьѣ, а на полѣ, дабы не у всѣхъ были на виду безобразіе и ругань пьянчугъ. У нихъ вѣдь обыкновенно тотъ, кого разберетъ охота позабавиться съ женщинами да попьянствовать, уходитъ за городъ, въ ближайшій кабакъ сутокъ на двое, либо на трое, приноситъ тамъ жертвы Венерѣ съ Бахусомъ и кончаетъ большею частью тѣмъ, что пропиваетъ кабатчику все до рубахи, выталкивается на общественное поле,

---

[1]) Москвою.

а потомъ, проснувшись, является опять въ городъ, голый вполнѣ или на половину, гдѣ пьянчугу и встрѣчаютъ рукоплесканьями и похвалой. Мнѣ и самому довелось видѣть такого рода забулдыгъ, когда они проходили мимо посольскаго подворья совсѣмъ голые, исключая развѣ извѣстныхъ частей тѣла, покрытыхъ лоскутомъ полотна, и возбудили въ народѣ такіе крики, что многіе посольскіе бросились къ окнамъ, ожидая увидѣть нѣчто необыкновенное и любопытное, а увидали лишь безобразіе забулдыгъ, восхваляемое толпившимся народомъ за ихъ опытность въ пьянствѣ. (Таннеръ, 70—71 стр.).

4) Развлеченія.

Они гораздо меньше, чѣмъ мы заботятся о духовныхъ развлеченіяхъ и тѣлесныхъ упражненіяхъ. Музыку они производятъ на трубахъ, бубнахъ, рожкахъ, дудкахъ и волынкахъ, наигрывая весьма нестройно, не любятъ какого бы то ни было пѣнія въ сопровожденіи струнныхъ инструментовъ и пріятнаго сего соединенія разнородныхъ звуковъ и не терпятъ органовъ, даже въ церквахъ своихъ. Хороводы у нихъ водятся чрезвычайно рѣдко, почти исключительно одними крестьянами на свадьбахъ и крайне безобразно съ сладострастными, въ высшей степени, тѣлодвиженіями. Упражненіемъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ лука они занимаются весьма усердно, такъ какъ это часто имъ бываетъ нужно, болѣе же всего они отдыхаютъ въ благородномъ бездѣйствіи или за игрою въ разбойники или шашки. За этою игрою проводятъ почти все время и старики и дѣти, на всѣхъ улицахъ и площадяхъ Москвы. Кромѣ того, въ извѣстныя времена года, молодежь изъ простонародья устраиваетъ кулачные бои и борьбу, или же пытаетъ, счастья, играя въ кости. Женщины разгоняютъ скуку отъ бездѣйствія пѣснями или же, поочередно, подбрасываются вверхъ бревномъ, положеннымъ поперекъ на пень, либо же летаютъ по воздуху взадъ и впередъ на канатахъ, привязанныхъ къ поперечному бревну. Мальчики играютъ заостренными кусками желѣза, норовя попасть въ лежащее на землѣ кольцо, или быстро бѣгаютъ по снѣгу на лыжахъ или деревянныхъ подошвахъ, опираясь палками. (Рейтенфельсъ, 149 стр.).

Игры у нихъ не очень то благородны. Простолюдины чаще всего собираются на улицахъ, гдѣ шагахъ въ трехъ отъ себя бросаютъ на землю желѣзное колечко величиною съ пашъ флоринъ. Одинъ изъ нихъ нагибается; другой хорошенько разбѣжавшись, прыгаетъ ему на спину, и сидя на немъ, кидаетъ въ колечко заостренной желѣзкой, держа ее за остріе, а другой безпрестанно ему ее подаетъ. Сколько разъ попадетъ онъ въ середину колечка, столько разъ позволяется ему и промахнуться; а промахнется онъ разомъ больше, чѣмъ попалъ,—онъ тогда теряетъ игру, и долженъ въ свою очередь на своей спинѣ держать другого до тѣхъ поръ, пока тотъ и самъ не промахнется. Въ такихъ занятіяхъ проводятъ они иной разъ по нѣсколько часовъ. Отъ ежедневнаго упражненія въ этой игрѣ иные изъ нихъ такъ наловчаются, что къ удивленію присутствовавшихъ и дурнотѣ согнутаго подъ бременемъ бѣдняги, попадали въ середину колечка двадцать и болѣе разъ. Высшій классъ играетъ въ французскія карты, купцы—въ шахматы. Дѣвицы и молодыя женщины, гдѣ найдутъ удобное мѣсто—на улицѣ ли, на дворѣ ли, кладутъ большой величины колоду а на ней помѣщаютъ въ равновѣсіи доску. Стоя по концамъ ея, онѣ приводятъ другъ дружку въ движеніе и попеременно наподдаютъ кверху, иной разъ, (если сойдутся наловчившіяся) такъ смѣло, что подбрасываютъ одна другую на

доскѣ кверху высоко. Этимъ качаньемъ онѣ тоже занимаются по цѣлымъ днямъ.

Бесѣда у нихъ бываетъ не о состояніи народовъ, политикѣ или иномъ еще благородномъ либо пріятномъ предметѣ, потому, что въ достохвальныхъ знаніяхъ они круглые невѣжды; не зная исторіи и примѣчательныхъ дѣяній предшественниковъ, они говорятъ, что взбредетъ на умъ, особенно же, что звучитъ неприличностью и безстыдствомъ. Пляска ихъ состоитъ въ безстыдныхъ жестикуляціяхъ и движеніяхъ тѣла. Неудивительно, если это составляетъ источникъ разныхъ непристойностей и преступленій. (Таннеръ, 103 стр.).

Юноши наравнѣ съ подростками, сходятся обычно по праздничнымъ днямъ въ городѣ на обширномъ и извѣстномъ всѣмъ мѣстѣ, такъ что большинство можетъ ихъ тамъ видѣть и слышать; они созываютъ вмѣстѣ нѣкіимъ свистомъ, который является какъ бы условнымъ знакомъ; созванные они тотчасъ сбѣгаются вмѣстѣ и вступаютъ въ рукопашный бой; начинаютъ они борьбу кулаками, а вскорѣ безъ разбору и съ великой яростью бьютъ ногами по лицу, шеѣ, груди, животу, и вообще какимъ только можно способомъ одни поражаютъ другихъ, состязаясь взаимно о побѣдѣ, такъ что, часто ихъ уносятъ оттуда бездыханными. Всякій, кто побѣдитъ больше народу, дольше другихъ останется на мѣстѣ сраженія и весьма храбро выноситъ удары, получаетъ особую похвалу въ сравненіи съ прочими и считается славнымъ побѣдителемъ. Этотъ родъ состязанія установленъ для того, чтобы юноши привыкали сносить побои и терпѣть какіе угодно удары. (Герберштейнъ, 80 стр.).

Почти на одинъ часъ разстоянія отъ Москвы, на берегу р. Яузы, стоитъ роща, куда въ извѣстные дни весной и лѣтомъ сходятся живущіе въ Москвѣ нѣмцы. Это мѣсто отъ частаго посѣщенія всякому нѣмцу извѣстно и сдѣлалось отъ долгаго пользованія какъ бы собственностью ихъ, потому что нѣтъ ничего пріятнѣе для нихъ, какъ искать развлеченія души въ невинныхъ играхъ подъ сѣнью деревьевъ, среди пріятной зелени. Тутъ они разставляютъ столы, на которыхъ каждый по очереди на свой счетъ угощаетъ другихъ. (Корбъ, 66 стр.).

Просвѣщеніе.

1) Невѣжество населенія.

Ни одинъ человѣкъ съ дарованіями и способностями не имѣлъ еще до сихъ поръ возможности быть въ Россіи; потому что русскій народъ очень недовѣрчивъ и подозрѣваетъ всѣхъ иностранцевъ, которые разспрашиваютъ о политикѣ, или религіи. Онъ совершенно преданъ невѣжеству, не имѣетъ никакой образованности ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ дѣлахъ. И видя въ наукахъ чудовище, боится ихъ, какъ огня, оправдывая, такимъ образомъ, древнее изреченіе: «Одни невѣжды враги наукъ». (Коллинсъ, 1 стр.).

Московитяне безъ всякой науки и образованія, всѣ однолѣтки въ этомъ отношеніи, всѣ одинаково вовсе не знаютъ прошедшаго, кромѣ только случаевъ, бывшихъ на ихъ вѣку, да и то еще въ предѣлахъ Московскаго царства, такъ какъ до равнодушія не любопытны относительно иноземныхъ; слѣдовательно, не имѣя ни примѣровъ, ни образцовъ, которые то же, что

очки для общественнаго человѣка, они не очень далеко видятъ очами природнаго разумѣнія. Гдѣ же имъ обучать другихъ, когда они сами необразованы и не въ состояніи указывать перстомъ предусмотрительности пути плаванія, пристани и бухты, когда не видятъ ихъ сами? А что Московитяне изгоняютъ всѣ знанія въ такую продолжительную и безвозвратную ссылку, это надобно приписать во-первыхъ самимъ Государямъ, которые, за одно съ Лициніемъ, ненавидятъ ихъ, изъ опасенія, что подданные, пожалуй, наберутся въ нихъ духа свободы, да и потомъ и возстанутъ, чтобы сбросить съ себя гнетущее ихъ деспотическое иго. Государи хотятъ, чтобы они походили на Спартанцевъ, учившихся одной только грамотѣ, а всѣ прочія знанія заключались бы у нихъ въ полномъ повиновеніи, въ перенесеніи трудовъ и въ умѣніи побѣждать въ битвахъ. Потому что послѣднее едва ли возможно для духа простолюдиновъ, если онъ будетъ предвидѣть опасности чрезвычайно изощреннымъ знаніями умомъ. Во-вторыхъ, это слѣдуетъ приписать духовенству: зная, что науки будутъ преподаваться по латыни, и могутъ быть допущены не иначе, какъ вмѣстѣ съ латинскими учителями, оно боится, чтобы этими широкими воротами, если распахнуть ихъ настежь, не вошелъ и латинскій обрядъ, а учители его не передали на посмѣяніе народу его невѣжество, и не представили бы въ полномъ свѣтѣ несостоятельность вѣроученія, которымъ оно потѣшается надъ его легковѣріемъ. А въ третьихъ виною того старые бояре по зависти, что молодежь получитъ такіе дары, которыхъ изъ пренебреженія не хотѣли брать они сами, а отъ этого они справедливо лишаются исключительнаго обладанія мудростью, которое не по праву отвели себѣ сами, и будутъ отстранены отъ общественныхъ дѣлъ въ государствѣ. (Майербергъ, 111—112 стр.).

Они имѣютъ св. Писаніе на своемъ языкѣ, т. е. на славянскомъ; очень уважаютъ псалмы Давида; въ церквахъ никогда не проповѣдуютъ; а по праздникамъ читаютъ отрывки изъ Ветхаго или Новаго Завѣта; но таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы «Отче нашъ» и «Вѣрую во единаго». Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія; онъ ненавидитъ науки, и особенно языкъ латинскій; не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются. (Маржеретъ, 260 стр.).

О степени просвѣщенія монаховъ можно судить по епископамъ, которые суть самыя избранныя лица изо всѣхъ монастырей. Я говорилъ съ однимъ изъ нихъ въ Вологдѣ и (желая испытать его знанія) далъ ему Священное Писаніе на русскомъ языкѣ, открывъ первую главу Евангелія Св. Матѳея. Онъ принялся читать весьма хорошо. Тутъ спросилъ я его прежде всего, какую часть Священнаго Писанія онъ прочелъ теперь? Онъ отвѣчалъ, что не можетъ сказать навѣрное.—Сколько было Евангелистовъ въ Новомъ Завѣтѣ?—Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ.—Сколько было Апостоловъ?—По его мнѣнію, 12.—Какимъ образомъ надѣется онъ быть спасеннымъ?—На этотъ вопросъ отвѣчалъ онъ мнѣ, сообразно ученію русской церкви, что не знаетъ еще, будетъ ли спасенъ, или нѣтъ, но если Богъ пожалуетъ или помилуетъ и спасетъ его, то онъ будетъ этому очень радъ; если же нѣтъ, то нечего дѣлать.—Я спросилъ его, для чего онъ постригся въ монахи?—Онъ отвѣтилъ: «для того, чтобы покойно ѣсть хлѣбъ свой». Вотъ просвѣщеніе русскихъ монаховъ, о которомъ хотя и нельзя судить по одному человѣку, но по невѣжеству его можно отчасти заключать и о невѣжествѣ прочихъ. (Флетчеръ, 100 стр.).

2) Вражда къ иностранцамъ.

Большинство русскихъ, когда что-либо узнаютъ отъ чужестранцевъ о высокихъ знаніяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ, произносятъ самыя грубыя и неразумныя сужденія: такъ Астрономію и Астрологію они считаютъ волшебными науками. Они никакъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затмѣнія солнца и луны, равно какъ движеніе другой какой-либо планеты. Поэтому когда, по возвращеніи нашемъ изъ Персіи, въ Москвѣ стало извѣстно, что Великій Князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ Астрономомъ, начались толки: «въ Москву, де, скоро вернется волшебникъ, находящійся теперь въ Голштинскомъ посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возымѣли даже отвращеніе ко мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности. (Олеарій, 165 стр.).

Позднѣе, именно въ 1643 году, когда я опять былъ въ Москвѣ, будучи посланъ туда моимъ милостивѣйшимъ Государемъ, я, сидя дома, забавлялся камеръ-обскурой, пропуская сквозь небольшое отверстіе и шлифованное стекло все то, что происходило на улицѣ передъ окномъ, и представляя эти изображенія живыми красками, вошелъ ко мнѣ русскій подканцлеръ, которому я и показалъ тѣ изображенія. Онъ перекрестился и сказалъ: «Это чародѣйство». Его собственно поразили люди и лошади, ходившіе вверхъ ногами, какъ представлялись они на изображеніи.

Хотя русскіе любятъ и уважаютъ врачей и ихъ искусство, но никакъ не одобряютъ и не допускаютъ тѣхъ обыкновенныхъ средствъ, которыя употребляются въ Германіи и другихъ странахъ и которыми наглядымъ образомъ только и можно совершенствоваться въ дѣлѣ леченія, какъ наприм., анатомированія тѣла человѣческаго, или дѣланія скелетовъ, къ которымъ русскіе питаютъ величайшее отвращеніе.

Не много лѣтъ тому назадъ, одинъ искусный цырюльникъ, по имени Квиринъ, голландецъ, чрезвычайно любезный человѣкъ, находился въ службѣ у Великаго Князя и въ своемъ жилищѣ имѣлъ человѣческій скелетъ, который висѣлъ у него на стѣнѣ позади стола. Однажды, когда онъ, по своему обыкновенію, сидя за столомъ, игралъ на лютнѣ, пришли, на звукъ музыки, стрѣльцы, которые тогда еще держали постоянную стражу на нѣмецкомъ дворѣ, и, ради любопытства, заглянули въ дверь. Когда они увидѣли висѣвшія на стѣнѣ человѣческія кости, то перепугались, и тѣмъ еще болѣе, когда замѣтили, что кости тѣ двигались, въ ужасѣ они разбѣжались и распустили слухъ, что нѣмецкій цырюльникъ повѣсилъ у себя на стѣнѣ мертвеца, и когда самъ играетъ на лютнѣ, то мертвецъ движется. Слухъ этотъ тотчасъ дошелъ до Великаго Князя и Патріарха, которые послали немедленно нарочныхъ посмотрѣть и разузнать все обстоятельно, особенно наблюдая за тѣмъ, когда цырюльникъ будетъ играть на лютнѣ. Посланные не только подтвердили первое показаніе, но еще увѣряли, что мертвецъ на стѣнѣ просто плясалъ подъ лютню.

Русскимъ показалось это великимъ дивомъ: они начали держать совѣтъ и порѣшили, что цырюльникъ непремѣнно должно быть колдунъ, и что его слѣдуетъ сжечь, вмѣстѣ съ его костями мертвеца. Какъ только Квиринъ узналъ о замышленномъ втайнѣ противъ него, опасномъ для него, рѣшеніи, тотчасъ послалъ одного знатнаго нѣмецкаго купца, котораго всѣ бояре всегда хорошо принимали, къ Князю Ивану Борисовичу Черкасскому,

объяснить настоящее значеніе дѣла и отклонить отъ него, Квирина, грозящее ему непристойное намѣреніе русскихъ. Купецъ этотъ, въ разговорѣ съ бояриномъ, объяснилъ ему, что по скелету никакъ нельзя еще приписывать цырюльнику какое-нибудь волшебство; такъ, въ Германіи ужъ такой обычай, что всѣ лучшіе врачи и цырюльники имѣютъ у себя человѣческія кости, которыя и стараются изучать, для того собственно, что если кому-либо изъ живыхъ людей случится сломить себѣ ногу, или повредить другой какой ни есть членъ, то по скелету можно лучше узнать, какъ приняться за дѣло и излѣчить поврежденіе. Что же касается до того, что висѣвшія кости двигались, то происходило это не отъ игры цырюльника на лютнѣ, а отъ вѣтра, который дулъ въ открытое окно и качалъ кости. Хотя послѣ такого объясненія сказанное рѣшеніе и было отмѣнено, но все таки Квиринъ долженъ былъ немедленно выѣхать изъ Россіи, а его скелетъ выволокли за Москву рѣку и тамъ сожгли. Подобную же трагедію, еще недавно, русскіе хотѣли было разыграть съ однимъ живописцемъ, нѣмцемъ Іоанномъ Детерсеномъ. Во время большого пожара въ Москвѣ, бывшаго 4 года тому назадъ, стрѣльцы, прекращая огонь по своему, описанному выше, способу, т. е., ломая близъ стоящія къ пожару строенія, взошли въ домъ этого живописца, и нашли тамъ старый черепъ; они тотчасъ же порѣшили и черепъ, и самаго живописца бросить въ огонь, и исполнили бы это, если бы не случились тутъ нѣкоторые, болѣе разумные, люди, убѣдившіе стрѣльцовъ, что черепъ этотъ, по обычаю нѣмецкихъ живописцевъ, служитъ Детерсену не для чего иного, какъ только для рисованія. (Олеарій, 166—167 стр.).

3) Воспитаніе дѣтей.

Заботѣ о правильномъ воспитаніи дѣтей, полезномъ въ высшей степени, какъ для всего государства, такъ и для частныхъ лицъ, москви отводятъ послѣднее мѣсто, такъ что дѣти подрастаютъ у нихъ на полной свободѣ и распущенности. Они не только не преподаютъ имъ никакихъ правилъ пристойнаго образа жизни, но напротивъ считаютъ нужнымъ учить ихъ въ баняхъ и въ постеляхъ многому такому, что должно быть окутано глубочайшимъ мракомъ. Къ школьнымъ занятіямъ дѣти приступаютъ поздно, такъ что, нерѣдко, познаютъ жену раньше, чѣмъ грамоту. Обращаясь постоянно между пьяными, они становятся лѣнтяями, неотесанными, пріобрѣтаютъ чудовищныя привычки, никогда почти ничего честнаго не дѣлая и не помышляя даже о лучшемъ образѣ жизни. Отцовъ они уважаютъ весьма мало, матерей едва-ли уважаютъ вообще. Пока отецъ живъ, даже взрослые дѣти находятся въ его полной власти: онъ имѣетъ право наказывать различными способами непокорныхъ и четыре раза продать ихъ, на совершенно законномъ основаніи, если задолжаетъ кому-либо. Къ сиротамъ назначаются опекуны, большею частью Царемъ, хотя, нерѣдко, берутъ опеку на себя, по волѣ завѣщателя, ближайшіе родственники, но и тѣ, и другіе обязаны представлять точнѣйшій отчетъ въ приходѣ и расходѣ Царю, какъ верховному опекуну надъ всѣми. (Рейтенфельсъ, 178 стр.).

4) Сближеніе съ иностранной культурой.

Такъ какъ русскіе въ своихъ училищахъ обучаются только читать и писать исключительно на своемъ русскомъ, и очень рѣдко развѣ на славянскомъ языкѣ, то никто изъ нихъ, ни духовныя лица, ни свѣтскія, ни

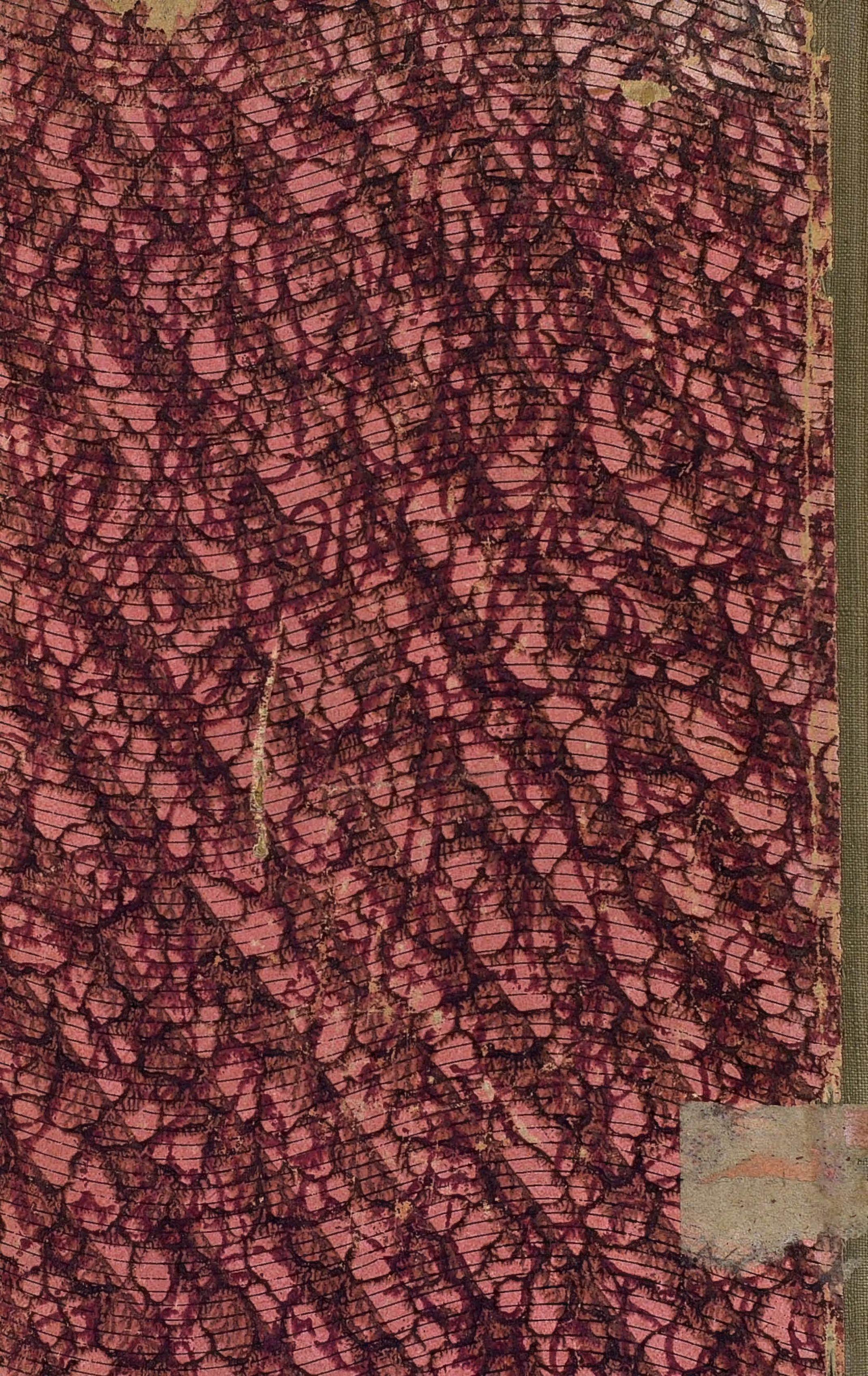
высшаго, ни низшаго состоянія люди, ни слова не знаютъ ни по-Гречески, ни по-Латыни.

Впрочемъ, въ настоящее время, къ не малому удивленію, надо замѣтить, что, по распоряженіямъ Патріарха и Великаго Князя, русское юношество начинаютъ обучать Греческому и Латинскому языкамъ. Если бы это начало имѣло такой счастливый успѣхъ, что русскіе могли бы читать писанія этихъ писателей, то можно было бы надѣяться, что, съ Божіей помощью, въ пониманіи Вѣры своей они пришли къ болѣе чистымъ воззрѣніямъ. Чтобы учиться у русскихъ въ добрыхъ головахъ недостатка нѣтъ. Между ними встрѣчаются тонкіе способные люди, одаренные яснымъ умомъ и доброю памятью. (Олеарій, 310 стр.).

Съ тѣхъ поръ, какъ Его Величество былъ въ Польшѣ, видѣлъ тамошній образъ жизни и сталъ подражать Польскому Королю, кругъ его понятій расширился: онъ начинаетъ преобразовывать дворъ, строить зданія красивѣе прежняго, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома. (Коллинсъ, 20 стр.).

Сегодня обнаружилось въ русскомъ обществѣ смягченіе нравовъ, такъ какъ до сего времени женщины никогда не находились въ одномъ обществѣ съ мужчинами и не принимали участія въ ихъ увеселеніяхъ, сегодня же нѣкоторыя не только были на обѣдѣ, но также присутствовали при танцахъ. (Корбъ, 149, 150 стр.).

Московская Центральная
Публичная библиотека

576 - 30/II-37

125 - 29/XI-37